

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

вып. 7

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ
УЗБЕКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1955

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
И АРХЕОЛОГИИ

вып. 7

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ
УЗБЕКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1955

Посвящается памяти
Александра Юрьевича
ЯКУБОВСКОГО

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ЯКУБОВСКИЙ (1886 — 1953)

21 марта 1953 г. смерть унесла одного из крупнейших советских историков—Александра Юрьевича Якубовского.

Доктор исторических наук А. Ю. Якубовский являлся членом-корреспондентом Академии Наук СССР, действительным членом Академии Наук Таджикской ССР, заслуженным деятелем науки Узбекистана и Туркмении. Уроженец Узбекистана, он всю свою жизнь посвятил изучению истории узбекского народа и других народов Средней Азии.

Однако тематика работ Александра Юрьевича не ограничивалась только территорией Средней Азии. Его живо интересовали также история арабского халифата и история юго-восточной Европы, в частности государства Золотой орды, которому был посвящен написанный им в сотрудничестве с акад. Б. Д. Грековым и удостоенный Сталинской премии труд «Золотая орда».

Выдающийся ученый — востоковед, глубокий знаток письменных источников по истории Средней Азии и памятников материальной культуры, Александр Юрьевич в своих исследованиях уделял особое внимание таким важнейшим вопросам исторической науки, как вопрос о генезисе и своеобразии феодализма в Средней Азии. Таковы его исследования истории феодального общества Средней Азии X—XI вв. В ранних исследованиях есть еще крупные ошибки, объясняющиеся тем, что советская историография находилась под сильным влиянием школы М. Н. Покровского. В этих исследованиях отражалась «теория» чуть ли не извечного феодализма в Средней Азии, недостаточно четко определялась периодизация развития феодальных отношений, преувеличивалась роль торгового капитала и товарно-денежных отношений. Следуя за своим учителем В. В. Бартольдом, крупнейшим представителем старого русского востоковедения, А. Ю. Якубовский неправильно придавал прогрессивное значение монгольскому завоеванию, которое, по его мнению, способствовало расширению товарно-денежных отношений, а следовательно, и дальнейшему развитию страны. Однако, А. Ю. Якубовский, упорно работая над углублением своих исследований по истории феодализма на Востоке, и, в частности Средней Азии, прочно усваивая марксистско-ленинский метод исторического исследования, в чем ему оказали огромную помощь изданные в 1934 г. постановления ЦК ВКП(б) по вопросам исторической науки, сумел преодолеть и исправить свои ошибки. Свидетельством этого являются дальнейшие работы ученого, среди которых весьма ценны исследования о социальной природе газневидского государства, работы, посвященные народ-

ным движениям средневековья—восстаниям Махмуда Тараби, социально-экономической и культурной истории эпохи Абу Али ибн Сина, истории уйгуров IX—X вв. Все эти труды основаны на тщательном изучении первоисточников и стоят на уровне лучших достижений советской исторической науки.

Следует отметить, кроме того, работы А. Ю. Якубовского «К вопросу об этногенезе узбекского народа» (1941) и «История этногенеза туркменского народа» («Советская этнография», VI—VII, 1947). В них Александр Юрьевич правильно поставил и разрешил в общих чертах основные проблемы происхождения узбекского и туркменского народов, опровергнув распространявшиеся прежде неверные, антинаучные взгляды сторонников «теории» пантюркизма и паниранизма.

А. Ю. Якубовский был одним из активнейших организаторов и ведущих авторов изданного в 1949 г. первого тома «Истории народов Узбекистана», для которого им были написаны все главы, относящиеся к VII—XV вв. Однако этот большой труд, представляющий собой изложение истории народов Узбекистана за огромный период времени, не был лишен некоторых недостатков. Александр Юрьевич признал их и намеревался приступить к подготовке второго, исправленного, издания книги, но неожиданная смерть прервала работу ученого.

Одной из существенных ошибок «Истории народов Узбекистана» являлась недостаточная разработанность исторической периодизации феодального общества Средней Азии. Александр Юрьевич посвятил этому вопросу специальную статью «Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века» (Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, в. XXVIII), знаменующую собой новую ступень в развитии этой основной исторической проблемы.

Крупный вклад внес А. Ю. Якубовский в изучение материальной культуры Средней Азии, в изучение и популяризацию исторических памятников Хорезма, Самарканда, Таджикистана. Во всех исследованиях ученый опирался не только на свое прекрасное знание письменных источников, но и на данные исторической топографии и сохранившиеся от древности памятники культуры и искусства. При этом археологический материал Александр Юрьевич получал не из вторых рук. Он сам провел немало полевых исследований и археологических экспедиций, давших большой и ценный материал. Значительную часть своей жизни—двадцать восемь лет—он был одним из ведущих работников сначала Государственной академии истории материальной культуры, а после ее реорганизации—Института истории материальной культуры АН СССР, где в течение многих лет заведывал Сектором Средней Азии, одновременно работая и в Государственном Эрмитаже.

Замечательным памятником своего родного города—Самарканда посвятил он работы—«Самарканд при Тимуре и Тимуридах» (Ленинград, 1933) и «Из истории археологического изучения Самарканда» (Труды Отдела Востока, Государств. Эрмитаж, II, 1940). С работой в Эрмитаже связано появление двух популярных по форме, но содержащих нигде раньше не публиковавшихся данные, книжек-путеводителей—«Культура и искусство Востока» (1932) и «Культура и искусство Средней Азии» (1933), а также ценной статьи «Среднеазиатские собрания Эрмитажа» (Труды Отдела Востока, II), представляющей собой обзор богатейших среднеазиатских собраний этого мирового хранилища древних памятников.

Отличительной особенностью собственных археологических работ А. Ю. Якубовского, большая часть которых была направлена на изучение памятников средневековья и переходной поры разложения рабовла-

дельческих отношений и формирования феодального общества, являлась тесная увязка их с тщательным подбором соответствующих арабских и персидских источников. Археологической работе ученого предшествовала серьезная историко-востоковедная подготовка. Этим отличаются его первые работы «Развалины Ургенча», «Городище Миздахкан», «Развалины Сыгнака», сочетающие точность и обстоятельность описаний с широкими историческими выводами.

Археологические работы А. Ю. Якубовского особенно широко развернулись в 1934 г., когда он организовал и возглавил Зеравшанскую археологическую экспедицию, основная цель которой заключалась в рекогносцировке и предварительном изучении памятников, сохранившихся вдоль древнего торгового пути Самарканд—Бухара. Экспедицией осмотрены остатки древней районной стены Бухары, крупные городища и другие объекты, сделан ряд наблюдений и значительных открытий.

Экспедиция продолжила свою работу в 1939—1940 гг. В эти годы производились раскопки на городище Пайкенда и на Талли-Барзу под Самаркандом.¹

Следует отметить, что А. Ю. Якубовский не был археологом-раскопщиком. Насколько нам известно, сам он никогда непосредственно не руководил раскопками, но это ничуть не уменьшает его роли в развитии археологических исследований. Прекрасный организатор, он привлекал в экспедиции археологов-специалистов, преимущественно своих учеников из молодежи. Все, кто работал с Александром Юрьевичем в полевой обстановке, навсегда сохраняют память о нем, как о замечательном руководителе, умевшем увлечь всех своим энтузиазмом, помогавшем советами и указаниями, и как об обаятельном, отзывчивом и чутком старшем товарище.

Крупнейшей археологической работой, предпринятой Александром Юрьевичем, явилась большая многоотрядная Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция. Задачи ее определены А. Ю. Якубовским во «Введении» к первому тому трудов экспедиции,² где он особо подчеркивает, что все усилия должны быть направлены на разрешение основных проблем древней и раннесредневековой истории, так как «при сравнительной скудости сведений, имеющихся для указанных периодов в письменных источниках, добытые памятники материальной культуры и изобразительного искусства могут стать в сочетании с данными языка и этнографии важнейшим первоисточником». В тематику работ экспедиции включались систематическое исследование исторической топографии, топонимики, фиксация всех сохранившихся на поверхности земли памятников. При этом археологические исследования должны были производиться обязательно в связи с «изучением истории того или иного района... на основе письменных источников». Намеченная здесь программа исследований может и должна быть принята всеми исследователями далекого прошлого нашей страны.

Одним из результатов Согдийско-Таджикской экспедиции явилось исследование городища древнего Пянджикента. Раскопки позволили А. Ю. Якубовскому еще раз поднять вопрос о самостоятельном и высоком культурном развитии народов Средней Азии и категорически заявить, что «в изобразительном искусстве, так же как в области «иранского» эпоса, в области архитектуры и других сторон культурной жизни,

¹ См. «Зарафшанская экспедиция» 1934 г., «Краткий полевой отчет о работах Зеравшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г.»; Труды Отдела Востока, II, 1940.

² Материалы и исследования по археологии СССР, в. 15, М.—Л., 1950.

приоритет происхождения на стороне народов Средней Азии» («Живопись древнего Пянджикента», Известия АН СССР, Серия истории и философии, т. VII, 5, 1950). Одновременно с этим был предпринят ряд маршрутных историко-топографических исследований в неизучавшихся и иногда труднодоступных горных районах Таджикистана, произведены раскопки городищ и могильников рабовладельческого периода в южном Таджикистане и т. д.

Значение работ Согдийско-Таджикской экспедиции и сделанных ею открытий чрезвычайно велико не только для истории собственно Таджикистана, на территории которого производились работы, но и для Узбекистана, исторические судьбы которого всегда были тесно связаны с судьбами таджикского народа.

Это важное научное предприятие, так блестяще начатое Александром Юрьевичем, будет успешно продолжено его учениками.

Жизнь Александра Юрьевича, всегда требовательного к себе, неуклонно стремившегося вперед, заботливо выращивавшего талантливую светскую молодежь, всегда охотно делившегося своими большими знаниями с учениками и сотрудниками, может служить примером деятельности советского ученого-патриота.

Д. Н. Лев

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПАЛЕОЛИТУ УЗБЕКИСТАНА

В 1947 г. в сорока с лишним километрах южнее Самарканда, в районе перевала Тахта-Карача, автором была открыта пещерная палеолитическая стоянка в Бульбульзар-Сае, у селения Аман-Кутан.

Селение Аман-Кутан и граничащие с ним районы и ранее привлекали внимание исследователей. В 1939 г. в районе перевала Тахта-Карача производила работы организованная Антропологическим музеем Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Узкомстарисом объединенная Самаркандская археолого-геологическая экспедиция под общим руководством М. В. Воеводского.

Основной целью ее было выявление следов первобытного человека как в г. Самарканде, так и в районах Тахта-Карача, Ургута, Агалыка. В частности, этой экспедицией была частично раскопана относящаяся, по видимому, к концу палеолитического времени и открытая Н. Г. Харламовым, производившим здесь небольшие раскопки, стоянка в Самарканде в районе Комсомольского озера. Обнаруженный при раскопках Н. Г. Харламовым каменный инвентарь хранится в Республиканском Музее культуры узбекского народа (Самарканд),¹ что касается находок из раскопок М. В. Воеводского, то место их хранения нам неизвестно. Геологический отряд экспедиции возглавлял геолог В. В. Шумов, которым и было произведено рекогносцировочное четвертично-геологическое обследование района Самарканда.

«Работа составляла часть задания объединенной Самаркандской экспедиции под общим руководством М. В. Воеводского (последний одновременно возглавлял археологический отряд), — пишет В. В. Шумов, — целью ее была археологическая разведка и поиски возможных следов первобытного человека как на равнине, по левобережью Зеравшана, так и в системе западной оконечности Зеравшанского хребта, главным образом, по его северным склонам».²

При отчете приложен схематический маршрут экспедиции, в котором В. В. Шумов отмечает пещеры в районе перевала Тахта-Карача: одну — Ходжадук, к востоку от селения Кара-Теле, другую — в нижней части правого склона ущелья Шахак-Сая, зарегистрированную Шумовым под именем «Змеиного грота». Эта пещера была вторично открыта

¹ Коллекция № А-171 Республиканского музея культуры узбекского народа (Самарканд).

² Шумов В. В., Материалы четвертичных отложений района Самарканда. Отчет геологического отряда Самаркандской экспедиции музея Антропологии МГУ и Узкомстариса, Ташкент, Управление по делам архитектуры при Совете Министров УзССР, дело № 37.

археологической экспедицией УзГУ в 1948 г. и зарегистрирована под именем «Шахак-Сай».

По сообщению В. В. Шумова, эту пещеру посетил М. В. Воеводский и произвел здесь небольшие раскопки рекогносцировочного характера, в результате которых им были найдены бусинка и разрозненные части человеческого скелета.¹

Далее, за перевалом Тахта-Карача, в Кашка-Дарьинской области, к востоку от тракта, В. В. Шумов зарегистрировал две пещеры—у перевала Турпалык, и к западу от тракта—у перевала Кунгузык. Последние зарегистрированы и экспедицией УзГУ под названием «Саук-Булак» № 1 и № 2. В этих пещерах экспедицией УзГУ обнаружена ископаемая фауна.

Из сказанного видно, что В. В. Шумову и М. В. Воеводскому не удалось обнаружить следов деятельности первобытного человека. Таким образом, открытая позднее археологической экспедицией Узбекского государственного университета пещера эпохи палеолита в Аман-Кутане осталась вне поля зрения геолого-археологической экспедиции Антропологического музея МГУ и Узкомстариса.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕЩЕРЫ АМАН-КУТАН

В 1948 г. Узбекским государственным университетом была организована под руководством автора археологическая экспедиция по исследованию пещеры Аман-Кутан. Работы начались с раскопок площадки у входа в пещеру. Культурный слой здесь не был обнаружен, лишь изредка в делювиальных отложениях встречались мелкие кости и угольки, вынесенные весенней водой из пещеры.

При раскопках 1948 г. у самого входа в пещеру (рис. 1,2) создавалось впечатление, что мы имеем здесь дело с остатками костра. Раскопками 1949 г. это полностью подтвердилось. При разборе культурного слоя площади квадрата Д-7 (этот слой как и другие: тщательно разбирались небольшими ножами, а места находок расчищались кисточками) было обнаружено большое количество древесного угля, золы, обожженных костей, что лишний раз подтверждает мнение исследователей о том, что первобытный человек, боясь хищников, разводил костер именно у входа в пещеру. В пещерной глине вместе с угольками и остатками золы были найдены два орудия, изготовленные из расколотых кусков кварца, о чем свидетельствуют их широкие площадки—места раскола и толщина орудий.

Одно из этих орудий—массивное скребло со слегка изогнутым рабочим краем—обработано не контрударной техникой, а грубой сбивкой крупными фасетками как по краю, так и по спинке. Интересно отметить, что на орудии имеется предназначенная для упора указательного пальца правой руки специальная выемка, сделанная притупленной ретушью, (рис. 3). Еще в 1947 г. в шурфе в глубине пещеры было обнаружено изготовленное из куска кварца режущее орудие с аналогичной выемкой, также приспособленной для держания в правой руке (рис. 4). Это говорит о том, что люди эпохи древнего палеолита работали преимущественно правой рукой.

Вопрос о праворукости первобытного человека был впервые поставлен в нашей советской археологической и антропологической литературе Г. А. Бонч-Осмоловским при изучении им находок в пещере Кник-Коба.

¹ Пещера полностью раскопана в 1953 г. археологической экспедицией УзГУ; она относится к железному веку.

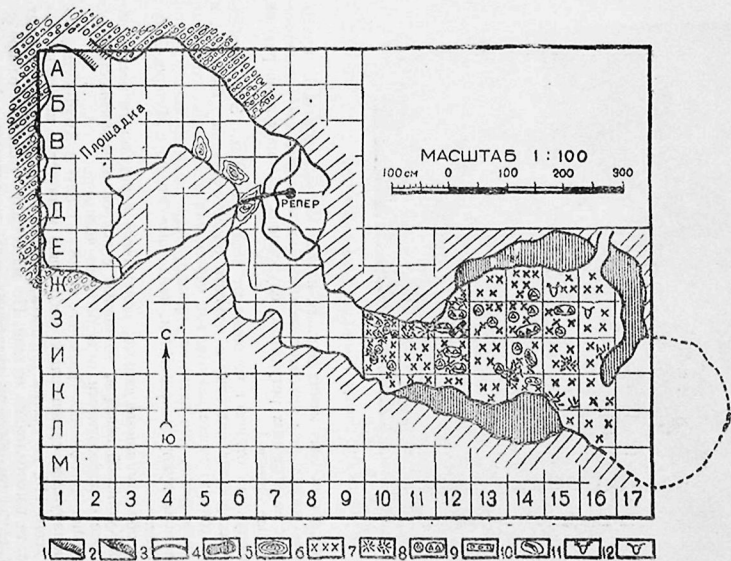

Рис. 1. План пещеры Аман-Кутан. Раскопки 1951—1952 гг.:

1—граница пещеры; 2—щебень; 3—своз; 4—туф; 5—кости; 6—угли;
7—орудия; 8—клык мамонта со срезом; 9—черепа оленя; 10—черепа барана.

Говоря о праворукости киик-кобинского человека, Г. А. Бонч-Осмоловский пишет по этому поводу, что «достаточно определенно выраженная, может быть даже более резкая, чем у современного человека, праворукость киик-кобинца доказывается всем наличным антропологическим материалом»¹.

Рис. 2. Пещера Аман-Кутан; раскопки 1952 г.

Кроме антропологических данных, названный исследователь приводит и очень интересные археологические данные, а именно: расположение насечек на костяных ретушерах, служивших для нанесения ретуши на кремневые орудия.

Праворукость отличает человека от всех животных. Эта особенность была присуща человеку с момента очеловечивания. Об этом, в частности, говорят такие данные, как небольшая асимметрия головного мозга у синантропа. Что касается праворукости неандертальцев, то об этом свидетельствуют также остатки, найденные в пещере Мугарет-Эскул в Палестине.

Таким образом, новые данные, полученные в результате исследования Аман-Кутанской пещеры, позволяют с полной определенностью решить вопрос о праворукости первобытного человека.

В течение пятилетних раскопок (1948—1952)² в Аман-Кутанской пещере обнаружено сравнительно небольшое количество каменных изделий — всего 113, не считая тридцати с лишним осколков, полученных в результате изготовления орудий. По материалу изделия распределяются следующим образом: кварцевых — 88, диоритовых — 19, кремневых — 4, кварцитовых — 2. Кроме того, в 1952 г. обнаружен неизвестного пока назначения клык медведя с искусственным срезом.

Большинство изделий пещерного аман-кутанского человека состоит из массивных отщепов с широкими площадками. Грубая ретушь наносилась как по краю, так и по поверхности кварцевых изделий. Что

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский, Палеолит Крыма, в II, 1941; стр. 132—133.

² Раскопки в пещере продолжаются.

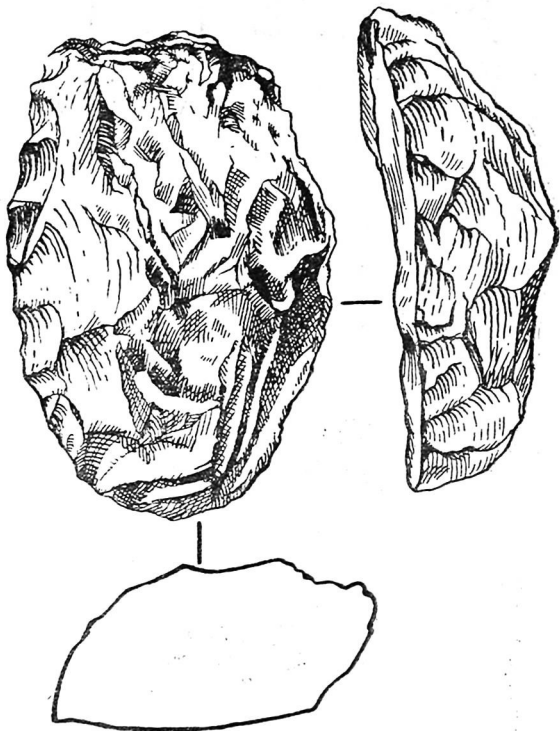

Рис. 3. Кварцевое скребло (натуральная величина).

касается кремневых изделий, то они обработаны тоньше. Это вполне естественно, так как кремнь легче поддается обработке, чем кварц. Но так как кремня в этом районе очень мало, то аман-кутанский пещерный человек большей частью изготавливал свои орудия из кварца или из днорита. Обработка каменных орудий производилась у входа в пещеру и

Рис. 4. Кварцевый нож (натуральная величина).

в глубине ее, о чем свидетельствуют находки в этих местах отбойников и осколков камня. В пещере обнаружены крупные и мелкие кварцевые отбойники округло-вытянутой формы. Крупным отбойником откалывался отщеп или раскалывался камень; мелким наносилась ретушь — вторичная и окончательная обработка орудия. Подобного рода отбойники обычно встречаются при раскопках на всех палеолитических стоянках как древнего, так и позднего палеолита (рис. 5).

Проф. В. А. Городцов, производивший опыты по выработке каменных орудий, пришел к заключению, что для оббивки камня, и тем более скола отщепа от нуклеуса, необходимы длинные каменные отбойники, несколько изогнутой формы, с клювовидным рабочим концом¹.

Таким образом, выводы В. А. Городцова в отношении формы отбойников, применявшихся для изготовления первобытных каменных орудий, не подтверждаются аман-кутанским материалом. Это и вполне понятно, так как рука современного человека, его движения и приемы совершенно отличны от руки первобытного человека. В связи с этим нам вспоминаются опыты проф. Е. Г. Кагарова по добыванию огня путем трения дерева о дерево. Названный исследователь в начале тридцатых годов изготовил для этой цели в Институте этнографии АН СССР (Ленинград) особое приспособление типа австралийского. Однако мы не помним случая, чтобы Е. Г. Кагарову при всем его усердии и старании удалось таким путем добыть огонь, рядовой же австралиец добывал огонь путем трения без особого труда.

Среди аман-кутанских изделий нет серий остроконечников, скребел, нуклеусов. Аман-кутанские каменные изделия носят случайный характер. Здесь трудно выделить определенные формы. Что касается однотипных серийных орудий, то можно насчитать всего три типа.

Еще в 1947 г. в шурфе в глубине пещеры было найдено кварцевое орудие листовидной формы. Одна из поверхностей его обработана оббивкой мелкой ретушью, другая — частично. В нашем предварительном сообщении о находках в Аман-Кутанской пещере в 1947—1948 гг. Мы отметили это орудие как «обломок листовидного орудия»².

¹ В. А. Городцов, К истории развития техники первобытных каменных орудий, «Советская этнография», 2, 1935, стр. 73.

² Д. Н. Лев, Древний палеолит в Аман-Кутане, Самарканд, 1949, стр. 17.

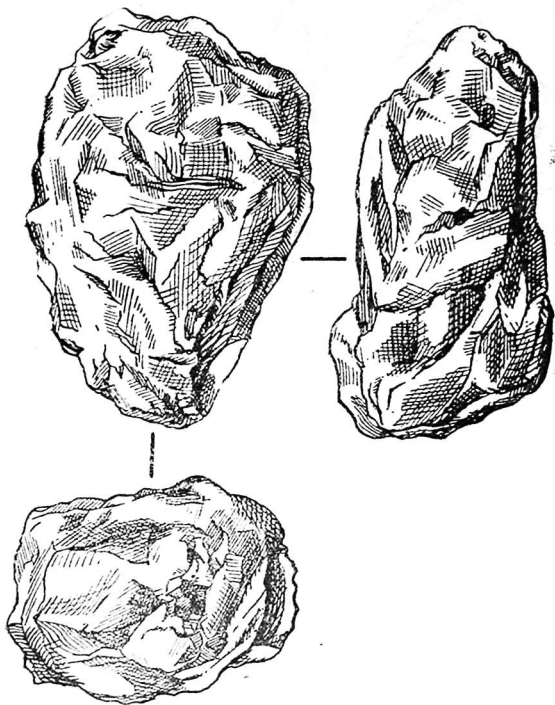

Рис. 5. Кварцевый отбойник (натуральная величина).

Однако при раскопках в 1950 г. на площади кв. Е-6 в пещерной глине на глубине 0,9 м ниже репера и 0,35 м от современной поверхности почвы было найдено орудие, настолько аналогичное вышеупомянутому, что возникает мысль о том, что они оба сделаны рукой одного человека. Новая находка 1950 г. говорит о том, что это не обломки орудий, а целые орудия. Возможно допустить, что они применялись как наконечники примитивных копий (рис. 6).

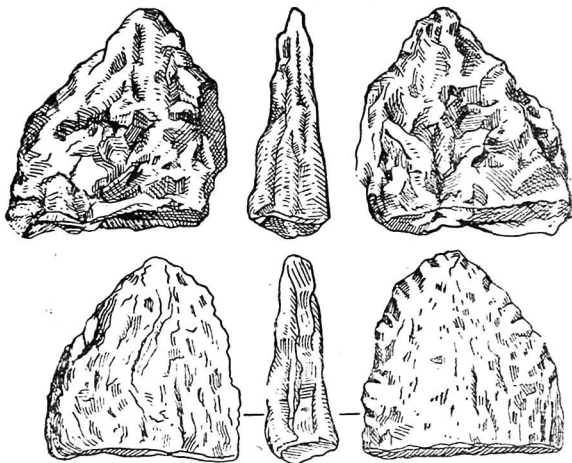

Рис. 6. Листовидные кварцевые орудия (натуральная величина).

К числу однотипных орудий можно отнести также два миниатюрных острия из кварца и черного кремня, два орудия из кварца с вогнутыми рабочими концами с подтеской у брюшка, весьма отдаленно напоминающие собой орудия верхнего палеолита типа «*pièce écaillée*» или так называемые «фигурные» кремни более поздних эпох. (рис. 7).

Мы полагаем, что к аман-кутанским каменным изделиям вполне подходит нижеследующая характеристика, данная подобным орудиям П. П. Ефименко: «Орудий сколько-нибудь законченного облика, с правильной целесообразно нанесенной подретушевкой, здесь вообще нет. Как и в других стоянках этого времени, одни из таких слегка подретушеванных отщепов треугольной формы несколько напоминают остроконечники, другие из широких отщепов,— скорее скребла, имеющие слегка подправленный рабочий край. Часто встречаются и весьма типичные для этого времени орудия, представляющие комбинацию острия и выемки»¹.

В Аман-Кутанской пещере обнаружены орудия со следами выемок в виде желобков для прикрепления рукояти. Привожу краткое описание двух таких орудий (рис. 7): 1) скребловидное кварцевое орудие полу-

¹ П. П. Ефименко, Первобытное общество, Л., 1938, стр. 211—212.

овальной формы, со следами в виде поперечного углубления для прикрепления рукояти и выемки по одному краю. Рабочий конец — изогнутый, грубо оббитый (кв. Е-8); 2) скребловидное кварцевое миниатюрное орудие овальной формы. На одном из длинных краев — притупленная ретушь; здесь же, по краям, — две выемки, служившие для прикрепления рукояти. На противоположном конце, — рабочем крае — видна подтеска со стороны брюшка (кв. Е-8). В республиканском музее культуры узбекского народа (Самарканд) хранится мустьерское кремневое скребло, приобретенное у геолога Р. В. Смирнова. Это орудие с хорошо выраженными ударной площадкой и бугорком изготовлено из широкого и продолговатого отщепла, отколотого от дисковидного ядрища. По форме и технике изготовления оно напоминает орудия, найденные в мусть-

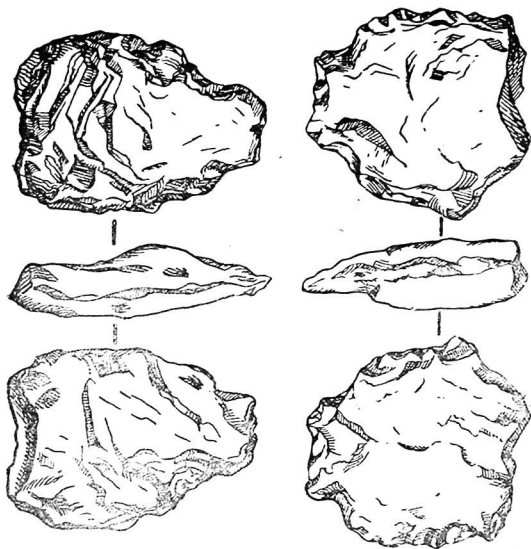

Рис. 7. Листовидные кварцевые орудия с выемками у основания (натуральная величина),

ерской стоянке Тешик-Таш. На орудии имеется выемка (рис. 8), приспособленная для прикрепления рукояти. Между прочим, в нашей работе «Древний палеолит в Аман-Кутане» ошибочно указано, что это скребло найдено при геологических работах в Кызыл-Кумах. На самом деле, как нам стало недавно известно, это орудие найдено в 1942 г. Р. В. Смирновым — членом Куликалонской экспедиции Союзного треста № 13, Верхне-Чирчикской группы, на третьей террасе реки Пскем в районе Пскем-Сая (точнее, начале Самыз-Сая), расположен-

ного в Пскемском хребте Южного Казахстана. Эта находка, несомненно, представляет большой интерес. Повидимому, в этом районе расположена мустьерская стоянка.

В Аман-Кутанской пещере найдены проколки, острия и пластины с тонкими рабочими краями. Последними, повидимому, раскраивали шкуры молодых животных — горных козлов или баранов, а остриями проделывали отверстия в куске шкуры для того, чтобы можно было скрепить его с другим куском. В связи с этим большой интерес представляет находка в западine под скалой (см. план раскопок) диоритовой четырехугольной очень гладкой гальки, которая могла применяться в качестве гладилки — для разминания шкуры животного.

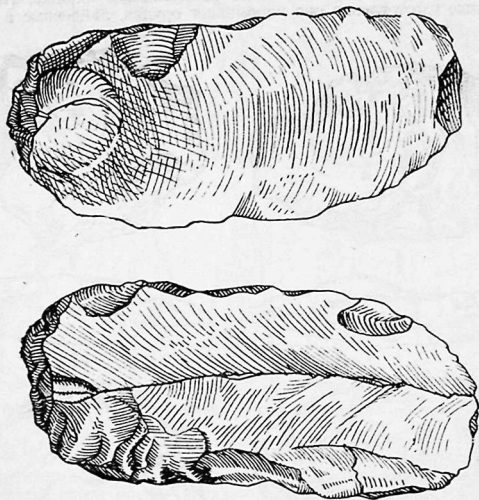

Рис. 8. Кремневое скребло (район Пскем-Сая, Южный Казахстан, натуральная величина).

Вопрос о происхождении одежды представляет большой интерес. Исследователи этого вопроса — археологи и этнографы — высказывают различные точки зрения по этому поводу, но ни одна из них не является удовлетворительной. Вопрос о происхождении одежды, естественно, должен решаться не «вообще», а его необходимо увязать с определенной эпохой общества, с данной окружающей географической средой человека.

Новейший исследователь вопроса о происхождении одежды: Н. П. Горбачева полагает, что если «огнеземельцы как взрослые, так и дети, могут часами находиться голыми под хлопьями падающего снега, то тем более, древнейший палеолитический человек должен был еще лучше переносить холод и сырость, чем переносят его современные ог-

неземельцы в тех же условиях». В частности, говоря о неандертальце или мустерском человеке, названный автор полагает, ... «что он безусловно мог обходиться без одежды во время движения на воздухе или во время работы, ибо движение и работа способствуют согреванию тела. Следовательно, одежда не была вопросом жизни и смерти для человечества даже в ледниковый период»¹.

Н. П. Горбачева полагает, что прототипом одежды было одеяло или покрывало из шкур животных.

В связи с этим необходимо отметить, что автор настоящей гипотезы, говоря о физико-географической среде, окружавшей древнейшего человека, придерживается представлений старых авторов о том, что например мустерский человек... «был, повидимому, аборигеном Европы, и его предки пережили в ней все изменения и ухудшения ее климата, а также похолодание, связанное с наступлением льдов».²

Известно, что древнейшие ископаемые люди обнаружены во многих местах, в различных широтах. Пещеры неандертальцев и более ранних людей мы находим и там, где не происходило развития ледниковых явлений. С. Н. Замятнин в своей статье «О первоначальном заселении пещер», правильно отмечает, что «пещеры в одинаковой мере использовались и в приледниковых областях, где похолодание определенно имело место, и там, где оно не сказывалось и не могло сказываться. Можно сказать определенно, что человек устраивал поселения в пещерах всюду, где он только их находил».³

В древнейших палеолитических пещерах Узбекистана обнаружены остатки фауны современного характера: горного козла, барана, медведя, дикой лошади, леопарда, степной кошки и других. Это позволяет высказать мнение о некоторой стабильности климата в южных горных районах Узбекистана, начиная с четвертичного периода. Нам представляется, что горы в районе селения Аман-Кутан в глубочайшей древности были облесены, а лес, как известно, принимает участие в создании и изменении климата. «Лес образует внутри себя особые климатические условия температуры, влажности и освещения, сильно отличающиеся от условий окружающих открытых пространств».⁴ В настоящее время некоторая часть (восточные склоны) гор Аман-Кутана покрыта лесонасаждениями. Работы по лесонасаждению здесь начались с 80-х годов прошлого столетия и успешно продолжают и в наше время.

Таким образом, в древнейшие времена первобытные пещерные люди южных районов Узбекистана жили примерно в географических условиях близких настоящим, а между тем и здесь мы находим орудия, аналогичные орудиям, находимым в местах, связанных с ледниковыми явлениями. Это еще раз подтверждает, что «географическая среда бесспорно является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но её влияние не является определяющим влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды»⁵.

В глубочайшей древности, на заре человеческой истории, в районе перевала Тахта-Карача имела место, как и в настоящее время, резкая

¹ Н. П. Горбачева, К вопросу о происхождении одежды, «Советская этнография», 3, 1950, стр. 24.

² Там же, стр. 25

³ С. Н. Замятнин, О первоначальном заселении пещер, Краткие сообщения ИИМК, XXXI, М.—Л., 1950, стр. 57.

⁴ Е. П. Коровин, Растительность Средней Азии; М.—Ташкент, 1934, стр. 400.

⁵ История ВКП(б), Краткий курс, 1945, стр. 113.

смена температуры: жаркие летние дни, холодные ночи, осенью проливные дожди, зимой большой покров снега. Следовательно; древнейший аман-кутанский человек не мог обойтись без примитивной обуви и одежды. О наличии одежды свидетельствуют упомянутые выше острия и тонкие пластины.

Культурные остатки залегают в пещере большей частью под туфом. На площадке кв. Г-6, у входа в пещеру, под разбитым туфом, на глубине 1,8 м ниже репера обнаружены кости животных, угольки. Здесь на различной глубине найдено большое количество костей животных, среди которых преобладали трубчатые (козла или барана), нагроможденные в беспорядочном состоянии.

Такая же картина наблюдалась и в других, рядом лежащих квадратах.

Создается впечатление, что перед нами продолжение ямы типа «кармана», обнаруженной при раскопках в 1950 г. Сюда обитатели пещеры сбрасывали кости конечностей, как отходы, не пригодные в пищу. Здесь же найдены: обломок диоритового отщепла, диоритовый отщеп со следами грубой оббивки и обломок кварцевого орудия со следами такой же оббивки. На площадке кв. Е-8, на глубине 2,1 м, вместе с раздробленными костями животных найден диоритовый отщеп с хорошо выраженными бугорками и площадкой.

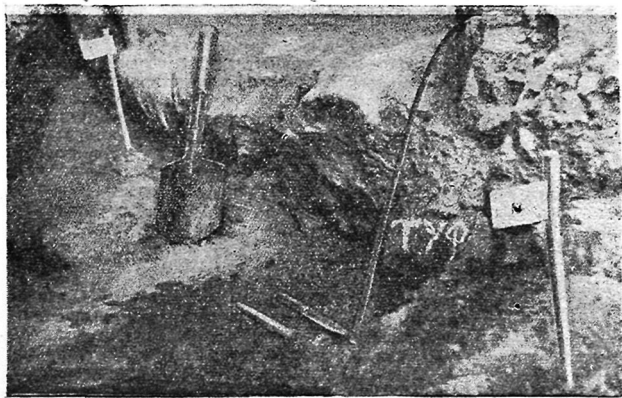

Рис. 9. Пещера Аман-Кутан, туф.

При раскопках 1950 г. создалось ошибочное мнение о том, что мощность культурного слоя при дальнейшем проникновении в пещеру постепенно уменьшается. Раскопки 1951 г. установили, что напротив, культурный слой по мере продвижения вглубь пещеры становится более мощным. Например, мощность культурного слоя площадки кв. И-8 превышает метр.

У входа в пещеру, где мощность туфа достигает 0,8 м, сделана попытка разбивки туфа (кв. Д-6, Д-7). Местами его удалось разбить ломом при затрате максимума физических сил и энергии (рис. 9). В пещерной гла-

не под разбитым туфом залежали кости и зубы животных, попадались угольки. Буквально вся площадь западных участков этих квадратов насыщена плохо сохранившимися трубчатыми костями животных. Характерно, что среди всей массы костей не найдено ни одного орудия. Повидимому, как было отмечено выше, в специальную яму у входа в пещеру сбрасывали в палеолитическое время кости съеденных животных.

В дальнейшем для разбивки туфа была применена кувалда весом до 10 кг. Применение такого орудия дало возможность частично разбить туф на площадях следующих квадратов: Г-6, Г-7, Д-8, Е-7, Ж-8. Толщина туфа достигает мощности: между квадратными линиями Г и Д 1,2 м, между Д и Е—0,95 м, между Е и Ж—1,2 м, между Ж и З в среднем 0,4 м. На площади кв. Д-8, на глубине 2,4 м в западине под скалой, вместе с разбитыми костями животных обнаружен ряд диоритовых и кварцевых орудий. В частности, здесь найден диоритовый отщеп с очень широкой площадкой и хорошо выраженным ударным бугорком; на поверхности его видны следы подтреугольных сколов, что до некоторой степени сближает его с миниатюрным диском. На площади кв. Е-9 в западине обнаружена яма овальной формы, заполненная костями животных. Все они были расколоты, а некоторые из них обуглены. В эту яму, как и в описанную выше, сбрасывали остатки пищи—кости съеденных животных. Здесь же, на глубине 2,5 м, найден бесформенный диоритовый отщеп, на котором едва различимы бугорок и площадка. Повидимому, это был неудачный отщеп, поэтому его и выбросили в яму вместе с костями животных. Интересно, что в яме обнаружены уголь и зола, очевидно, сбрасываемые сюда при очистке близлежащего кострища, открытого на кв. Ж-8 под разбитым туфом мощностью до 0,4 м, на глубине 1,3 м. Вся площадь этого квадрата была насыщена угольками и золой, перемешанными с остатками жженных костей. Здесь же найдены крупный клык медведя, кремневый отщеп с тонкой ретушью по краю и осколок кварца.

В отличие от описанной выше ямы типа «кармана», обнаруженной у входа в пещеру и содержащей в себе большое количество трубчатых костей козла и барана, здесь, напротив, встречены обломки крупных костей, следовательно, можно сделать вывод о том, что мясо поедалось первобытным человеком непосредственно у места его приготовления—у костра. Таким образом, на площади кв. Ж-8 выявлено в пещере второе кострище (первое обнаружено у входа).

При дальнейшем исследовании квадратов Д-8, Д-9, Е-8, Ж-8, Ж-9 работа была затруднена наличием туфа, местами залежавшего сплошной массой. Например, на площади кв. Ж-8 туф удалось разбить лишь на 25 см². В дальнейшем эту работу пришлось приостановить. Очевидно, для окончательной разбивки туфа нужно будет применить какие-то иные средства.

На площади кв. Ж-9 на глубине 1,30 м под туфом среди расколотых и обожженных костей обнаружено миниатюрное орудие из черного кремня—острие подтреугольной формы. Одновременно исследовались площади кв. З-10, И-10. Культурный слой залегает здесь в пещерной глине. На разных глубинах на площадях этих квадратов вместе с раздробленными костями животных и угольками найдены многочисленные каменные орудия: на глубине 0,5 м—массивное кварцевое орудие; рядом, в этом же горизонте,—массивный отщеп из прозрачного кварца с широкой площадкой и грубой оббивкой по краям.

На глубине 0,3 м на площади кв. З-10, у восточной стены пещеры найдено острие с обломанным концом, изготовленное на кварцитовом

отщепе подтреугольной формы с широкой площадкой и хорошо выраженным бугорком. Здесь же, на глубине 0,55 м, найден нуклеовидный кусок кварца.

У западной стены пещеры (кв. И-10) на глубине 1,1 м ниже репера обнаружено орудие из прозрачного кварца, дугообразной формы; вся поверхность его обработана грубой оббивкой, а один из длинных краев — грубыми сколами притупленной ретушью. По длинному краю видны искусственные выемки, на камне орудия — острие. На глубине 1,2 м залегали изготовленные из расколотого куска кварца с крутой грубой ретушью скребловидное орудие и фрагмент нижней челюсти хищника с двумя сохранившимися зубами.

В пещерной глине на глубине 1,4 м площади кв. И-10 среди расколотых костей животных обнаружено массивное кварцевое орудие с округлым рабочим краем и крутой грубой ретушью, изготовленное из расколотого куска камня. Рядом с орудием лежал кварцевый нож в виде широкой удлиненной пластины с ретушью по одному длинному краю и с выемкой на одном из концов.

При раскопке площадей квадратов 3-11, И-11 сделано сравнительно немного находок — несколько осколков камня и брошенные где-где кости животных. Эти интересные данные говорят о том, что в указанном месте пещеры человек не жил. Возможно предположить, что эта часть пещеры служила как бы коридором. Дальше — в глубине ее — культурный слой снова насыщен следами длительного пребывания человека. На площади кв. 3-12, на глубине 0,1 м от современной поверхности и 0,4 м ниже репера найдены в глине кости животных, хорошо сохранившийся клык медведя и бесформенный расколотый кусок кварца. На площади кв. И-12 на глубине 0,1 м и 0,4 м ниже репера залегали раздробленные кости, а среди них кусок кварца, два осколка кварца и кварцевое орудие, изготовленное на массивном отщепе, с очень тонкими краями, на которых имеются следы от употребления и тонкая подретушировка.

На глубине 0,5 м ниже репера по всей площади отмеченных квадратов обнаружены многочисленные костные остатки и зубы животных; на площади кв. И-12 в этом же горизонте — отщеп кварцевый продолговатой формы, с хорошо выраженными площадкой и бугорком; рядом с ним кусок диорита и нуклеовидный кусок кварца со следами обработки тонкой ретушью на одном из концов. На глубине 0,62 м ниже репера, среди костей животных найдены нуклеовидный кусок кварца и бесформенный кусок диорита. На глубине 0,75 м ниже репера — кости и зубы животных. Костные остатки сосредоточены главным образом на площади кв. 3-12. Здесь же обнаружен поперечный кварцевый отщеп. На глубине 0,85 м среди крупных глыб известняка залегали в небольшом количестве кости животных, на глубине 0,95 м — расколотые кости животных и крупный коренной зуб хищника; на глубине 1,05 м — небольшое количество раздробленных косточек животных и зуб оленя. Здесь же, в этом горизонте, найдены крупный осколок диорита, нуклеовидный кусок кварца, расколотый кусок кварца с выемкой по длинному краю. Раскопки доведены до скалы — до глубины 1,5 м ниже репера и 1,3 м от современной поверхности.

Из настоящей краткой характеристики видно, что культурный слой в глубине пещеры насыщен остатками довольно длительного пребывания здесь первобытного человека. На площади кв. И-14 также обнаружено большое количество костей и зубов животных. Из этих находок особо надо отметить клык медведя, на котором имеется искусственный срез и кварцевый дисковидный нуклеус. Это — единственная находка

нуклеуса в Аман-Кутанской пещере.

На площади кв. Ж-15 у северной стены пещеры выявлено углубление под скалой. Возможно, что и здесь имеется боковое ответвление, как у южной стены. Под навесом скалы, у восточной стены пещеры (Ж-15), на глубине одного метра залегал череп оленя с отбитыми рогами. На участке кв. 3-16, на глубине 1,25 м найден череп барана с частично сохранившимися рогами. Окружность одного рога у основания составляет 0,28 м.

Итак, в глубине пещеры, в отличие от входа, обнаружены именно кости крупных животных: позвонки, трубчатые, которыми буквально забита пещерная глина. Это может говорить о том, что в зимнее время производилась преимущественно охота на крупных животных, мясо которых поедалось в теплом месте — в глубине пещеры, где зимой тепло и сухо.

В результате раскопок 1952 г. план пещеры значительно изменился. Очевидно, что боковые ответвления у северной и южной стен пещеры являются лишь ее продолжением.

По мере дальнейших раскопок, пещера будет удлиняться и расширяться, а известковый туф, достигающий у южной стены пещеры, 1,5 м толщины, после изъятия почвы повиснет в воздухе в виде навеса.

ДАТИРОВКА КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ

Культурные остатки в Аман-Кутанской пещере залегают как на известковом туфе, так и под ним. Район Аман-Кутана и далее за перевалом Тахта-Карача характерен развитием карстового ландшафта. Растворение горных пород является определяющим моментом для образования карста и известковых натечных образований. Очень интересны высказывания по этому вопросу гениального русского ученого М. В. Ломоносова: «Дождевая вода насквозь внутренности горы процеживается, и распущенные в ней минералы несет с собой и в оные расселины выжиманием или капаньем вступает; каменную матерю в них оставляет таким количеством, что в несколько времени наполняет все оные полости».¹

Аман-Кутанская пещера является водоточной. Проникновение в нее воды, по видимому, связано с дождями, а не с таянием снега в горах. Гидрологом А. П. Кучеренко, производившим регулярный замер воды в речке Аман-Кутанке, установлено, что в ноябре 1951 г. дебит воды в ней доходил до 250 л в секунду, а в ноябре 1952 г. — до 500 л. Это объясняется тем, что в 1952 г. в связи с сильными весенними ливнями большое количество воды скопилось в углублениях и трещинах на склонах гор. Затем она стала заполнять родники, возникли новые источники. Весной 1952 г. вода проникла в Аман-Кутанскую пещеру через трещину в южной боковой щели, откуда устремилась сильным потоком. Пещера окончательно высохла лишь в августе.

Характерно, что в 1951 г. в районе Аман-Кутана был большой покров снега, а весной в пещере было сухо.

По мнению Н. А. Гвоздецкого ... «Процесс образования известковых «натечных» образований в карстовых пещерах нельзя представлять себе как обычный процесс осаждения солей из раствора при испарении. Именно здесь происходит распад бикарбоната от соприкосновения с

¹ М. В. Ломоносов. О слоях земных, 1763, изд. по книге Н. А. Гвоздецкого, Карст, Географгиз; 1950; стр. 8.

воздухом, поскольку в большинстве грунтовых вод содержание свободной углекислоты больше соответствующего парциальному давлению углекислоты в атмосфере. Поэтому как условия для осаждения CaCO_3 в пещерах должны учитываться не только метеорологические условия для испарения раствора, но и условия вентиляции «ибо значительное содержание CaO_2 в некоторых пещерах будет умерять осаждение CaCO_3 »¹.

Таким образом, в результате химического процесса растворения породы, в Аман-Кутанской пещере возник известковый туф, для образования которого могло понадобиться несколько тысяч лет. За это время, имея в виду древний палеолит, не изменились ни человек, ни техника изготовления его орудий. Поэтому каменные изделия пещеры, а также и остатки фауны, залежавшие как на туфе, так и под ним, датируются одним и тем же временем.

Раскопки в 1952 г. дали в основном те же виды каменных изделий, что и ранее. Все они изготовлены на отщепках: на некоторых из них заметна подправка на площадках. Кроме того, как отмечено выше, найден дисковидный нуклеус. Поэтому аман-кутанские каменные изделия, несмотря на некоторое сходство с орудиями синантропа, полученными недавно Московским антропологическим институтом в дар от Китайской Народной Республики (33 оригинала и три гипсовых слепка), все же следует датировать не домустьерским временем, как это предполагалось ранее, а мустьерской эпохой.

В Аман-Кутанской пещере найдено огромное количество расколотых и обугленных костей животных. Это свидетельствует о том, что здесь находилось настоящее охотничье стойбище мустьерского времени².

Вопрос об охоте в древнейшие времена имеет большое принципиальное значение. Именно охота давала мясную пищу — необходимую предпосылку для очеловечивания нашего далекого предка. Начиная с момента становления человека охота была ведущей формой хозяйства. Именно охота, охотничий образ жизни определяли все существование древнейшего человека.

В советской археологической литературе вопрос об охоте как о ведущей форме хозяйства древнейших людей был впервые выдвинут в начале тридцатых годов П. И. Борисковским и С. П. Толстовым. «Мало кто обратил внимание на то, — писал С. П. Толстов, — что вещественные археологические памятники рисуют нам существенно иную картину, чем та, которая сложилась в «этнологической» традиции, что, начиная с шелля и ашеля, с первых находок продуктов первобытной индустрии, не говоря уже о мустье, человек выступает явно как охотник, причем охотник на крупного зверя вплоть до слона и мамонта»³.

Однако эта концепция не была поддержана нашими ведущими специалистами.

В кратких сообщениях Института этнографии АН СССР в 1950 г. были опубликованы материалы совещания по проблеме происхождения *Homo Sapiens* (Институт этнографии, 27—28 апреля 1949 г.). На этом совещании выступил С. П. Толстов, который еще раз подтвердил мне:

¹ Н. А. Гвоздецкий, цит. соч.: стр. 19.

² Ископаемая фауна изучается В. И. Бибиковой. В настоящее время (1955 г.): имеется полный список состава фауны, который не успел войти в данную работу.

³ С. П. Толстов, Проблемы родового общества, «Советская этнография» — 3—4; 1931.

ние, высказанное им 20 лет назад по этому поводу. «Я должен обратить внимание на одно место в работе Энгельса,— говорил С. П. Толстов,— которое замалчивалось в биологической литературе до сессии БАСХНИЛ, а между тем, насколько я помню, на него прямо указывал в свое время Т. Д. Лысенко в выступлениях по докладу М. Ф. Нестурх, который был сделан незадолго до войны (в 1940 г.) на заседании отделения истории и философии, посвященном 120-летию со дня рождения Энгельса. «Я имею в виду то место в работе Энгельса, где говорится об изменениях химизма организма человека вследствие введения мясной пищи. В связи с ролью обмена веществ, с тем, что обмен веществ имеет важное значение при пострении мичуринского учения об эволюции, этот тезис Энгельса, высказанный им совершенно точно и определенно и не допускающий никаких кривотолков, должен найти сейчас свое отражение в наших работах, нужно решительно покончить со всякими сказками о собирательской стадии и снова вернуться к той постановке вопроса, которую в свое время выдвинул Энгельс»¹.

Соглашаясь с данной постановкой вопроса, следует, однако, заметить, что археологи наши не говорили и не говорят о чисто «собирательской» стадии, а о собирательски-охотничьей.

Первобытные аман-кутанские охотники охотились главным образом на горного барана и горного козла. Именно костями этих животных буквально заполнен культурный слой пещеры. Как правило, мы не находим здесь ни одной целой кости: все они раздроблены с целью извлечения лакомой пищи — костного мозга.

Трудно ответить на вопрос как охотился первобытный человек на горного козла. Это животное обитает высоко в горах, отличается чрезвычайно быстрыми движениями. Преследуемый охотником горный козел легко перескакивает с одной скалы на другую. Даже в наш век опытный охотник, вооруженный огнестрельным оружием, с трудом убивает этих животных, что же говорить об охотнике, жившем в эпоху древнекаменного века и вооруженном деревянной дубиной или примитивным копьем? Можно допустить, что население в это время было очень редким, а животных было много. Кроме того, человек покрывал свое тело шкурой козла. Эта естественная маскировка помогала первобытному человеку незаметно подкрасться к животному и поймать его.

Охота, несомненно, дополнялась собирательством полезных для питания растений и корнеплодов. Ф. Энгельс указывает, что «исключительно охотничьих народов, как они описываются в книгах, то есть таких, которые живут только охотой, никогда не существовало: для этого добыча охоты слишком ненадежна»².

Обитатели Аман-Кутанской пещеры употребляли мясо в жареном виде, о чем свидетельствуют многочисленные находки обугленных костей среди золы и углей. Трудно, конечно, ответить на вопрос умели ли древние аман-кутанцы добывать огонь. Этнография не знает ни одного народа, которому были бы неизвестны способы добывания огня. Полагают, что наиболее примитивным и вместе с тем более древним способом добывания огня является добывание путем трения. «Какие бы достижения ни предшествовали этому открытию огня, — в виде изобретения орудий и приручения животных, — но только научившись добывать огонь с помощью трения, люди впервые заставили служить себе некоторую неорганическую силу природы»³.

¹ Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, IX, 1950, стр. 58.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948, стр. 29.

³ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1953, стр. 80.

В настоящее время можно утверждать, что мясная пища была известна человеку, начиная с его появления на арене истории.

В своей статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Ф. Энгельс говорит о большом значении мясной пищи для первобытного человека. «...привычка к мясной пище наряду с растительной чрезвычайно способствовала увеличению физической силы и самостоятельности сформировавшегося человека. Но наиболее существенное влияние мясная пища оказала на мозг, получивший благодаря ей в гораздо большем количестве, чем раньше, те вещества, которые необходимы для его питания и развития, что дало ему возможность быстрой и полней совершенствоваться из поколения в поколение».¹

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК В РАЙОНЕ ПЕРЕВАЛА ТАХТА-КАРАЧА

Наряду с раскопками экспедиция Узбекского государственного университета проводила работы разведочного характера с целью открытия новых памятников древнекаменного века.

К северовостоку от селения Аман-Кутан, в районе селения Кызыл-Турук в массиве разрушающихся известняков обнаружена пещера. Высота ее у входа около 9 м, ширина — 10 м, длина — 18 м. Потолок пещеры покрыт древней копотью. Свод и стены сложены из известняка, имеют крупные трещины. Обвалившиеся в разное время с потолка куски известняка покрыли пол пещеры и смешались с черной рыхлой землей. Завал достигает большой мощности. В центре пещеры обнаружена яма глубиной до 0,5 м, современного происхождения. С целью выявления наличия культурного слоя эта яма углублена до 1,5 м. В дальнейшем работы были приостановлены, так как крупные камни в грунте чрезвычайно затрудняли раскопки. Культурный слой на этой глубине не обнаружен.

В Курук-Сае, расположенном слева от километрового столба с отметкой «372 км» по автострате Ташкент-Термез, примерно в двух километрах от шоссе, обнаружен навес в массиве известняков. Ширина его у входа — 4,5 м, глубина — 4,4 м, высота — около 1 м. Потолок покрыт древней копотью. Заложена большая траншея в глубину навеса. На глубине 0,2 м показалась скала. Археологические объекты в этом сае не выявлены.

В Катта-Кутан-Сае, расположенном на северо-запад от кишлака Аман-Кутан, на высоте около 200 м над долиной, обнаружена небольшая карстовая пещера. Свод ее покрыт древней копотью, пол — черная, рыхлая земля. В заложенном у входа шурфе на глубине 0,4 м обнаружены зуб животного и обломок трубчатой кости. Раскопки в шурфе не были доведены до скалы. В этом же сае на высоте 150 м южного склона гор обнаружены две небольшие карстовые пещеры. В одной из них, ближней от входа в сай, на глубине 0,4 м, найдено несколько мелких раздробленных косточек животных.

В сае Торжилга, расположенном от 377-километрового столба направо по шоссе, ведущего на перевал Тахта-Карача, на высоте 500—600 м над долиной, обнаружена пещера тектонического происхождения. Пол ее завален крупными глыбами известняка, в потолке имеется сквозное отверстие до 1 м в поперечнике. Заложены шурфы

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1953, стр. 137

длиной до 0,5 м и шириной 0,3 м, где найдено несколько косточек животных. До скалы не дошли. В этом же сае, на расстоянии 1 м на юг от упомянутой выше пещеры, обнаружена другая; у входа в нее, на глубине 0,4 м—косточки животных.

В районе Кук-Майдана, у подножья гор, обнаружена пещера в известняковом массиве. Высота ее у входа—2,1 м, длина—8,5 м, ширина—3,1 м. Заложен шурф в глине, на глубине 0,4 м встретились следы от костра, а также несколько раздробленных костей животных.

Рекогносцировочные исследования проводились в пещере Аман-Кутана II (см. нашу работу «Древний палеолит в Аман-Кутане, УзГУ, 1949), где раскопки доведены до скалы. Обнаруженные в пещере железный наконечник стрелы и кремневое кресало говорят о том, что пещера привлекала охотников на дикобраза в недавние времена.

Пещера Юмалатма-Сай

Эта пещера расположена в 4 км к северу от нижнего кишлака Аман-Кутан, вправо от километрового столба с отметкой «372» км, по шоссе Ташкент-Термез. Вправо от указанного километрового столба, за речкой Аман-Кутанкой начинается узкая тропинка, ведущая в Юмалатма-Сай. Слева от тропинки—сравнительно невысокая гора, покрытая молодыми древесными насаждениями; справа—высокие известковые горы, лишенные растительности. В 300—400 м от шоссе до дороги, у подножья этого известнякового горного массива, расположена пещера карстового происхождения высотой у входа 0,3 м. Вход был завален еще в древности, поэтому она не могла служить в недавние дни убежищем для пастухов и мелкого скота.

Для выяснения наличия культурного слоя была предпринята трудоемкая работа по очистке входа. После снятия слоя в 0,3 м оказалась делювиальные отложения. На глубине 1,2—1,9 м обнаружена искусственная кладка из известняковых глыб, ниже—тонкая прослойка угольков и несколько расколотых косточек, на глубине 2,3 м в плотной глине обнаружена еще одна прослойка угольков; на глубине 2,8 м выявлены угольки. Шурф был углублен до трех метров—до скалы, где залегают плотная глина, в которой оказались расколотые косточки животных. Расположение пещеры в удобном для охоты сае, сухость и светлость ее создавали здесь условия для жилья первобытного человека. Поэтому мы убеждены в необходимости продолжения здесь работ.

Пещера Такалик-Сай

В 1951 г. названной экспедицией была открыта новая пещера палеолитического человека. Она расположена в районе перевала Тахта-Карача, на высоте около 2000 м, в 50 с лишним километрах к юго-востоку от г. Самарканда, на границе Самаркандской и Кашка-Дарьинской областей. Влево от вершины перевала Тахта-Карача к пещере ведет узкая тропа. Примерно в 100 м от пещеры тропа идет над крутой пропастью, откуда видна зигзагообразная дорога на перевал. Пещера Такалик-Сай карстового типа, она образовалась в массиве мраморизованного известняка. Высота у входа—2 м, длина 25 м. У входа имеется площадка 3 × 3 м². Недалеко от входа, на границе между черной землей и глиной, на глубине от 0,25 до 0,40 м

¹ Пещера полностью раскопана нами в 1953 г. Она относится к железному веку.

вместе с мелкими и раздробленными косточками и угольками обнаружены три кварцитовых отщепа. Один из них — продолговатой формы, с широкой площадкой и хорошо выраженным бугорком. На нем, как и на двух остальных, хорошо выражены грани. Так как в пещере фактически не обнаружен культурный слой, в начале и в конце ее было заложено несколько шурфов. Один, размером 2,30 х 1,2 м, заложен у входа. Раскопки доведены до скалы — до глубины одного метра от современной поверхности. Разрез — черная, рыхлая земля, темная глина, светлая глина.

Таким образом, в этой громадной пещере найдены всего три отщепа из кварцита и несколько осколков кварца с явными следами искусственных сколов. Что касается датировки этих изделий, то, конечно, на основании этих нескольких находок трудно высказаться определенно по этому поводу. Во всяком случае, они относятся к более позднему времени, чем аман-кутанские, скорее всего их следует датировать концом мустьерского времени.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В РАЙОНЕ ВОЗВЫШЕННОСТИ ЧУПАН-АТА, БЛИЗ САМАРКАНДА

Во время пребывания в Самарканде А. П. Окладников предложил нам совершить поездку в район возвышенности Чупан-Ата, расположенной к северо-востоку от г. Самарканда, примерно в 8 км от него. А. П. Окладникову удалось найти здесь на поверхности земли несколько кремней со следами обработки: 1. Скребок с крутой ретушью. 2. Скребок, изготовленный из отщепа овальной формы, с хорошо выраженной широкой подправленной площадкой. На противоположном от площадки конце, по длинному краю, имеется тонкая ретушь; поверхность покрыта светлосерой патинной. 3. Галька со следами нескольких сколов (диорит). 4. Кремневый отщеп с хорошо выраженными площадкой и бугорком; поверхность покрыта светлосерой патинной.

При дополнительных сборах нами найдено здесь 24 кремня с совершенно явными следами обработки. Среди этих находок отметим кремневую пластинку удлиненной формы, покрытую светлосерой патинной, несколько пластинок из темного кремня, кремневые отщепы различных очертаний, кремневый отбойник.

Некоторые из находок были изъяты из естественного обнажения почвы на глубине около одного метра. Приведенные данные свидетельствуют о наличии на этом месте (около памятника 1868 г.) у Зеравшана стоянки первобытного человека. Что касается датировки найденных изделий, то наличный материал не настолько типичен, чтобы можно было с определенностью говорить о времени этой стоянки. Однако при сопоставлении найденных изделий с инвентарем стоянки на Комсомольском озере г. Самарканда замечается некоторое сходство. Возможно допустить их хронологическую близость — конец палеолита — мезолит — начало неолита.

В. А. Шишкин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В МЕЧЕТИ МАГОКИ-АТТАРИ В БУХАРЕ

Археологические раскопки в мечети Магоки-Аттари были начаты в 1934 г. в связи с ремонтными работами, производившимися в ней Узбекстанским комитетом по охране памятников старины (Узкомстарис). Первоначальной их целью была расчистка от многометровых наслоений южного портала мечети, но так как первые раскопки дали важные в историко-архитектурном отношении результаты, работы были продолжены и в следующем году с задачей выяснить историю древнего здания и попутно исследовать те культурные наслоения, на которых была возведена мечеть. Следует отметить, что это были вообще первые археологические работы на территории Бухары.¹

Мечеть Магоки-Аттари расположена к югу от шахристана, древнейшей части города, недалеко от Шахруда—главного канала, орошающего Бухару, приблизительно в той местности, где когда-то был базар Мах, описанный в X в. историком Бухары Наршахи. Здесь, на равнине, осененной многочисленными деревьями, дважды в год, в присутствии самого царя, восседавшего на троне, происходила торговля идолами. «Впоследствии на этом месте находился храм огнепоклонников... Этот храм существовал до распространения ислама, когда мусульмане, усилившись, построили на этом месте мечеть, являющуюся и теперь одной из замечательных мечетей Бухары».²

В литературе о Бухаре мечеть Магоки-Аттари, называемая большинством авторов «подземной мечетью», неоднократно отождествлялась с древним зданием, упоминаемым Наршахи.³ Сомнение в их тождестве было высказано Б. Н. Засыпкиным, считавшим, что по своим

¹ Работы производились под наблюдением автора статьи при постоянном участии в 1934 г. архитектора Н. М. Бачинского, а в 1935 г.—ныне покойного городского архитектора Бухары Ф. В. Еселевича: Работы велись в технически трудных условиях, с установкой во многих местах прочных креплений, в чем Ф. В. Еселевич оказал мне неоценимые услуги. С благодарностью вспоминаю неизменного участника всех моих археологических работ в Бухаре и на городище Барахша, бригадира землекопов А. Я. Дирюжкина, погибшего смертью героя в боях Великой Отечественной войны.

² Мухаммад Наршахи, История Бухары, перевод Н. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 31.

³ А. В ам б е р и, Путешествие по Средней Азии, М., 1867, стр. 303; А. А. Семенов, Материальные памятники арийской культуры, «Таджикистан», сборник статей, Ташкент, 1925, стр. 138; И. Т. П о с л а в с к и й, Город Бухара, описание его и исследование вопроса о занятии его русскими, Ташкент, 1891, стр. 10 (примечание) и др.

архитектурным формам и конструкциям здание могло быть отнесено «только к мусульманскому искусству, при этом эпохи не древнее XVI в., кроме входной ниши на южной стороне, которая может датироваться эпохой Караханидов» и что «подземный» характер мечети — явление позднее.¹

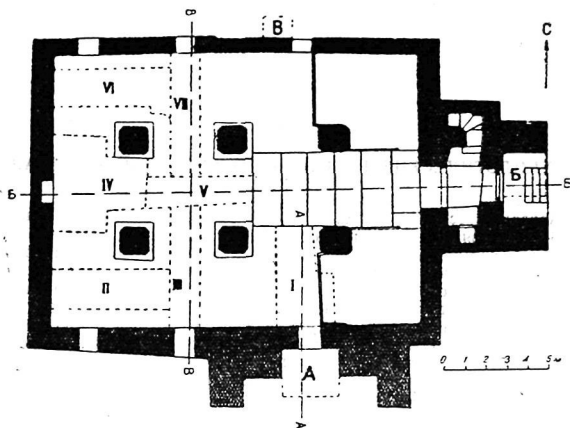

Рис. 1. План мечети с указанием раскопов:

А—раскоп перед южным порталом; Б—раскоп перед восточным порталом; В—шурф для исследования северной стены. Римскими цифрами обозначены раскопы внутри мечети.

Мечеть Магоки-Аттари² представляет собой прямоугольное в плане здание, перекрытое системой купольных сводов, опирающихся на три пары массивных кирпичных столбов (рис. 1). По главной оси здание ориентировано с запада на восток. В мечеть ведут три входа: с восточной стороны, с базара «аттаров» (продавцов лекарств и приностей), с южной и с северной. Так как пол мечети находился на 5—6 м ниже уровня окружающей местности, почти вся восточная треть здания внутри была занята широкой лестницей, ведущей вниз от главного, восточного входа. Лестницы к боковым входам были устроены снаружи

¹ Археологические памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации, «Вопросы Реставрации», вып. II, М., 1928, стр. 219, (примечание).

² Краткое описание мечети см. В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936, стр. 42—44. Предварительное сообщение о работах в мечети Магоки-Аттари опубликовано автором в журнале «Социалистическая наука и техника», 1936, № 2. В «Советской Археологии» (№ 3, стр. 270), в краткой, основанной на газетных сообщениях, заметке о работах 1935 г. в Бухаре даны сведения, совершенно не соответствующие действительности.

Позднейшее описание современной мечети Магоки-Аттари, в котором учтены данные, полученные при описываемых работах см. у В. А. Шишкина а. Мечеть Магоки-Аттари в Бухаре, Труды Института истории и археологии АН УзССР, Материалы по археологии Узбекистана, т. I, Ташкент, 1948, стр. 3—21. Предлагаемая статья является продолжением указанной публикации.

мечети. Освещается здание окнами в барабане среднего купола и в возвышающихся над землей верхних частях стен: по два окна с южной и северной стороны. В 1934 г., перед началом ремонта, кровля, своды и вся верхняя часть здания были сильно разрушены, что и вызвало необходимость консервационных и отчасти реставрационных работ.

Строителем мечети, по народному преданию, был шейбанидский правитель Бухары Абдулазиз-хан (1540—1549 гг.). Эта дата вполне подтверждается майоличной надписью, находившейся в портале восточного входа, где время постройки обозначено 954 годом хиджры (1547 г. н. э.). Конструктивные особенности сводов и характер использованного строительного материала (квадратный плоский обожженный кирпич крупных размеров) также указывают на строительную технику XVI в. Но оформление южного входа резко отличается от всего здания по стилю и никоим образом не может быть отнесено к XVI в. Над входом в мечеть возвышалась сильно деформировавшаяся арка, ниша которой декорирована кирпичными сталактитами, рельефным орнаментом, выложенным из кирпичиков, и резными терракотовыми плитками.

По техническим приемам и по стилю орнаментации южный портал мог быть отнесен только к XI или XII вв., архитектура которых нам достаточно хорошо известна по памятникам Узбекистана, Киргизии и Туркменистана. Если прибавить к этому, что восточный портал мечети был капитально перестроен всего лет сорок тому назад, то станет очевидным, что Магоки-Аттари представлялась до начала наших работ памятником не одновременным, имевшим длительную и сложную историю, тем более, что богато орнаментированный южный портал уходил в землю и, следовательно, был построен при другом уровне местности. Отметим, кстати, что вращание в землю, может быть, не в таких больших размерах, мы наблюдаем у других древних памятников: мавзолея Исмаила Самани, Большой соборной мечети и мечети Магоки-Курпа в Бухаре; медресе Улугбека в Самарканде и т. д.

РАСКОПКИ У ЮЖНОГО ПОРТАЛА (РАСКОП А)

Для полного раскрытия южного портала нам пришлось удалить ведущую к нему кирпичную лестницу и открыть котлован до глубины 5,5 м, где была обнаружена выложенная жженым кирпичом площадка, соответствующая древнему уровню входа.

До глубины 1,5 м в раскопе шли позднейшие слои, состоявшие из строительного мусора с отдельными зольными линзами; найдено много осколков керамики тех типов, которые бытовали в Бухаре до самого недавнего времени. Ниже, до упомянутой древней площадки, встречалась керамика других типов, характеризующаяся главным образом чистой белой поливой с черным, синим и зеленым рисунком преимущественно растительного орнамента, в том числе так называемая «кашинная», отличающаяся рычлым белым или желтоватым черепком и толстой стекловидной прозрачной глазурью. Следует отметить еще, что стекло отсутствует в верхних слоях и встречается только начиная с третьего метра от поверхности, причем количество его осколков значительно увеличивается на четвертом метре. Стекольное производство, развитое в Средней Азии с отдаленных времен и пользовавшееся большим распространением еще в тимуридское время, как известно, в последние столетия было совершенно забыто.

Из отдельных предметов, обнаруженных здесь, привлекает внимание найденный на глубине 2 м прекрасной сохранности сероватый

пористый сплюснутый кувшин-фляга, украшенный богатым штампованным орнаментом, на четырех низеньких ножках (рис. 3). Сосуд этот изготовлен примерно в XIII—XIV в. и появление его в относительно поздних наслоениях следует считать случайностью.

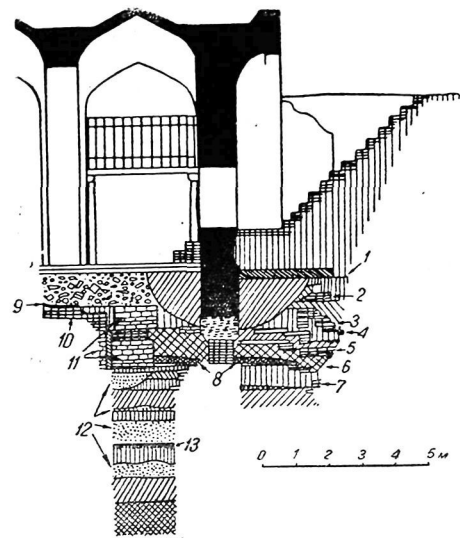

Рис. 2. Разрез по линии А—А:

1—первоначальная площадка перед заанием XII в.; 2, 3, 4, 5, и 6—остатки последовательно сменявшихся входов в здание, 7—прослойка из глин и остатки сырцовых кладки, 8—следы пожара на кирпичном настиле пола, 9—основание круглой колонны, 10—фундамент колонны, 11—сырцовые кладки, 12—песчаные прослойки, 13—уплотненная площадка.

В раскопе найдено много монет, большей частью сильно окислившихся. На глубине 2,5 м в восточной части раскопа был обнаружен монетный клад в небольшом растрескавшемся горшке, содержащий 2 серебряных и 861 медную монету. Серебряные монеты дата чекана на которых не сохранилась, биты от имени Шахруха, сына Тимура (1404—1447), медные—разных штампов бухарского и самаркандского чекана XV в.

Недалеко от этого клада, на глубине 3 м, найден второй: кучка медных, плохо сохранившихся монет, повидимому, XVI в. Этот клад состоял из 402 монет.

Почти над самым настилом упомянутой выше древней площадки, перед входом обнаружена медная монета, датированная 877 г. хиджры (1477—1473 г. н. э.).¹

¹ См. статью Е. А. Давидович, помещенную в этом же сборнике.

Таким образом, и керамика и монеты ясно указывают на то, что слой земли мощностью в 5,5 м накопился за время с XV в. Объясняется это тем, что всякого рода постройки, возникавшие около мечети, не были капитальными, часто разрушались, и строительный мусор не вывозился, а разравнивался тут же на месте. Какими были эти постройки—можно отчасти судить по остаткам грубо сложенной стенки, основание которой находилось на глубине 4,25 м. Она была сложена из обломков разновременного кирпичича, причем в кладке ее использованы довольно крупные куски, свалившиеся или, быть может, сбитые с того самого южного портала, у которого она была построена. Последнее обстоятельство наглядно свидетельствует о том, что в XV в. (когда была сложена эта стена) здание мечети подверглось большим разрушениям и было, по всей вероятности, заброшено.

При раскопках были полностью вскрыты остатки южного портала, очень интересные в историко-архитектурном отношении. (Рис. 4). Орнаментация портала оказалась гораздо богаче, чем можно было предполагать по декоративной обработке арки над входом. Фигурная кладка из зашлифованных кирпичиков, плитки резной терракоты, тонкая резьба по

Рис. 3. Сосуд из раскопа перед южным порталом.

алебастру, покрытые сложным растительным узором каменные колонны и, наконец, рельефная майоличная полоска надписи, проходящая по архивольту арки входной ниши—таковы разнообразные декоративные приемы, использованные для украшения южного портала.

Большая арка портала не сохранилась; уцелели только ее устои, покрытые мелкой кирпичичной орнаментацией, с очень своеобразно оформленным передним фасом, не имеющим аналогий в других известных нам памятниках: он украшен как бы двумя четвертями колонн, сдвинутых вместе и, надо полагать, соединявшихся вверху не существующей теперь арочкой, как в Рабати-Малик и развалинах замков Хорезма.

Общий вид остатков портала и отдельные его детали позволяют совершенно надежно датировать его XII в. Противоречит этой дате только поясok майоличной надписи, проходящий по архивольту сохранившейся арки, сделанный несомненно во второй половине XIV в. и являющийся, возможно, позднейшей добавкой, связанной с одним из капитальных ремонтов или перестроек мечети.

В 1935 г. раскоп перед южным порталом был продолжен вглубь. В длину он занял все пространство между устоями арки, ширина его — 3 м. Выше указывалось, что раскоп 1934 г. был доведен до выложенной кирпичом площадки древнего входа. От этой площадки мы в дальнейшем будем вести отсчет глубины раскопа.

Площадка выложена довольно небрежно частью из целого кирпича, частью из обломков и щебня. С южной стороны она заканчивается ступенькой высотой 25 см, перед которой прослеживается уплотненный земляной слой (рис. 5). Первоначально мы приняли его за уровень

существовавший ко времени постройки здания, но потом оказалось, что настоящий уровень земли XII в. находится на 25 см ниже. Это ясно видно по дверному проему, нижний край которого, естественно, соответствует уровню входа. Этот дверной проем, по мере повышения горизонта земли снаружи, неоднократно закладывался снизу жженым кир-

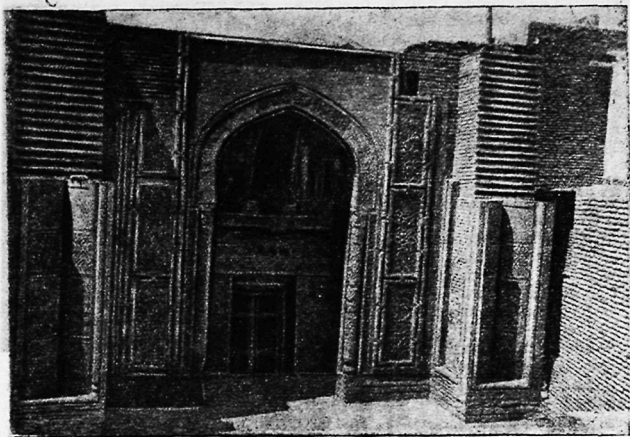

Рис. 4. Южный портал мечети после частичной реставрации

пичом. Наиболее ранняя закладка на высоту 25 см сделана очень тщательно, позднейшие—гораздо небрежнее (рис. 6). Общая высота всех этих закладок достигает 130 см. Ввиду того, что дверной проем при этом стал слишком низким, он был увеличен в высоту за счет разборки части стены над ним, а следовательно, и части декоративного оформления ниши.

Таким образом, площадка, выложенная кирпичом, отмечает один из более поздних входов. В связи с тем, что над ней была найдена упоминавшаяся монета 877 г. хиджры, нам кажется вполне возможным отнести эту площадку к концу XIV или началу XV в., когда производился один из капитальных ремонтов. Уровень с нижним краем входа обнаружен уплотненный глинистый слой, служивший, надо полагать, постелью для кирпичной вымостки, от которой не сохранилось следов.

При дальнейшем углублении раскопа выявилось, что в северной его части находился котлован, отрытый для закладки фундамента мечети. Ширина его сверху достигала 2,5 м, внизу—1,25 м, глубина—1,25 м. Котлован заполнен землей с обломками кирпича, кусками алебаstra, золы и угольками. Попадались фрагменты посуды с белой поливой, которые могут быть датированы XI—XII вв.

Фундамент отличается аккуратной, чистой кладкой. Сложен он на глиняном растворе из кирпича $23 \times 23 \times 3,5$ см; местами встречаются

Рис. 5. Площадка перед древним входом в мечеть.

Рис. 6. Фундамент здания на южной стороне и закладка дверного проема.

кирпичи размерами $43 \times 43 \times 6$ см, а в одном месте был виден кирпич, сторона которого равнялась 63 см при толщине 6 см. Глубина фундамента около 90 см. Под фундаментом—слой кирпичного щебня в плотной утрамбованной глине.

В южной части раскопа обнаружены остатки поднимавшейся в сторону мечети лестницы (а), состоявшие из двух ступенек. Нижняя, высотой в 27 см, сложена из кирпича, положенного плашмя, верхняя—из кирпича, поставленного на ребро; кирпич таких же размеров, как в кладке фундамента мечети (рис. 7). Основание лестницы находится на глубине 76 см от площадки перед входом. Лестница старше здания мечети; доказательством служит то, что верхние ее ступеньки, очевидно, были уничтожены при отрывке котлована под фундамент.

Ниже, почти непосредственно под первой, залегают остатки второй, еще более старой лестницы (б), сложенной из более мелкого кирпича $21 \times 21 \times 3,5$ см и состоявшей из трех ступенек (верхняя сохранилась частично). Ступеньки выложены из половинок кирпича, поставленных на ребро; край каждой ступеньки, как можно судить об этом по сохранившимся гнездам, был укреплен деревянным брусом квадратного сечения (рис. 8). С юга к нижней ступеньке подводит площадка, вымощенная известковым камнем, что заставляет вспомнить слова арабского географа X в. об улицах Бухары, которые «отличались шириной и были вымощены камнем»¹. Глубина этой мостовой около 120 см.

Кирпичная кладка второй лестницы опирается на третье подобное сооружение (в): это—площадка 127×91 см в уцелевшей части, выложенная половинками кирпича на ребро узором «в елку». Западный и северный края площадки сохранились и обведены как бы рамкой из одного ряда половинок кирпича, поставленных на ребро. С южной стороны к площадке примыкает, образуя уступ вниз, широкая ступенька, отличающаяся фигурной кладкой из таких же половинок кирпича (рис. 7). Перед ступенькой—плотно утрамбованный слой земли, а на некотором расстоянии от него—снова настил из известкового камня, подобный тому, который был обнаружен несколько выше.

В промежутках между описанными остатками разновременных сооружений—плотная земля с большой примесью строительного мусора. Изредка встречались черепки типичной «саманидской» посуды, характеризующейся тонким, хорошо обожженным черепком с подглазурной росписью черной, охристой и зеленоватой красками по белому фону. На уровне последнего из описанных сооружений найден фрагмент блюда с ясно читаемой благожелательной надписью—«ал-афийят (благополучие благоденствие)»¹.

Ниже идет слой очень плотной глины, под которым, на глубине 165 см, снова обнаружена площадка (г), выстланная крупным

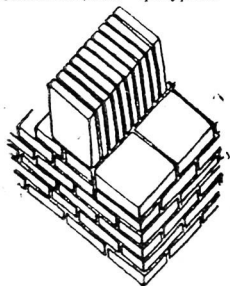

Рис. 7. Остатки лестницы «а» перед южным порталом.

¹ Bibliotheca Geographorum Arabicorum, III, 281, В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия; т. II; СПб., 1900, стр. 115.

² Описание этого типа посуды, требующее существенных коррективов в части выводов и заключений, см. у В. Л. Вяткина, Афрасиаб—городище бывшего Самарканда, стр. 41 и сл., см. также И. А. Сухарев, Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды Узбекского государственного университета, новая серия, II, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 9—11.

(42 × 42 × 6 см) кирпичом. Размеры уцелевшей части площадки 142 × 126 см. Кладка на глине очень тщательная с аккуратной подгонкой кирпича. С южной стороны площадка заканчивалась ступенью с выемкой—желобком, заставляющим предполагать, что здесь был когда-то деревянный порог (рис. 10). К югу от ступеньки—снова настил из камня, сходный с вышележащими. Позднее над этой каменной мостовой была сделана вымостка из кирпича, вровень со ступенькой. С западной стороны площадка примыкала к плохо сохранившейся стене из жженого кирпича, которая начиналась от стены современной мечети, а затем поворачивала под прямым углом к западу. Продолжения ее проследить не удалось, так как она уходила под западный устой портала.

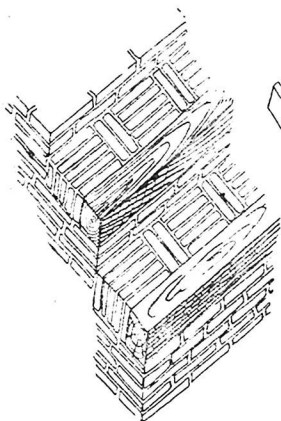

Рис. 8. Остатки лестницы „б“ перед южным порталом.

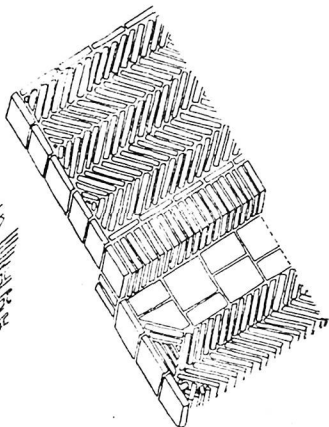

Рис. 9. Остатки лестницы „б“ перед южным порталом.

Под площадкой идет песчаный слой с примесью строительного мусора, угольков и костей. Под ним на глубину до 2,5 м — лёссовый слой с золой, углями и строительным мусором. На глубине 2,5 м оказался новый настил (д) из жженого кирпича (27 × 27 × 3,5 см). Южный край этой площадки, так же как и в предшествующих случаях, представляет собой ступеньку 15 см высотой, к которой примыкает вторая, нижняя, сложенная из трех рядов кирпича.

Описанная несколькими строками выше стена обнаруживает несомненную связь именно с этой площадкой, о чем свидетельствует имеющийся на стене слой алебастровой штукатурки. Высота сохранившейся части стены — 92 см, под площадкой-полом она продолжается еще на 43 см; под стеной — слой очень плотной глины, по видимому, подготовка под фундамент.

Под кирпичной площадкой, на 46 см ниже ее, обнаружены следы очень сильно разрушенной сырцової кладки (характер кладки и размеры кирпича выяснить не удалось). Непосредственно под нею — линза углей, ниже — мягкая лёссовая земля с угольками, костями и незначи-

Рис. 10. Площадка „а“ перед южным порталом.

Рис. 11. Площадка „а“ перед южным порталом.

тельными черепками грубой неполивной глиняной посуды, сделанной на гончарном круге. От площадки перед входом в мечеть раскоп доведен до глубины 3,9 м (8,1 м от современного горизонта). От продолжения раскопа вглубь пришлось отказаться по техническим причинам.

РАСКОПКИ ПОД АРКОЙ У ВОСТОЧНОГО ПОРТАЛА (РАСКОП Б)

Ввиду того, что восточной портал выходит на узкую, но весьма оживленную улицу города,¹ мы вынуждены были ограничиться небольшим шурфом между лестницей, ведущей к двери мечети и щипцовой стеной арки портала.

После расчистки приблизительно пятисантиметрового слоя засохшей грязи, обнаружился настил из половинок жженого кирпича, сложенный в «шашку». Он начинался от порога мечети и уходил под современную трехступенчатую лестницу, обложенную плоскими плитам из известкового камня. Эта лестница, как оказалось, была выложена поверх более старой, состоящей из двух ступеней. Под кирпичным настилом — мягкая земля с большим количеством строительного и прочего мусора и черепок посуды. Весь этот материал относится ко времени не ранее XVIII в., что подтверждается находкой медной пятикопеечной монеты Екатерины II с датой 1787 г.²

На глубине 0,55 — 0,75 м от кирпичной площадки находится другой настил из крупного жженого кирпича, положенного плашмя. Восточная половина кирпичной площадки, будучи выше западной на 20 см, образует в середине ступеньку. Уровень площадки соответствует нижнему краю дверного проема, заложеного кирпичом до современного порога. Следует здесь же отметить, что ниже проема, до глубины 1,5 м, идет фундамент из крупного, типичного для XVI в., кирпича, под которым прослеживается забутка из кирпичного щебня и глины.

На глубине 1,05—1,69 м вскрыта опускающаяся с восточной стороны кирпичная лестница из трех ступенек. В слое над нею встречается белополвиная керамика с черным и синим рисунком и выхлым «кашиным» черепком, датируемая XV в. Эта же керамика обнаруживалась и под лестницей, до глубины 3,5 м, где был вскрыт еще один настил из мелких обломков жженого кирпича. Под ним фрагменты посуды других типов, которые могут быть отнесены к XIII—XIV вв. (до глубины около 5 м), а еще ниже, в слое земли со строительным мусором — осколки посуды, типичной для XI—XII вв. Под этим слоем — остатки мостовой из известкового камня, сходной с такими же остатками в первом раскопе.

Раскоп доведен до глубины 7,35 м; культурные наложения продолжают ниже этого уровня.

¹ На этой улице находился тот базар аттаров (торговцев лекарственными и пряностями), по которому мечеть получила вторую часть своего названия.

² Находка русской монеты XVIII в. в Бухаре не является исключительной. Есть сообщения («Туркестанские Ведомости», 1906, № 20 и 35, 1911, № 231) о большом количестве екатерининских денег, встречавшихся в особенности в восточных областях Бухарского ханства, что, по видимому, связано с значительным оживлением в ту эпоху торговых и политических сношений между Россией и Средней Азией. Напомним о бухарском посланнике Ир-Назаре, бывшем дважды в России — в 1774 и 1779 гг. и получившем от Екатерины II 4000 руб. серебром, которые Ир-Назар, по преданию, израсходовал на постройку медресе недалеко от мечети Магоки-Аттари (см. П. Яковлев, Мулла Ир-Назар Максуютов, посланник Бухарский, «Сибирский Вестник», 1824, ч. I, стр. 7—10).

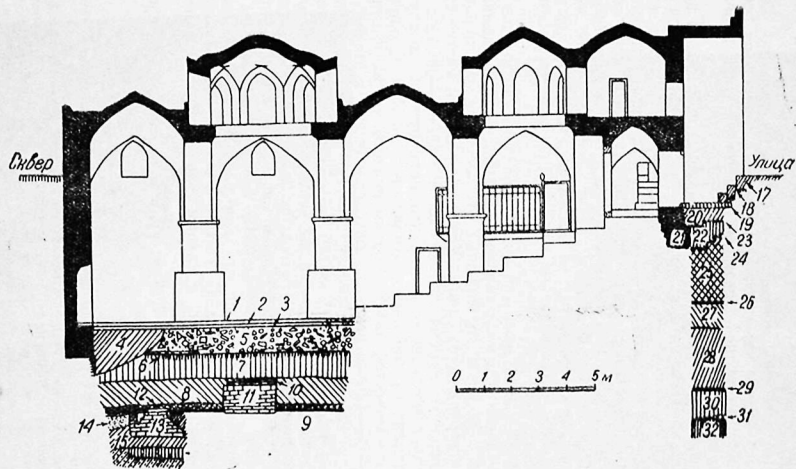

Рис. 12. Разрез Б-Б:

1, 2 и 3—разновременные полы мечети, 4—засыпка котлована фундамента, 5—слой строительного мусора с фрагментами резьбы по алебастру, 6—остатки кирпичного пола, 7—глинистый слой, 8—глинистый слой с фрагментами керамики кушанского времени, 9—кирпичный настил пола, 10—железный кирпич, 11—сырцовый кирпич, 12—каменный круг, 13—сырцовая кладка, 14—песок, 15—глинистый слой, 16—плотная глина, 17—современная лестница, 18—старая лестница, 19—кирпичный настил, 20, 22, 25, 27, 28, 30, 32—слой земли и строительного мусора с черепками и т. п. 21—фундамент, 23, 24, 26, 29—площадки и лестницы, выгнанные жженым кирпичом, 31—каменная мостовая.

Третий раскоп в виде еще более узкого шурфа, чем второй, имел специальное назначение: определить размеры и форму деформации сильно искривившейся северной стены мечети. До глубины 5,55 м в слоях относительно мягкой земли с кусками кирпича, алебаstra и углей встречаются черепки посуды; картина совершенно аналогичная той, что наблюдалась в раскопе перед южным порталом. Ниже—большое количество строительного мусора, а под ним, на глубине 6,6 м, площадка, высланная кирпичом $40 \times 40 \times 6$ см. Под ней—мягкая земля. Нижний край фундамента стены оказался на 7 м ниже современного горизонта. Стена совершенно гладкая, даже переход к фундаменту не отмечен никаким выступом. Кладка неоднородна: нижняя ее часть на высоту 2,25 м от низа фундамента по характеру и размерам кирпича соответствует кладке древних частей стен и фундамента южной стороны. Выше—типичная кладка XVI в., много следов более поздних ремонтов. Деформация стены, выпятившейся в сторону мечети, оказалась весьма значительной: до 0,25 м.

РАСКОПКИ ВНУТРИ МЕЧЕТИ

Внутри мечети заложено несколько раскопов, проходивших в виде, насколько представлялось возможным, широких траншей и площадок между стенами и устоями здания: а) в пространстве между южным входом и внутренней большой лестницей (I на рис. 1); б) от южной до северной стены, между второй и третьей парами устоев (III, V и VII); в) от большой внутренней лестницы к западной стене (V и IV) и добавочные раскопы в юго-западном и северо-западном углах здания (II и VI на том же рисунке).

Современный пол мечети выложен жженым кирпичом $27 \times 27 \times 5,5$ см на алебастровом растворе. Ниже пола II—12-сантиметровый слой земли с кирпичным щебнем и кусочками алебаstra. Под ним оказался второй, более древний пол, сложенный также из жженого кирпича, но других размеров: $24 \times 24 \times 4,5$ см. Между полами в разных раскопах найдено несколько майоличных плиток и мелких фрагментов майолики, гладких и профилированных, с синей и голубой, местами как бы выцветшей поливой и иногда с довольно хорошо сохранившейся позолотой. По характеру рисунка и технике выполнения эта майолика может быть совершенно уверенно датирована XIV в. Весьма вероятно, что она одновременна с рельефной майоличной надписью в архивольте арки южного портала. Второй пол положен на постельный шов из жирной сероватой глины толщиной в 2,5—3 см, лежащий непосредственно на третьем, сильно разрушенном полу из кирпича $35 \times 35 \times 4,5$ см. Кирпич раслоился и потрескался, местами заметна значительная деформация пола, в особенности в северной части мечети, говорящая о больших разрушениях и неравномерных осадках, происходивших в первоначальном здании XII в., к которому с полной несомненностью относится этот третий пол.

Под третьим полом—тонкая прослойка глины, а под ней—небольшой слой размельченного алебаstra. Ниже, на глубину 1 м от современного пола мечети, во всех раскопах оказалась мягкая глина, в которой много кусков жженого кирпича и алебастровой штукатурки. Черепков, костей, углей и т. п. в этом слое не встречается: слой образовался вследствие разрушения здания, пол которого местами обнаружен то в виде уцелевшего настила из крупных кирпичных плит

41 × 41 × 6 см, то в виде ровной площадки из мелкого строительного мусора и алебаstra, на которой кое-где ясно прослеживаются отпечатки такого же кирпича; находится он в среднем на глубине 1,25 м. Он прослеживается во всех раскопах, но лучше всего сохранился в западной части мечети (раскопы II, IV и VI). В двух местах (раскопы I и VII) на уровне этого пола были обнаружены круглые алебастровые площадки, плоские, с приподнятыми краями, диаметром несколько боль-

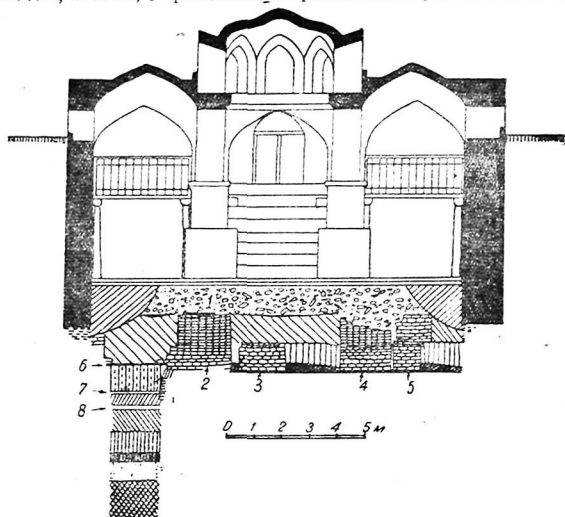

Рис. 14. Разрез В—В:

1—основание круглых колонн; 2—фундамент колонны; 3—кладка из жженого и сырцового кирпича; 4—фундамент колонны; 5—кладка из жженого и сырцового кирпича; 6, 7, 8—кирпичные настилы.

ше 1 м (рис. 14). Как показали дальнейшие исследования, эти площадки лежат на мощных фундаментах высотой около 2 м, сложенных снизу на высоту девяти рядов кладки из сырцового кирпича, а выше—из жженого кирпича $21 \times 21 \times 2,5$ см. В плане эти фундаменты, повидимому, (ни в одном случае нам не удалось вскрыть всех четырех сторон), квадратны, с длиной стороны равной 2 м. Круглые алебастровые площадки—это несомненно основания круглых, по всей вероятности, кирпичных столбов—колонн древнего здания, которому принадлежит и описанный четвертый пол. В раскопе III, где должен был находиться еще один такой столб, пол был сильно разрушен. Круглой площадки мы здесь не нашли, но фундамент, на котором покоился столб, оказался на месте, что дает нам полную возможность реконструировать в общих чертах план здания, перекрытие которого поддерживалось, как в известных мечетях, относимых к

IX—XI вв., — Хазаринской и Термезской, — четырьмя кирпичными колоннами.¹ Стены здания должны были приблизительно соответствовать по своему положению стенам современного здания и именно по этой причине не могли сохраниться (рис. 15).

Рис. 14. Основание колонны здания X в.

В слое строительного мусора, который лежал выше четвертого пола, найдено много фрагментов резной алебастровой штукатурки, украшавшей стены здания. Большое количество их находилось в центральной части здания, причем наиболее крупные куски лежали внизу, мелкие покрывали их плотным слоем сверху, как получается обычно при разрушении здания. Встречены также незначительные фрагменты алебастровой штукатурки со следами росписи.

Фрагментов резного стукко найдено свыше тысячи, но только незначительная их часть, — куски больших размеров, — позволяет представить себе характер бывшего богатого и разнообразного декора здания. Несколько лучше сохранились большие куски алебаstra с кривы-

¹ По аналогии с мечетями в Хазаре (А. Ю. Якубовский, Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г., Труды Отдела Востока, Государственный эрмитаж, т. II, Л., 1940, стр. 137—141) и Термеза (Б. А. Шишкин, «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза, Труды АН УзССР, серия I, Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, стр. 99—106). Не исключена возможность и другого плана здания — с большим числом столбов, при большей площади, чем современная мечеть, но первое решение все же более вероятно.

ми поверхностями,—повидимому, остатки сводов и арок, а также утолщения и выступы в орнаменте, так сказать, орнаментальные узлы, в виде разного рода розеток, пальметт, волют и т. п. Техника выполнения стукко разнообразна: глубокая и мелкая резьба, налеты, многослойные накладки алебаstra. Чаще всего под стукко сделана подготовка в виде штукатурки из сероватого алебаstra с примесью песка и земли, (то, что в Бухаре называется «ганч-хок»), поверх которой нало-

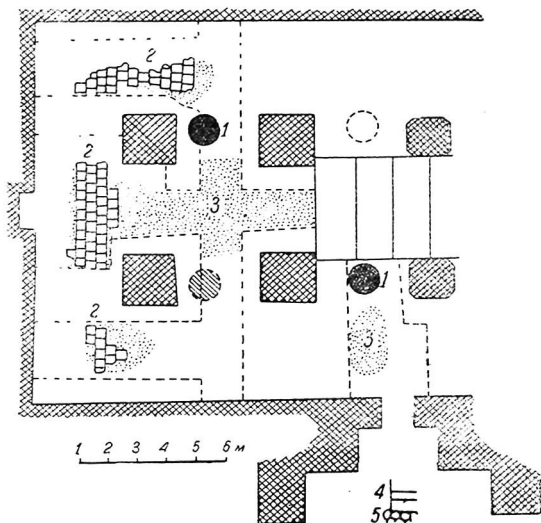

Рис. 15. План сохранившихся остатков здания X в.

1—основания колонн, 2—остатки кирпичного пола, 3—слой глины—подготовка под пол, 4—остатки лестницы, 5—остатки каменной мостовой.

жен слой белого чистого алебаstra (по современной терминологии бухарских мастеров «гуль-ганч»); по нему и выполнена резьба. Иногда резьба имеет плоскостный характер: рисунок намечен неглубокими трехгранными желобками; иногда она очень глубока и прорезает не только белый слой чистой штукатурки, но проникает и в серую, нижнюю, нередко принимая характер настоящего сграффито¹. Есть фрагменты, в которых и тот и другой слой прорезаны насквозь, они представляют собой узорную алебастровую решетку.

На некоторых фрагментах заметны остатки раскраски синим и красновато-желтым тонами, а в ряде случаев, в сердцевинах розеток, — следы позолоты. Неорнаментированные резьбой куски штукатурки ук-

¹ Этот декоративный прием удержался в украшениях внутренних стен жилых домов Бухары до самого недавнего времени.

рашены довольно широкими полосами тех же цветов. Значительная часть фрагментов носит следы поновления белым алебастром, нанесенным в жидком виде.

Обращают на себя внимание остатки надписей, выполненных плоской резьбой. Надписи сделаны почерком «куфи» простого рисунка, фон заполнен спиральными ветвями и листьями (рис. 16). Для того,

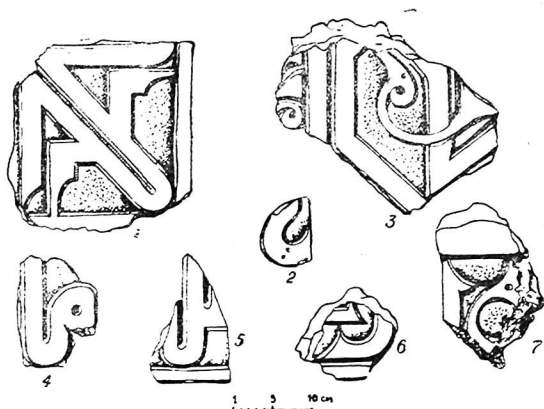

Рис. 16. Фрагменты резьбы по алебастру.

чтобы больше выделить буквы, желобки, образующие их края, ретушированы узкими черными полосками. Характер букв живо напоминает обнаруженную в 1937 г. надпись по дереву на мавзолее Саманидов, несомненно, относящуюся к X в. Других эпиграфических памятников этого времени в Бухаре мы не знаем но сравнение ее с другими памятниками Средней Азии позволяет отнести нашу надпись скорей всего именно к X в.

Из наиболее часто встречающихся орнаментальных мотивов отметим прежде всего простую розетку—шести- или восьмилепестковый цветок, заключенный в спиральный завиток—волюту (рис. 17, 3); иногда восьмилепестковая розетка окружена петлевидным обрамлением, изображающим, надо полагать, стилизованные листья, или же цепочкой круглых дырочек. Встречаются мотивы трилистника (рис. 18, 3), пальметты, напоминающей наконечник копейца, обрезанной с обеих сторон, и представлявшей, повидимому, завершение какого-то выступавшего из стены рельефного орнаментального мотива (рис. 18, 2) пальметты, выполненной плоским рельефом (рис. 19, 1). Здесь представлены также чешуйчатый орнамент (рис: 17, 4 и 19, 2), круглая розетка, образованная переплетением ветвей и стилизованных листьев (рис. 18, 1), обрамления в виде плетенки и цепочки «сосочков» (рис. 19, 4 и 19, 6), фрагменты сложных орнаментальных композиций (рис. 19, 1 и 19, 3), ажурные алебастровые решетки (рис. 17, 2 и 19, 5).

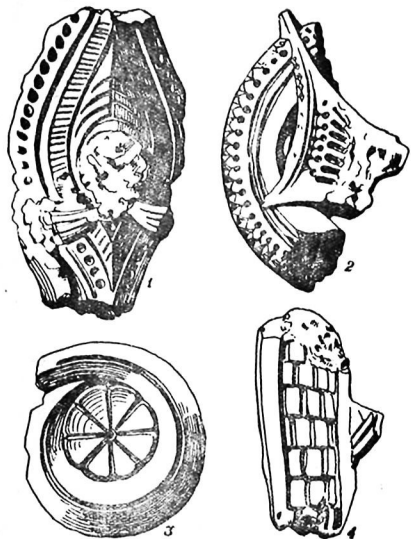

Рис. 17. Фрагменты резьбы по але-астру.

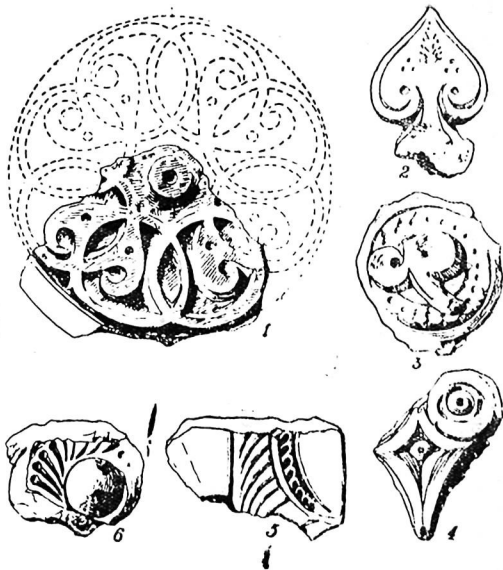

Рис. 18. Фрагменты резьбы по алебэстру.

О стенной живописи, дополнявшей, по-видимому, орнаментацию здания, мы можем судить только по нескольким мелким фрагментам, не позволяющим составить какого-либо представления о том, что она изображала. Можно только установить, что в этой росписи было два слоя: первоначальный, напоминающий по своей технике живопись *al-fresco*, с прочно впитавшимися в штукатурку нестирающимися краскам-

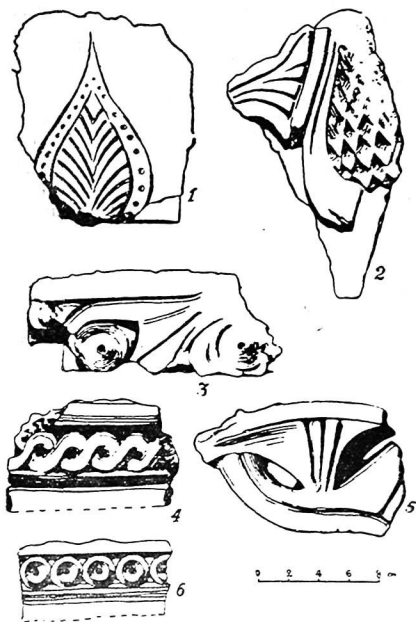

Рис. 19. Фрагменты резьбы по алебастру.

ми, и позднейший, по тонкому слою белого алебастра, нанесенного на поверхность первоначальной живописи. Последняя сделана синей и красновато-желтой красками, которые легко стираются и вообще сохранились очень плохо. Относительно стиля той и другой росписи можно, пожалуй, сделать только одно наблюдение: нижняя, более старая роспись была сделана четкими, крупными планами, вторая характеризуется размельченным, вероятно, растительным узором.

Декоративная обработка здания дополнялась еще одним очень своеобразным приемом—резьбой по сырой, необожженной, глине. По-видимому, этот способ декорировки здания регистрируется в зодчестве

Средней Азии впервые (по крайней мере, в такой форме)¹. Заключался он в следующем: на стену наносился толстый слой очень плотной серой глины, по которому, до его высыхания, вырезался углубленный орнамент растительного или геометрического характера. На найденных нами фрагментах оставшиеся выпуклыми части орнамента покрыты тонким слоем белой краски, иногда заплывающей в углубления орнамента. Возможно, что эта «лобелка» была сделана во время одного из ремонтов.

Описанные фрагменты архитектурно-конструктивного и декоративного характера дают достаточно ясное представление о большом монументальном и богато украшенном здании, находившемся на месте теперешней мечети Магоки-Аттари. Строительный материал (кирпичные плиты пола, сходные с такими же в мавзолее саманидов), конструктивные данные (перекрытие здания, покоящееся на четырех столбах) и характер декоративного стукко, покрывавшего, вероятно, центральный купол и, может быть, колонны, в особенности стиль надписи, позволяют отнести его постройку к X в.² К этому зданию, надо полагать, относится третья сверху из тех лестниц, которые были вскрыты нами в раскопе у южного портала. Основанием для такого сопоставления служит соответствие уровня пола здания и площадки лестницы и одинаковый формат кирпича.

Закончим описание этого слоя указанием на то, что внутри мечети, так же как и снаружи, обнаружены следы широкого котлована, вырытого для фундамента здания. В этом месте, около стен мечети, никаких следов древнего здания не сохранилось. Следует также упомянуть о попутно вскрытом фундаменте одного из средних устоев современно-

¹ Следует оговориться, что орнаментальная резьба по глине широко распространена при постройке глиняных заборов, окружающих сельские усадьбыные участки. Резьбой по сырой глине украшен, как нам удалось установить в 1948 г.; михраб мечети на мазаре Мухаммада Башара в горах, в 25 км от Панджикента. А. Ю. Якубовский, описавший мазар (Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция, т. I, Материалы и иссл. по археологии СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 46—48), об этом не упоминает.

² Материалом для датировки, кроме общих историко-архитектурных и стилистических соображений, служат также фрагменты декоративной отделки здания, прежде всего — стукко. Известные панели с городища Афрасиаб; (В. П. Денике, Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1939, стр. 37—40), стилистически сходные с алебастровой резьбой дворца термезского правителя (там же, стр. 49—68), отличающиеся плоской резьбой, производящей впечатление более поздних, чем стукко мечети Магоки-Аттари, к которому ближе примыкает алебастровый михраб, открытый также на Афрасиабе и датируемый IX в. (В. П. Денике, цит. наиболее близкую аналогию дает так наз. «третий стиль» стукко Самарры, описанный Е. Херцфельдом (D r Wanderschmuck der Bauten von Samarra und seine Originale, Berlin, 1923). Стилистически сходен с алебастровой резьбой Магоки-Аттари деревянный резной михраб из селения Исходар в Таджикистане (М. Е. Массон, К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М. С. Андреевым в горах Самаркандской области. В книге: М. С. Андреев, По Таджикистану: Отчет по экспедиции 1925 года, вып. I, Ташкент, 1927, стр. 27—41). М. Е. Массон датирует этот памятник XI—XII вв., В. П. Денике (цит. соч., стр. 118—119)—XII—XIII вв., Позднее михраб из Исходара описан В. Л. Ворониной, которая датирует его значительно более ранним временем—IX—X вв. (См. Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I, Материалы и исследования по археологии СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 215).

На основании изложенных соображений, приведенных здесь частично, стукко из мечети Магоки-Аттари можно датировать концом IX или началом X в. С этой датой был согласен покойный В. П. Денике, который упомянул наши фрагменты стукко в своем докладе на III Международном Конгрессе по Иранскому искусству и археологии (см. «Доклады» Конгресса, М.—Л., 1939, стр. 43).

го здания, который, как оказалось, представляет собой массивную, квадратную в плане подушку шириной 2, 2 м, глубиной 1,0 м, сложенную из жженого кирпича. Ниже, на глубине 0,8 м, под кирпичной кладкой — утрамбованная плотная глина с кирпичным щебнем.

Слой, подстилающий остатки вышеописанного здания во всех раскопах, состоит по большей части из мягкой земли, строительного мусора и черепков; среди них обычны фрагменты посуды, которые могут быть отнесены к VII—IX вв. Во многих местах встречались кусочки глино-саманной штукатурки, с поверхностью, окрашенной в ультрамариновый цвет. В южной части мечети обнаружены остатки стены из сырцового кирпича $27 \times 18 \times 9$ см. Стена расположена в 1,2 м от южной стены мечети, параллельно последней. Сохранилась она на высоту около 0,9 м и состоит из девяти рядов кладки. Эти остатки — сырцовая кладка стены и синие кусочки штукатурки — являются, вне всякого сомнения, фрагментом еще одного строения, скорей всего, восьмого или девятого века. С ним, вероятно, можно сопоставить четвертую сверху лесенку в раскопе у южного портала, остатки которой представляют собой площадку, выложенную из крупных кирпичных плит, с двумя кирпичными же ступеньками.

Сырцовая стена в первом и в третьем раскопах опирается на кладку из жженого кирпича, покоящуюся, в свою очередь, на стенках из сырцового кирпича формата: $30 \times 19 \times 7$ см. Все эти нагромождения стенок, несмотря на то, что они явно разновременны, не производят, однако, впечатления случайных. Лежащие выше сырцовые стенки по плану, хотя и не совсем точно, соответствуют нижним. Так же как нижние, они не составляют сплошной стены, а даны короткими, не соединяющимися друг с другом отрезками, расположенными по одной прямой. Впрочем, возможно, что нижняя сырцовая кладка, состоящая из 9-10 рядов кирпича, и лежащая на ней стенка из жженных кирпичей (4—8 рядов) являются одновременными частями одного и того же сооружения (рис. 20). Что касается верхней стенки, то здесь ясно видна строительная техника другого времени: об этом говорит различие в формате кирпича, большая тщательность работы в более ранних нижних стенках, и, наконец, то, что верхняя сырцовая кладка шире находящейся под ней кладки из жженого кирпича и нависает над ней уступом шириной до 40 см. Это могло произойти только в том случае, когда стенка из жженого кирпича находилась уже в земле, ниже того уровня, на котором производилось строительство.

Аналогичная комбинация стенок из сырцового и жженого кирпича, (но без верхней сырцовой кладки) в виде отрезка длиной 193 см, обнаружена также в раскопе V.

Нижняя сырцовая кладка возведена непосредственно, без всякого промежуточного слоя, на хорошо сохранившемся полу—настиле из положенного плашмя жженого кирпича $27 \times 27 \times 3,5$ см, который по характеру очень чистой и тщательной кладки и по уровню вполне соответствует самой нижней из площадок — входов, вскрытых в раскопе перед южным порталом. Этот пол прослеживается во всей южной и центральной частях мечети, уходя с южной, восточной и западной стороны за границы наших раскопов.

В слое земли, заполняющей пространство между описанными стенками (от уровня, на котором была возведена последняя из них, спускающаяся кусочками синей штукатурки, до уровня последнего пола), встречаются куски жженого и сырцового кирпича и фрагменты посуды.

Глазурованной керамики «саманидского» типа здесь не обнаружено; в верхней части этого слоя была найдена только грубая керамика (изготовленная на гончарном круге) без поливы, а также обломки больших сосудов—хумов. Характерны небольшие фрагменты чашек с круто поднимющимися бортиками. В раскопе II, рядом с мусорной ямой, запол-

Рис. 20. Кладки из сырового и жженого кирпича между 4 и 6 полами.

ненной угольками, золой и костями с какими-то остатками органических веществ, в плотной серой глине найден большой, расколовшийся в земле на много кусков, чашевидный сосуд с плоским дном («ям», как называются подобные сосуды в современной Бухаре). Диаметр дна—41,5 см, верхний диаметр—99 см, высота—1 м.

Начиная с глубины около 3 м встречаются мелкие фрагменты посуды с красным ангобом и нанесенным на поверхность лощением. В раскопе IV обнаружен фрагмент сосуда, покрытого зеленой поливой типа, относительно редко встречающегося среди так называемой «кушанской» керамики, датируемой I—IV вв. н. э.¹ Однако характер сырцовых кладок и настилов из обожженного кирпича не позволяет отнести описанные слои к этому времени. Скорее всего мы здесь имеем дело с обломками глиняной посуды, которые попали в сырцовые кирпичи при их изготовлении, а после разрушения этих кирпичей оказались в культурном слое, значительно более позднем, чем сами черепки. Это явле-

ние, которое часто на первый взгляд производит впечатление «перемешанных наслоений», в археологии Бухарского оазиса следует признать весьма обычным. Перемешанность культурных наслоений под мечетью Магоки-Аттари совершенно исключается наличием хорошо сохранившихся многочисленных половых настилов.

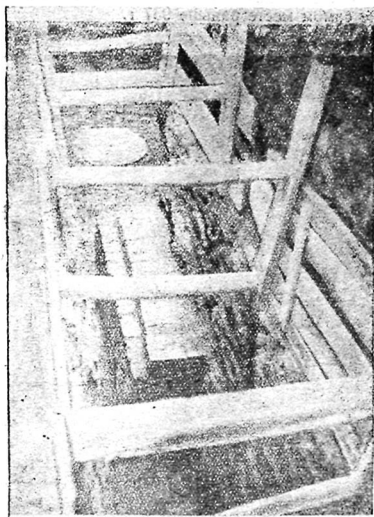

Рис. 21. Раскоп IV: видны каменный круг и кладки из сырого и обожженного кирпича на пятом полу.

На самом полу толстым слоем лежит зола с крупными кусками угля—сгоревшими балками или столбами. Нам удалось расчистить несколько кусков длиной до 1,5 м при толщине 25 см. Это обстоятельство подтверждает соответствие между этим полом и самой нижней площадкой в раскопе перед южным порталом, где поверх кирпичного настила также лежал слой золы с углями, но значительно менее толстый. Обилие углей и золы создает совершенно ясную картину происшедшего здесь в древности большого пожара, уничтожившего то строение, к которому относится половой настил. Большею, чем теперь, роль дерева в строительстве древней Бухары вызывала, как известно по «Истории Наршахи», частые пожары, опустошавшие город. Таким, например,

¹ О «кушанской» керамике см. М. И. Вязьмитина, Керамика Айртама времени кушанов, Труды АН УзССР, серия I, История, археология, Термезская археологическая экспедиция, Ташкент, 1945, стр. 35—64.

был пожар 937 г., начавшийся в северной части города, около Самаркандских ворот; он прошел через весь город до мечети Мах, которая «загорелась и вся выгорела»¹. Мечеть «горела двое суток: жители Бухары ничего не могли сделать и только с большим трудом на третий день потушили пожар; но еще в течение месяца горели балки под землей». Известие Наршахи относится, надо полагать, к значительно более позднему времени, но оно дает нам ясное представление о пожаре, происшедшем в том же самом месте раньше 937 г.

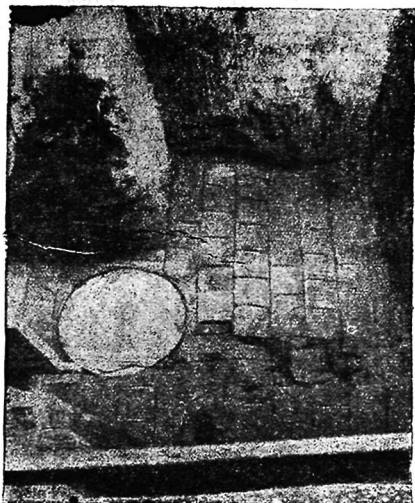

Рис. 22. Каменный круг.

Приблизительно в середине раскопа IV (на расстоянии 2 м от западной стены мечети) в полу вделан каменный круг диаметром 95 см, толщиной около 9 см, из серого рыхлого, расслаивающегося камня; в центре круга имеется небольшое круглое отверстие. Сверху этот камень был прикрыт одним рядом жженого кирпича. Назначение камня не выяснено; возможно, что он служил в свое время базой деревянной колонны, хотя против этого заключения как будто говорит наличие положенного сверху обожженного кирпича.

К западу от этого круга, ближе к современной стене мечети, пол обнаруживает весьма заметную деформацию, резко опускаясь в западном направлении. Небольшой раскоп ниже пола показал, что деформация объясняется большой неоднородностью подстилающего слоя: перегиб пола

¹ Наршахи, пер. Н. Лыкошина, стр. 118—119.

произошел как раз по находящейся под ним небольшой кирпичной стенке толщиной в один кирпич и высотой в восемь рядов, причем с западной стороны от стенки обнаружен слой мелкого сыпучего песка, а с восточной—плотная утрамбованная глина. Совершенно аналогичная картина выявилась и в западной части раскопа II.

Под каменным кругом лежал один ряд жженого кирпича, а под ним—фрагмент какой-то кладки из сырцового кирпича, сохранившейся в виде довольно бесформенной массы на высоту девяти рядов. Эти фрагменты, так же как и лежащая ниже плотная глинобитная масса, не связаны с той постройкой, к которой относится кирпичный пол; а являются остатками еще более древних сооружений.

Раскопки в северной части здания (раскоп VI и северная половина раскопа VII) дают картину, значительно отличающуюся от описанных выше. Ниже того пологого настила, который можно считать фрагментом мечети X в. и поверх которого лежат куски орнаментированной алебастровой штукатурки, на глубине 175—178 см от пола современной мечети, в западной половине раскопа, обнаружен еще один пологий настил, не имеющий аналогий в прежде описанных раскопах. В слое относительно мягкой земли между этими полами встречаются черепки «саманидского» типа. Ниже мы этого типа керамики уже не находили, встречались только небольшие осколки крупных сосудов (хумов).

На глубине 254—259 см снова пол из кирпичных плиток $27 \times 21 \times 3$ см. С западной стороны этот пол уходит под стену современного здания; длина площадки в открытой части—2 м. Восточный край площадки переходит в опускающиеся вниз ступеньки из жженого кирпича, по видимому, многократно переделывавшиеся. Эти ступеньки ведут к кирпичному настилу, представляющему собой площадку размером 1,8 м (С—Ю) на 2,4 м (З—В), замкнутую со всех сторон: с севера—стеной из сырцового кирпича, с востока—из жженого кирпича различных размеров, с юга—сырцовой (нижние ряды) и кирпичной (вверху) кладкой фундамента под колонну здания X в. С трех сторон края этой площадки повышены как бы ступенькой, сложенной из такого же жженого кирпича (вернее—его обломков), возвышающейся на 10—12 см над полом. Все это сооружение носит печать спешной и грубой работы, как бы временного приспособления для какой-то цели уже существовавшего помещения.

Глубже, на расстоянии 4,26 м по вертикали от современного уровня мечети, вскрыт пол, аналогичный тому пятому сверху полу, который, как указано выше, прослеживается во всей центральной и южной частях мечети. Здесь тот же формат кирпича ($23 \times 23 \times 3$ см) и та же тщательная, аккуратная работа. Несмотря на то, что в этом месте пол оказался ниже на целый метр, после его расчистки не оставалось сомнений в принадлежности площадок одному и тому же сооружению. К сожалению, чисто технические причины (невозможность разборки массивной кирпичной кладки фундамента колонны здания IX—X вв., расположенного между устоями современного здания) не позволили проследить, как соединялись между собою эти две одновременные, но находившиеся на разных уровнях площадки и установить их взаимную связь.

На 0,6 м ниже обнаружена еще одна площадка, выложенная поставленными на ребро половинками обожженного кирпича ($24 \times 12 \times 3$ см).

Выложена она узором в средней части «в елку», по краям—«в шашку» и образует прямоугольную площадку, три стороны которой (восточная, южная и западная) сохранились, северная же разрушена.

Рис. 23 Раскоп VII; пол на глуб. 2,51 м. в северной части здания.

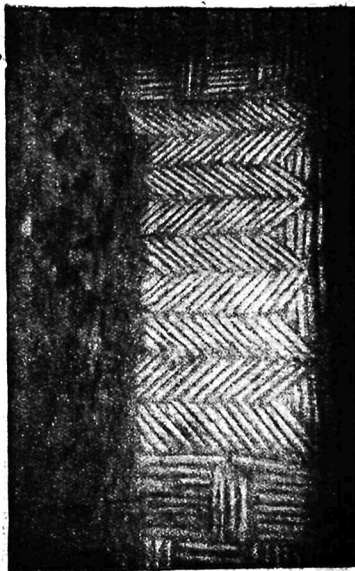

Рис. 24. Кирпичный настил в раскопе VII,

Длина площадки (З—В)—265 см, ширина в сохранившейся части—114 см. Кладка прекрасной сохранности, она производит впечатление только что сделанной, незаметно никаких следов потертости. Интересны некоторые технические подробности; кирпич для получения половинок очень тщательно распилен пилой, следы которой ясно заметны; кладка выполнена не на глиняном растворе, как обычно,—швы между кирпичами заполнены чистым мелким песком.

Слой между полом, находящимся выше, и этим последним, состоит из мягкой земли с примесью остатков каких-то органических веществ, с некоторым количеством мелких осколков от больших хумов. На глубину 0,9 м от последней площадки идет плотная земля, в которой встречаются черепки (такие же, как и выше), угольки и зола. Почти непосредственно под площадкой найден прекрасно сохранившийся и совершенно целый горшок из плотной огнеупорной сероватой глины, с плоским дном и слегка отогнутым наружу профилированным венчиком. На одной стороне, под венчиком, имеются два налета в виде плоских маленьких кружочков (рис. 25).

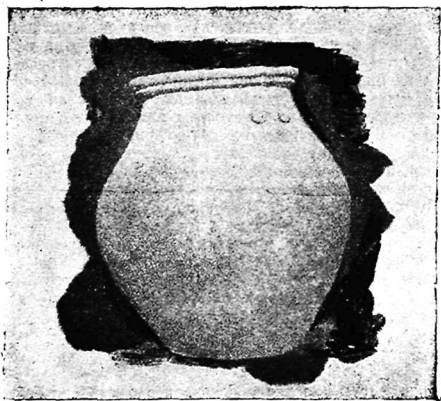

Рис. 25. Горшок из раскопа VII.

Ниже площадки раскоп пришлось вести в тесном шурфе. Целью этой работы было выяснение всей толщии культурных наслоений. Ниже последнего упомянутого слоя идет более плотная глина, в которой черепки встречаются редко и только в очень мелких осколках, а затем—на глубину до 6,6 м от уровня верхнего пола мечети,—очень твердая сбитая глина. Этот слой глины подстилается прослойкой из чистого мелко-го песка толщиной около 60 см. В песке нет никаких культурных остатков; лишь в самом низу, на уплотненном слое земли, подстилающем песчаную прослойку, на глубине 7,25 м, вновь встретились незначительные черепки грубой посуды, сделанной на гончарном круге. Здесь же

найдена примитивно и грубо сделанная небольшая глиняная головка с поднимающимися прямо вверх в виде гребеночки волосами. Слой глины, находящийся ниже этого уровня, содержит в своей верхней части также черепки, угольки и прочие признаки культурного слоя, но, начиная с глубины 7,6 м, они уже перестали встречаться, грунт стал влажным, комковатым. Раскоп доведен до глубины 8,12 м.

Другой глубинный шурф для выяснения общей картины культурных наслоений на месте мечети Магоки-Аттари был заложен нами в раскопе I, против южного входа в мечеть.

Под последним в этом месте полом (находящимся на глубине 3,25 м) — небольшой слой глины, служивший постельным швом под настил пола. Ниже — в южном обрезе шурфа — остатки сырцовых стен из очень крупного кирпича ($43 \times 32 \times 10$ см), сохранившейся на пять рядов кладки. В остальной части шурфа залегает рыхлый глинистый слой, переходящий затем, на глубине 3,7 м, в плотную глину со следами примешанного к ней самана; повидимому, это остатки разрушившейся сырцовой или глинобитной стены. В северной части раскопа в этот глиняный слой вклинивается линза чистого мелкого серого песка до 54 см толщиной.

Начиная с глубины 3,8 и до 4,4 м идет мягкий глинистый слой с редкими вкраплениями костей, угольков и черепков — мелких обломков хумов. На глубине 4,4 м лежит вторая прослойка песка толщиной от 25 до 9 см, под ним — мягкая глинистая земля почти без культурных остатков, а на глубине 4,65 м снова начинается песчаный слой мощностью в 0,8 м. Под песком — очень плотная утрамбованная глиняная площадка, на которой найдено несколько мелких черепков от хумов. Плотная глина с малым количеством культурных остатков, заключающихся в костях и угольках, доходит до уровня 6,15 м, под ней — четвертая прослойка песка толщиной в среднем около 65 см. Ниже — земля с большим количеством очень размельченных черепков от больших сосудов, угольков и костей. На уровне 7,3 м земля становится постепенно все более влажной, переходя в жидкую грязь. В самом нижнем из пройденных нами слоев культурных остатков не встречено; последний черепок найден на глубине 7,5 м. Характер грунта ниже этого слоя, его комковатость и слоистость, следы растительных остатков — корни, стеблей и т. д., заставляют предполагать, что это материковый слой.

* * *

1. Раскопки впервые наглядно показали чрезвычайно большую мощность культурных наслоений под современной поверхностью древнего города. Установленная нами общая толщина этих наслоений, считая от уровня современного сквера, прилегающего к мечети, равняется почти 13 м. Если же принять во внимание, что район мечети Магоки-Аттари, несмотря на значительную, как показали наши работы, древность застройки, находится вне «шахристана» — древнейшей, первоначальной части города, следует предположить, что там, в «шахристане», весьма заметно возвышающемся над более молодыми частями города, мощность культурных наслоений окажется еще более внушительной.

Оказавшийся в нашем распоряжении скудный археологический материал, добытый из нижних слоев, не дает возможности более или менее точно установить дату нижних наслоений. Все же можно полагать, что

найденные остатки керамики относятся во всяком случае ко времени не позднее первых столетий н. э. Тот факт, что значительное количество фрагментов, которые могут быть уверенно датированы кушанским временем, как, например, черепки с красным ангобом и следами лощения, фрагмент с красным лако-глазурным покрытием, напоминающим античную керамику типа «terra sigillata» и описанный выше черепок с зеленой поливой встречаются в более поздних слоях, не противоречит сказанному. Эти черепки не могли быть принесены издалека, а находились, несомненно, в земле поблизости к месту, где возводился здания. Следует обратить внимание на то, что в нижних слоях земли, которые залегают между песчаными прослойками, нет сколько-нибудь ясных следов построек. Загадочным остается происхождение самих песчаных прослоек. Разрешить этот вопрос можно будет только при расширении раскопок за пределы мечети, когда определится площадь распространения песка. Отметим, однако, что найденный в раскопе серый и очень мелкий песок похож больше всего на тот, который скапливается в канавах, выведенных из Зеравшана, и в виде валов на их берегах. Поэтому нам кажется вероятным предположение, что песчаные прослойки имеют водное происхождение и образовались как отложения проходившего в этом месте оросительного канала, который на протяжении двух тысячелетий мог много раз изменить свое русло¹. Этот канал мог соответствовать современному магистральному каналу Шахруд, носившему в древности название Руди-Зар («Золотой поток»), и протекающему недалеко от мечети Магоки-Аттари, к югу от нее. Другие возможные предположения, например, об оловом или искусственном происхождении этих прослоек, менее вероятны.

Самые нижние следы построек встречены на глубине около 9,5 м от современного уровня. Это — разрозненные фрагменты кладок из сырцового кирпича, не дающие никакой возможности представить себе характер зданий, существовавших на этом уровне. Эти древнейшие строительные фрагменты лежат почти непосредственно под остатками того сооружения, к которому относится пол из кирпичных плиток, вскрытый на глубине 3,25 м от современного пола мечети.

Для определения даты самых нижних построек, так же как и нижних культурных наслоений вообще, у нас нет достаточных данных. Встреченные здесь незначительные осколки глиняной грубой посуды (вся сделана на гончарном круге) слишком малы и невыразительны.

Трудна также датировка того сооружения, с которым был связан нижний пол из кирпичных плиток. Руководствуясь теми, еще далеко недостаточными знаниями, которыми мы располагаем в отношении употребления в древнем строительстве Средней Азии обожженного кирпича, мы не должны относить эту постройку к очень далекому времени. С другой стороны, необходимо учесть, что между этим полом и полом здания с фрагментами резного стукко, которое не может быть моложе X в., имеются остатки разновременных построек, возводившихся одна на месте другой, числом не менее трех, что также должно было бы занять весьма значительное время. Отнеся сооружение нижнего здания с полом из жженого кирпича к IX в. (более ранняя дата вряд ли возможна), мы должны будем признать, что все эти промежуточные постройки из относительно мелкого сырцового и частично жженого кирпи-

¹ По рассказам бухарских стариков, такие изменения русла Шахруда происходили еще в недавнее время. Песчаные прослойки могут соответствовать или дну канала, или его берегам, где скапливается песок, выбрасываемый при очистке русла; последнее более вероятно.

ча, носили временный характер, и время их существования в общей сложности немногим превышало одно столетие.

Раскопки позволяют сделать ряд выводов относительно местности, в которой расположена мечеть Магоки-Аттари, и истории самого этого сооружения.

Можно считать установленным с полной несомненностью, что Бухара — древний город, возникновение которого относится ко времени никак не позднее начала н. э. Дошедшая до нас версия «Истории Бухары» Мухаммеда Наршахи, со ссылкой на труд Абул-Хасана Абдуллахмана Нишабури — «Хазанину-улум», приводит сообщение о том, что на месте современной Бухары была некогда болотистая низина, занесенная впоследствии наносами «Реки Согда» (Зеравшана), что после этого люди стали переселяться сюда «со всех сторон» и местность была населена. Далее следует рассказ о том, как правителем своим они избрали Абура, отождествленного С. П. Толстовым с тюркским царевичем Або, восставшим, по китайским известиям, против кагана¹, о подавлении восстания Кара-Чурип-тюрком, пославшим против повстанцев своего сына Шири-Кишвара, и о казни Або-Абура. Именно этому Шири-Кишвару приписывается основание города Бухары и ряда селений: Маста, Сукмита, Сумитан и Фараб (в переводе Н. С. Лыкошина — Мамастин, Сакматин, Самтин и Фараб)².

Здесь есть, как правильно показал С. П. Толстов, отражение действительного исторического события, являющегося отголоском той напряженной исторической обстановки, которая создалась в период разложения рабовладельческих и зарождения феодальных отношений. Вполне доказана, как кажется, историчность действующих лиц: Або-Абура, Карачурина и Шири-Кишвара.

Но, как и во всякой легенде, здесь смешаны события разных эпох. Основание городов и селений, упоминаемых в цитированном отрывке «Тарихи-Наршахи», никак не может быть отнесено ко времени Абура и Шири-Кишвара, живших в VI в. н. э.

Верна в рассказе Абул-Хасана Нишабури и общая картина образования поверхности Бухарского оазиса, аллювиального происхождения его лёссовидных верхних наслоений. Но этот процесс геологического образования долины Зеравшана должен быть отнесен, конечно, к гораздо более раннему времени, во всяком случае, на несколько тысячелетий до тех времен, о которых повествуется в «Тарихи-Наршахи». Это неопровержимо доказывают уже значительные теперь археологические материалы, полученные в разных местах Бухарского оазиса. В частности, об этом же гораздо более раннем появлении города Бухары говорит и археологический материал, полученный при раскопках в мечети Магоки-Аттари. Поэтому явной ошибкой авторов вышедшей в 1949 г. книжки «Бухара» Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпелья является утверждение, основанное на некритическом использовании текста «Тарихи-Наршахи», что «Бухара возникла в эпоху кризиса рабовладельческой системы» и что город «был основан предводителем тюркских племен Шири-Кишваром после подавления им в Пайкенде (главном до того городе низовьев Зеравшана) движения бедных и низших сословий»³.

¹ Древний Хорезм, М., 1948, стр. 248 и сл.

² «Тарихи-Наршахи», Каган, 1901, стр. 6—8, Мухаммад Наршахи, История Бухары, перев. Н. С. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 11—13.

³ Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, Бухара (Таджикистан), Москва, 1949, стр. 5—6.

2. На месте мечети, несомненно, существовали более древние постройки, определить характер которых ввиду чрезвычайно незначительных их остатков мы не в состоянии. Все же вполне возможным представляется отождествление места, где в настоящее время стоит мечеть Магоки-Аттари, с тем, где была одна из двух мечетей Мах, о которой повествует «Тарихи-Наршахи». До постройки этой мечети здесь «на равнине, на берегу реки» (читай — «канала»), в тени деревьев, два раза в год происходил торг идолами, на котором присутствовал и сам царь, сидевший на троне в том самом месте, «где теперь находится мечеть Мах». По преданию, передаваемому Абул-Хасаном Нашабури, этот базар был основан еще неким царем Махом.¹

Царь Мах — личность несомненно мифическая. А. Кристенсен по этому поводу справедливо замечает, что имя царя было придумано позднее для объяснения сделавшегося непонятым в X в. древнего названия.² По сообщению Якута (начало XIII в.), Мах превращается уже в зороастрийца, принявшего ислам и перестроившего свой дом в мечеть.³ Привлекая к решению вопроса сведения о календаре согдийцев, сообщаемые ал-Бируни, мы должны придти к выводу, что Мах (таджикское *ма*⁴ — «луна») есть имя божества луны — одного из тридцати гениев, которым были посвящены дни месяца. Описываемый Наршахи базар идолов происходил именно в те дни, покровителем которых считался Мах: в 13 день третьего и в 13 же день четвертого согдийского месяца.⁵ Не исключена возможность, что культ Маха сочетался каким-то образом с распространившимся в кушанское время буддизмом, о характере и особенностях которого в Средней Азии мы ничего не знаем. В связи с этим очень интересно известно, что в Балхе был также храм, называвшийся храмом Мах. Балхский храм, называвшийся иначе «нау-бехар», в чем мы можем видеть буддийский термин «вихара» — буддийский монастырь⁶, по мнению В. В. Бартольда, «был именно буддийским храмом, а не зороастрийской святыней, как утверждают тенденциозные персидские известия»⁷.

В отношении бухарской мечети Мах мы имеем вполне определенное свидетельство Наршахи, что она была построена на месте храма огня (оташхона). Возможно, что те незначительные остатки сырцовых сооружений, которые обнаружены ниже пятого сверху пола, могут считаться фрагментами существовавшего здесь зороастрийского святилища. Более точные данные можно было бы получить только при расширении археологических работ как в самой мечети, так и около ее стен снаружи.

Впрочем, как нам кажется, не исключена возможность и того, что нижний (пятый) пол был связан также еще с доисламским культовым сооружением: зороастрийским святилищем (оташхона) или буддийским храмом (бутхона), лишь позднее превращенным в мечеть. Хронологически это может быть подтверждено тем, что еще во времена самого Наршахи, т. е. около середины X в., базар идолов продолжал существо-

¹ Наршахи, стр. 30 — 31.

² A. Christensen, Die Moschee ماخ in Buhara, Orientalische Literaturzeitung, Februar, 1904, стр. 134—135.

³ Изд. Зюстенфельда, т. IV, стр. 380. «Человеком из огнепоклонников» называет Маха также Сам'ани (см. В. В. Бартольд, Туркестан, т. I, тексты, стр. 66).

⁴ П. И. Терх. Монеты Бухар-худатов, Труды Вост. Отдел. Р. Археол. Общ.: стр. 18; СПб., 1875—1900, стр. 67 и сл. примечание.

⁵ G. Hüsing, Zum Maib-—Tempel von Buhara, Orientalische Literaturzeitung, April 1904, стр. 134—135.

⁶ Улугбек и его время, Петроград, 1918, стр. 5 (приме.).

вать. Следовательно, новая религия, которую принесли с собой завоеватели-арабы, внедрялась достаточно медленно и борьба ее со старыми, привычными культами была трудной и носила затяжной характер, а восколение в X в. существовал торг идолами, можно вполне допустить существование в IX в. доисламских культовых построек.

3. Сохранившиеся хотя и незначительные, но весьма характерные остатки мечети X в. не вызывают сомнений ни в смысле их назначения, ни в отношении приурочения к указанному времени. Об этом достаточно наглядно говорят как конструкции здания с круглыми столбами, — оборам, так и фрагменты ступки, в особенности остатки арабской надписи. Судя по тому, как лежали обломки декорировки здания, можно предположить, что мечеть, простоявшая довольно значительное время (об этом свидетельствуют следы ремонта), обветшала и была разрушена для постройки нового здания, что, вероятно, и произошло в XII в. В это время, по свидетельству Сам'ани, рядом с мечетью Мах была населенная местность и существовал постоянный рынок, т. е. эта местность входила в состав города, составляя часть его «рабада».¹ Нам неизвестно, когда город начал расширяться в южном направлении, но включение квартала Мах в пределы города произошло, вне всякого сомнения, значительно раньше времени Сам'ани, в связи с расширением торговли и превращением первоначально культового торгового идолами в постоянное место торговой и ремесленной деятельности.

4. В XII в., как мы уже выяснили, на месте прежней мечети было возведено пышно украшенное новое здание, по плану и величине соответствующее современному. В XIV в. в этом здании производился ремонт, следы которого сохранились в майоличной рельефной надписи над аркой южного портала и в тех фрагментах расписной майолики, которые были найдены нами под полом мечети. Несмотря на это, в следующем, XV в. мечеть была заброшена и подверглась сильным разрушениям.

5. В XVI в., когда Бухара вновь стала столицей довольно значительного Шейбанидского государства, с чем было связано широко развернувшееся строительство религиозно-культовых и гражданских сооружений, освященное столетиями место, где сменялись различные культы и выполнялись обряды исторически следовавших одна за другой религий, снова привлекло внимание. Полуразрушенная мечеть Мах была вновь восстановлена по старому плану, но с новыми конструкциями перекрытий. Вследствие накопившихся к тому времени вокруг мечети культурных наслоений мечеть приняла теперь вид «подземной» и, надо полагать, именно тогда старое непонятное название было заменено новым — Магок, что значит «яма, углубление, низкое место».² Не считая некоторых более поздних ремонтов и переделок, здание в этом виде дошло до нашего времени.

¹ В. В. Бартольд, Туркестан, т. I, стр. 66.

² Наиболее раннее известное нам упоминание мечети под ее современным названием Мачити-Магок встречается в документах архива шейхов Джуйбари, относящихся к 966 и 967 г. х. (1558 и 1559 гг. н. э.). См. «Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века», М.—Л., 1938, стр. 1⁴ и 1¹⁷-4; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954, стр. 88 и 111. Мы встретили это название также в вакуфном документе 1096 г. х. (1685 г. н. э.), хранящемся в Бухарском музее. Название Магок в издании Наршахи, вышедшем под редакцией Шефера, является, несомненно, позднейшей интерполяцией.

В. А. Нильсен

МЕЧЕТЬ ДИГГАРОН В СЕЛЕНИИ ХАЗАРА (АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Мечеть Диггарон в селении Хазара обнаружена археологической экспедицией Государственного Эрмитажа и Узкомстариса, обследовавшей левую часть низовий р. Зеравшан в 1934 г.

Судя по отчету экспедиции¹ внимание ее сотрудников было сосредоточено на общем описании памятника, изучении топографии городища и подъемного керамического материала; вопросы архитектурного анализа автором отчета не затрагиваются.

В отчете впервые встречаются данные по датировке мечети. Исходя из ее топографического положения и архаического вида, А. Ю. Якубовский полагает что «в лице этой прекрасной постройки мы имеем архитектурный памятник не моложе Исмаила Саманида, а может быть и старше его».² На приложенных к отчету фотографиях и чертежах мечеть датируется VIII — IX вв.

Принятая за одну из самых ранних монументальных построек Средней Азии, мечеть стала рассматриваться в исследовательской литературе как определенная архитектурная веха на грани древних и средних веков. В последние годы во многих трудах встречаются краткие или более пространственные упоминания о ней, большей частью сравнительного характера при описании архитектурных форм, археологических предметов или отдельных архитектурных сооружений.⁴ В основе большинства подобных указаний лежит описание памятника А. Ю. Якубовским и принятая им датировка. В то же время появляются работы, вносящие новое в характеристику мечети в Хазара: М. Е. Массон относит время ее строительства ко второй половине IX — началу X вв.,⁵ В. Л. Воронина предполагает, что мечеть в Хазаре наследует формы доисламских храмов, похожих на иранские храмы огня.⁶

¹ А. Ю. Якубовский, Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину в 1934 г., Государственный Эрмитаж, Труды Отдела Востока, т. II, 1940, стр. 133—142.

² Там же, стр. 138.

³ В. Л. Воронина, К вопросу об изучении доарабского зодчества в Средней Азии, Сообщения института истории и теории архитектуры АН СССР, вып. 8, 1947, стр. 37 и след.; Г. А. Пугаченкова, Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, Труды Института истории и археологии АН УзССР, 1950, стр. 20.

⁴ В. А. Шишкин, «Курган» и мечеть Чор-Сугун в развалинах старого Термеза, Труды АН УзССР, Термезская археологическая экспедиция, т. II, 1945, стр. 105.

⁵ М. Е. Массон, Археологические исследования в Узбекистане, Сб. «Наука в Узбекистане за XV лет, Ташкент. 1939, стр. 117.

⁶ В. Л. Воронина, цит. соч., стр. 37.

В монографии Б. Н. Засыпкина дается краткое описание памятника и затрагиваются вопросы его генезиса и датировки. Приняв датой сооружения мечети первую половину IX в., Б. Н. Засыпкин объясняет появление в среднеазиатской исторической архитектуре мечетей, в основе композиции которых лежит арочно-стоечная система, возможными заимствованиями от древних церквей христиан-несториан и культовых зданий манихеев.

В развитие этой мысли предполагается, что «мечеть была переделана из здания другого назначения».¹

В 1939 г. был снова снят план мечети архитектором Т. С. Страмцовой, а в 1940 г. мечеть подверглась более серьезному архитектурно-археологическому обследованию архитектором В. Л. Ворониной и археологом С. К. Кабановым.²

В 1951 г. автор предпринял новое архитектурно-археологическое исследование мечети: был сделан разрез ее по главной оси и ряд замеров отдельных архитектурных фрагментов и деталей. Несколько археологических шурфов, заложенных внутри мечети, вскрыли структуру нижних частей здания и дали дополнительный археологический материал для уточнения времени его строительства.

Изучение подпольных пространств здания показало, что оно сохранило свои первоначальные плановые габариты, что оно строилось как мечеть с самого начала и имело такой необходимый атрибут сооружений этого рода, как михраб. Таким образом, исключается возможность предположения о перестройке его из здания другого назначения, тем более из сооружений доисламских культов.

Мечеть Хазара расположена на самом краю земледельческого оазиса. Некогда здесь находился небольшой городок, который давно перестал существовать и выглядит сейчас небольшим ожившим городищем, где имеются остатки всех необходимых элементов раннефеодального города: цитадели, шахристана и очень небольших неразвитых рабадов. Судя по незначительной толщине культурных настилов шахристана и рабадов, история этого городка была чрезвычайно кратковременна. Возник он, видимо, незадолго до сооружения мечети и вскоре, в связи с какими-то изменениями социально-политического порядка, перестал существовать.³

Внешний облик мечети чрезвычайно прост: довольно высокий куб с несколько наклонными наружными гранями стен, покрытыми остатками глино-саманных штукатурок. Вверху над ним расположена система полных куполов с возвышающимся более крупным центральным куполом, увенчанным изящным терракотовым навершием — «кубба», покрытым темнозеленой глазурью. С южной и восточной сторон к мечети примыкают поздние полуразвалившиеся деревянные айваны, не связанные со стенами мечети. Чрезвычайна простая композиция самой мечети разрешена в виде замкнутого симметричного куба с девятью куполами (рис. 1).

Внутри мечети расположены четыре мощных, круглых и приземистых колонны (диаметром 128 см), соединенных между собой и со сте-

¹ Б. Н. Засыпкин, *Архитектура Средней Азии*, М., 1948, стр. 34—37.

² Результаты исследования были опубликованы после сдачи в печать этого очерка. См. В. Воронина, *Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана*, *Архитектурное наследие*, № 3, М., 1953, стр. 107—119.

³ Детальной реконструкции городища автору произвести не удалось из-за недостатка времени. Поверхностный обзор подъемной керамики не обнаружил явно выраженных типов древнее VIII—X вв.

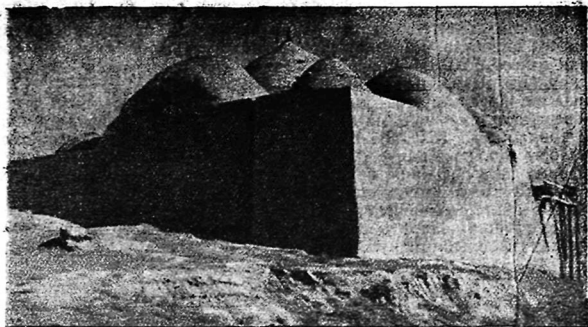

Рис. 1. Общий вид мечети с северо-запада.

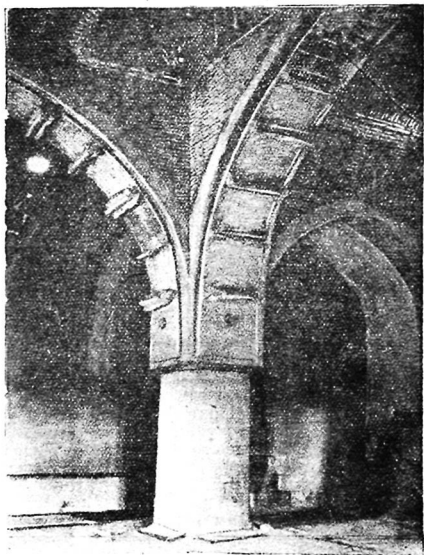

Рис. 2. Внутренний вид мечети (Фото Управления по делам архитектуры при Совете Министров УССР).

нами мечети массивными стрельчатыми арками (рис. 2). Арки и несущие их колонны делят квадрат плана на девять частей, не нарушая внутреннего единства. Расположены колонны таким образом, что средние арки имеют больший пролет (5,40 м); чем достигается выделение более крупного центрального ядра всей композиции.

Средние арки, несущие большой купол, обработаны в своих щековых поверхностях своеобразными ребрами, которым в профиле придана форма трилистника (рис. 3). В углах над квадратом арок расположились угловые арочные паруса, но четкого парусного яруса, обычно имеющего форму восьмигранной призмы, здесь нет. Благодаря этому нижние части купола имеют несколько приплюснутую неправильную форму.

Малые арки, соединяющие колонны со стенами, образуют в углах здания небольшие квадраты со стороной, равной пролету арок — 3,14 м, перекрытые небольшими куполами. Свесы куполов в углах поддержи-

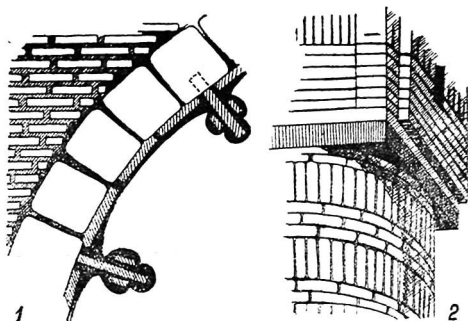

Рис. 3. Деталь большой арки внутри мечети и структура пяти арки и колонны.

1—конструкция архивольты и фестонов. 2—деталь паты арки и верха колонны.

ваются небольшими ячеистыми сталактитами, образованными напуском горизонтальных рядов кирпичей по пяти рядов в каждом ярусе. В средних частях мечети малые арки образовали прямоугольники, перекрываемые сводом «балхи», причем для уменьшения большого пролета этого свода под ним по узкой стороне расположены консольные кирпичные выступы—кронштейны. Эти кронштейны, помимо конструктивного назначения, играют видную роль в архитектурном разрешении интерьера.

Вообще мечеть, кроме названных выше фестончатых ребер, не имеет элементов декоративного характера и представляет собой памятник, где конструкции ничем не прикрашены и являются главным компонентом общей композиции. Конструктивное назначение имеют и угловые сталактитовые паруса — древнейший прием ячеистых сталактитов. Древнейшим видом сталактитов являются и упомянутые кронштейны, располагаемые по узкой стороне сводов «балхи».

Жженный кирпич в мечети Диггарон применен для наиболее ответственных частей сооружения — для перекрытия и колонн. Стены выложены из сырцового кирпича и, как правильно подметил А. Ю. Якубовский (и подтвердило наше обследование), «нет никаких признаков, на

основе которых можно было бы сказать, что они подобно Рабат- и Малику были облицованы жженым кирпичом».¹

Забота о полноценности конструктивного решения в этом памятнике заметна не только в крупных и легко обозримых частях сооружения, но и в методе кладки отдельных элементов и в наличии некоторых конструктивных деталей, совершенно скрытых от глаз.

Метод кладки массивных круглых колонн основан на чередовании кирпича, поставленного на ребро, с тремя рядами кладки обычными горизонтальными слоями. Этим достигалась, с одной стороны, хорошая фактура наружной поверхности колонны, с другой — наиболее полноценная структура массива колонны (рис. 3,2).

Мощные несущие арки выложены методом прямых отрезков и отражают дальнейший шаг в развитии древних местных традиций в кладке сводов и арок.

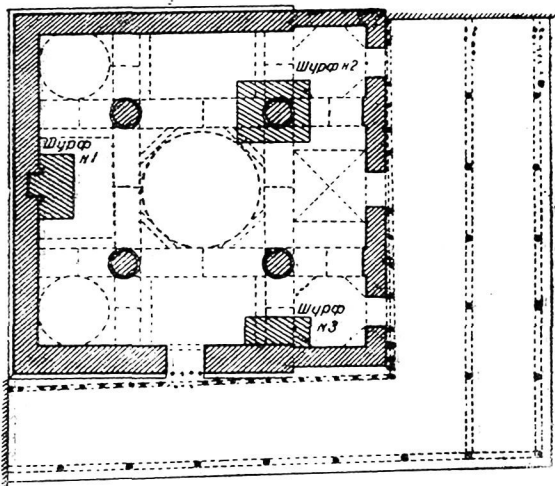

Рис. 4. План мечети с нанесением раскопов.

Чрезвычайно продуманно осуществлена конструкция опоры массивных арок из жженого кирпича на сырцовые стены мечети. Пята арки здесь не опирается непосредственно на стену: под ней находится «башмак» из жженого кирпича, благодаря которому расширяется площадь опоры арки и исключается возможность прорезания его сырцовой стены. При ширине пяты арки 127 — 128 см (равной диаметру колонны) ширина дополнительной подбалки — «башмака» равна 180 см. Кроме того, они не смыкаются, между ними оставлен зазор в 17 см. По высоте над полом мечети зазор соответствует деревянной прокладке между пятой

¹ А. Ю. Якубовский, цит., соч.; стр. 137.

арок и кирпичными колоннами. Несомненно, что и паз на стене между «башмаком» и пятой арки был заполнен деревянным брусом, служившим мягкой прокладкой, амортизирующей давление от арки.

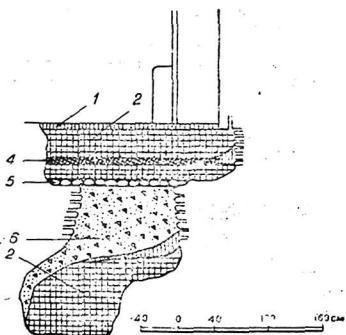

Рис. 5. Раскоп у михраба (шурф № 1). Стратиграфический разрез В-3.

1—рыхлый поверхностный слой; 2—слой из обломков сырцового кирпича и земли; 4—древний глино-саманный пол мечети; 5—булыжная выстилка на глине; 6—песок с мелкой галькой.

кирпича и земли с небольшим количеством кусков жженого кирпича и алебастрового раствора. Каких-либо прослоек в самой массе, на основании которых можно судить о периодах роста наслоений, заметить не удалось. Более плотный слой из обломков сырцового кирпича и земли лежит и под полом, перекрывая прослойку из выложенного в один ряд крупного булыжника, скрепленного и выравненного глиняным раствором. После ее разборки выяснилось, что она перекрывала яму глубиной до 1,70 м с круглым входным отверстием диаметром в 90 см, обложенным сырцовым кирпичом толщиной в 7—8 см. Яма расширялась книзу, особенно в юго-западную сторону, и имела одну полукруглую в плане ступеньку. Все пространство ямы забито внизу рыхлым слоем земли с мелкими кусочками сырцового кирпича, вверху—песком с мелким гравием. Остатков какой-либо культурной деятельности человека в ней не обнаружено, и у нас нет данных, чтобы судить о ее назначении. Можно только сказать, что она была выкопана раньше, чем была воздвигнута мечеть. (рис. 5).

По характеру напластований кладок стен у михраба можно определить три строительных периода.

1. Верхний уровень соответствует глино-саманному полу. Задняя стена ниши михраба лежит на 10 см дальше современной. Нижние части обложены жженым кирпичом. Михраб затерт тонким слоем алебаstra по глино-саманной штукатурке.

2. Старый глино-саманный пол сохраняется. Увеличивается ширина михраба путем вырубki его северной грани. Внутри мечети, вдоль ее западной стены, устраивается высокая и узкая завалинка, преследующая в основном цель предохранения сырцово́й стены от начавшегося разрушения.

3. Устройство нового, современного михраба на современном уровне пола.

Второй (самый крупный) шурф (рис. 6), сразу же вскрыл базу колонны очень хорошей сохранности (рис. 7).

В профиле базы обломы распределяются в следующей последовательности (сверху вниз): 1) несколько поджатый снизу валик, 2) продолжение ствола колонны, выходящего из-под валика, 3) конический раструб, переходящий в 4) цилиндр и 5) обтекающий по низу последнего

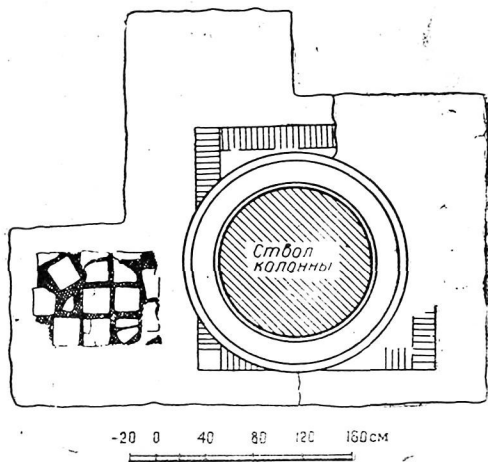

Рис. 6. План шурфа у колонны (шурф № 2).

второй, уже приплюснутый сверху, вал. Подобного типа базы у мощных, круглых, приземистых колонн в памятниках Средней Азии и сопредельных странах «мусульманского» Востока нам не известны. Но при внимательном исследовании профиля этих баз можно заметить некоторое сходство их моденатуры с древнейшими эллинистическими каменными базами колонн правобережного Тохаристана.¹ Как у тех, так и у других, имеется два вала с плавными кривыми полуокружностей, и скоцию термезских колонн заменяет в соответствии с новым более жестким и неудобным для обработки материалом—кирпичом раструбообразный коленчатый вынос. Безусловно, базы колонн в мечети в Хазаре более сухи и геометричны, элементы античной среднеазиатской архитектуры в них сильно стилизованы, но все же между ними существует явная генетическая связь.

¹ Г. А. Пугаченкова, Элементы эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана, Труды Академии Наук УзССР, Термезская археологическая экспедиция, т. II, 1945, стр. 68 и сл.

Базы колонн в Хазаре очень внушительны — их высота равна 55,5 см. Благодаря им пропорции колонн были в древности гораздо стройнее, и сама мечеть в интерьере значительно выигрышала.

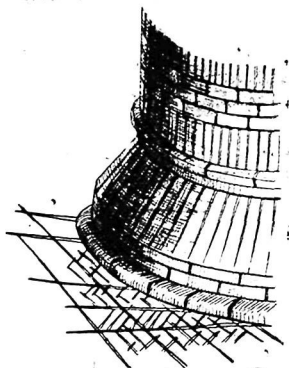

Рис. 7. База колонны.

Базы не имеют, плинта, прямоугольной плиты или какого-либо другого подобного элемента и непосредственно покоятся на полу мечети (рис. 8).

Все пространство между глиносаманным полом и современным уровнем поверхности забито (так же, как и в шурфе у михраба) однородной массой строительного мусора с большим количеством крупных кусков сырцового кирпича. Сам пол очень толстый и многослойный, видимо просуществовал долгое время. На нем лежит хорошо сохранившаяся камышовая бердана.

Колонна покоится на мощном фундаменте, почти квадратном в плане (192×205 см), выложенном из жженого кирпича размером 23×23 (22,5)×3 см. Кирпич, использовавшийся в кладке фундамента, видимо, до этого был уже в употреблении:

среди него много битого, покрытого копотью, со следами старого раствора. Фундамент заложен на глубину 155 см; никаких дополнительных мер по усилению основания под фундаментами не заметно. Верхняя часть фундамента, на глубину 90 см выложена на алебастровом растворе; нижняя — на глине.

Верхняя плоскость фундамента обрамлена рядом кирпича на ребро (так называемая «дандана»); подобный же прием кладки замечен и ниже, через три ряда от верха. Кладка фундамента неровная: в вертикальных поверхностях кирпич то выступает, то западает.

Под полом (на глубину 80 см) без какой-либо системы находятся массы рыхлой земли, битого сырцового кирпича, кусочки алебастра и медкие фрагменты жженого кирпича. В нижней части шурфа к фундаментам примыкает слой плотной земли, что дает основание говорить о возведении нижних частей фундамента путем закладки специального котлована, вырытого в габаритах будущего фундамента; кладка верхней части фундамента происходила уже в более широком котловане обычным путем.

В западной части раскопа под старым полом мечети обнаружена кирпичная кладка в три ряда из кирпича размером 22×23×3 см на глиняном растворе. Видимо, это остатки стены какой-то существовавшей до мечети постройки, относящейся, судя по размерам кирпича, к саманидскому времени, т. е. к IX—X вв.

Третий шурф по характеру стратиграфии культурных слоев обнаруживает в основном ту же картину, что и предшествующие, но дает новый материал по методу устройства фундаментов в месте опоры на стену несущих арок (рис. 9).

Фундамент состоит из трех рядов бутовой кладки из известняка на глиняном растворе и семи рядов жженого кирпича. Кирпичная кладка

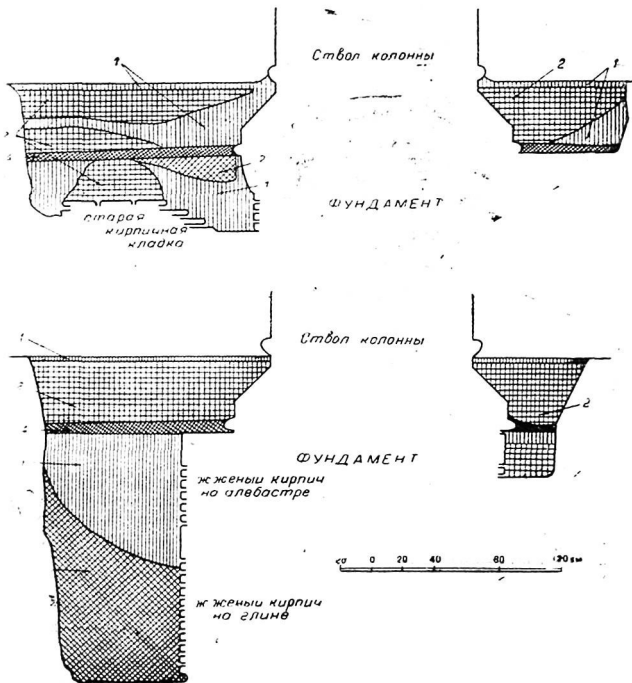

Рис. 8. Раскоп у колонны. Стратиграфические разрезы С—Ю и В—З

1—слабый поверхностный слой, 2—слой из обломков сырцового кирпича и земли, 3—древний глиносазаный пол мечети, 4—плотная земля.

на три ряда возвышалась над уровнем пола в виде цоколя, предохраняя сырцовые стены.

Выше кирпичной кладки цоколя расположена ремонтная облицовочная кладка двух типов.

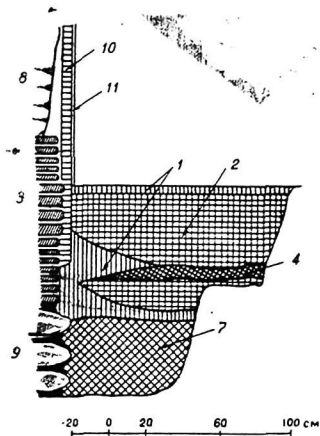

Рис. 9—Шурф № 3 у южной стены. Стратиграфический разрез С—Ю:

1—рыхлый поверхностный слой. 2—слой из обломков сырцового кирпича и земли; 3—ремонтная кладка из жженого кирпича; 4—древний глино-саманный пол мечети; 7—плотная земля; 9—глино-саманная пол-штукатурка; 11—ганчевая штукатурка; 9—бутовый фундамент на глиняном растворе.

Одна из кладок, высотой в 32 см, состоит из четырех рядов крупного жженого кирпича размером $28 \times 28 \times 6$ см, на глиняном растворе. По крупным размерам кирпича, известного под названием «абдуллахани», можно предположить, что первый ремонт был осуществлен во второй половине XVI в. При втором ремонте первая кладка была доложена на высоту 25 см более мелким жженым кирпичом, стеночкой толщиной в один кирпич.

После этого ремонта стены мечети неоднократно (как и пол) покрывались глино-саманным раствором, образовавшим толстую и довольно прочную корку. Под ней продолжалось разложение нижних слоев кирпичной сырцовой кладки стен и высыпание ее частей, лежащих ближе к наружным поверхностям. Таким образом, под штукатуркой образовалась скрытая от глаз пустота.

Последний ремонт произведен сравнительно недавно, уже после повышения уровня пола до его современного положения, и заключался в покрытии нижних частей стен тонким слоем алебастра наподобие панели.

При рытье шурфов на поверхности старого пола не было найдено никаких остатков древней материальной культуры (кроме берданы).

В подпольных частях найдено небольшое количество керамики в осколках, которые могли быть занесены сюда при засыпке траншей под фундаменты. Таким образом, эта керамика не более позднего происхождения, чем мечеть и, несмотря на незначительность количества найденных фрагментов, может служить материалом для установления возраста мечети.

Обнаружено четыре вида фрагментов керамики.

1. Осколки тонкостенных сосудов без глазури. Черепок очень легкий, тонкий, несколько рыхлый, белого цвета. Такая керамика обычно датируется X в.

2. Керамика, очень распространенная в Бухарском оазисе, с голубой поливой по внутренней поверхности и темнокрасным ангобом по наружной. Черепок, тонкий, плотный, хорошего обжига. Археологические исследования на Варахше датируют эту керамику X—XI вв.

3. Осколок неполивной сосуда темносерого цвета, видимо, кувшина. Наружная поверхность покрыта неглубоким штампом, составляющим геометрический узор. Эту керамику можно датировать XI—XII вв.

4. Осколки крупной неполивной посуды — хумов и пр. Наружная поверхность фрагментов покрыта потеками черной краски. Хронологические рамки распространения этой керамики очень широки.

Археологический анализ вскрытых частей мечети, отдельные находки и общее обследование памятника так рисуют его историю.

Мечеть сооружена в XI в. н. э. Об этом говорят в первую очередь характер найденной керамики, а также крупные размеры жженого кирпича.¹ Если принять во внимание, что мечеть еще не имеет явно выраженного облика монументальных сооружений раннефеодальной времени (отсутствие пиштака, элементов коранической эпиграфики, примеров более измельченного декоративного убранства резной терракотой и облицовочным кирпичом и пр.), постройку ее можно датировать первой половиной этого века.

Приведенные А. Ю. Якубовским примеры расположения древних мечетей на территории кухендиза или на шахристане вблизи кухендиза в крупнейших среднеазиатских городах: Самарканде, Мерве, Бухаре не могут служить доказательством датировки нашего памятника VIII—IX вв. Размеры городища Хазары настолько малы (к тому же оно имело рабоды только в зачаточном состоянии), что где бы ни была построена мечеть, она должна была находиться на территории шахристана поблизости от цитадели.

До постройки мечети на ее месте существовало другое, более древнее сооружение из жженого кирпича. Построенное, судя по размеру кирпича, в «саманидское» время, на глиняном растворе, весьма непрочное, ко времени постройки мечети оно разрушилось или было разрушено. Кирпич от этой постройки, большей частью битый, использовался при кладке фундаментов нашей мечети.

Строительство мечети объясняется, видимо, некоторым экономическим подъемом в этой местности в связи с общим повышением удельного веса степи Малик в экономической и политической жизни государства. Сам городок Хазара возник незадолго до того и вскоре после постройки мечети пришел в упадок и запустение.

¹ Автор занимался исследованием монументальной архитектуры XI—XII вв., и ему удалось установить, что для жженого кирпича, применявшегося в монументальном строительстве этих веков, имеется тенденция к увеличению его размеров по сравнению с IX или X в.

Начиная примерно с конца XII — начала XIII в., мечеть находилась и функционировала на территории заброшенного городища, обслуживая в основном путников, едущих по самаркандской дороге. В этом случае мечеть, очевидно, выполняла обязанности ханако при могиле недалеко похороненного святого Авлия Деггарони или по другому имени Мавляна Арифа. Под названием «ханако» эта мечеть и в настоящее время известна среди местного населения¹.

Мечеть в Хазара, Рабат-и Малик, мавзолее Мир-Сейид-Бахром в Кермине строились в один весьма характерный промежуток времени, что наложило существенный отпечаток на их архитектуру.

Здание мечети без перестроек и других важных изменений просуществовало очень долго, вплоть до начала XX в. За это время здание только дважды капитально ремонтировалось, причем ремонты затрагивали только нижние части сырцовых стен сооружения. Наиболее крупный ремонт — облицовка низа сырцовых стен жженым кирпичом — произведен примерно в XVI в. Кроме еще одного такого же ремонта, производились только постоянные и многочисленные смазывания пола глино-саманным раствором и штукатурка сырцовых стен. Однако сырцовые стены, несмотря на ремонты, не могли долго противостоять естественному разрушению под действием большой нагрузки арок и куполов: восточная часть мечети обрушилась. При ее восстановлении строительный мусор был разровнен внутри мечети и снаружи ее вдоль восточной и южной сторон здания. При этом поднялся уровень пола, и были погребены базы колонн и даже хорошо сохранившиеся до наших дней берданы, лежавшие на старом полу.

Разрушенная часть мечети была восстановлена в старых плановых габаритах, но в новой строительной технике кладки куполов и арок. Здесь уже присутствуют подпружные арки для купола (вместо свода «балхи») и щитовидные паруса. Новые стены целиком выложены из жженого кирпича на алебастровом растворе; деревянные перемычки между дверями и окнами совершенно свежие, как будто новые.

Одновременно или вскоре после восстановления мечети к ней был пристроен двухпролетный с востока и однопролетный с юга деревянный айван очень посредственной архитектуры (рис. 10). На одной из деревянных колонн айвана имеется вырезанная дата ремонта ۱۳۲۸ سنة (т. е. 1328 г. хиджры, или 1910 г. н. э.).

В первоначальном облике мечети в Хазара перед нами встает строго центрическая арочно-стоечная композиция, без архитектурного выраженного главного фасада и построенная по одной центральной вертикальной оси. В здании эта ось подчеркнута наиболее крупным куполом; симметрично к нему по взаимно пересекающимся осям расположены своды «балхи», связанные по углам здания небольшими куполками на ячеистых парусах.

Большое сходство с мечетью Диггарон имеет открытая в 1937 г. мечеть Чор-Сутун в Термезе. Она была исследована В. А. Шишкиным во время работ Термезской комплексной экспедиции под руководством проф. М. Е. Массона в 1936—1937 гг. Так же как и мечеть Хазара, она имеет сырцовые стены и круглые столбы из жженого кирпича, по которым были перекинуты стрельчатые арки, несущие купола. Но мечеть Чор-Сутун открыта с двух сторон наподобие айвана, в то время как мечеть в Хазаре представляет собой закрытое помещение.

¹ На северной стороне к мечети примыкают остатки разрушившегося сооружения со следами узких сырцовых помещений типа худжр; необходимого элемента ханако.

Круглые внутренние колонны имела и мечеть Мах, обнаруженная В. А. Шишкиным в подпольных слоях мечети Магоки-Аттари. Известно немало других мечетей, где круглые столбы несут арки с покоящимися на них куполами. Таковы мечети VIII—XII вв. в Иране: Тари-Хана в Дамгане (775 г.) мечеть в Найине (X в.), мечеть в Демавенде (XI в.), в Исфагане (XII в.) и другие. Исследования последних лет дают обильный материал для сравнения и определения места, которое занимает мечеть Диггарон среди мечетей «колонного» типа.

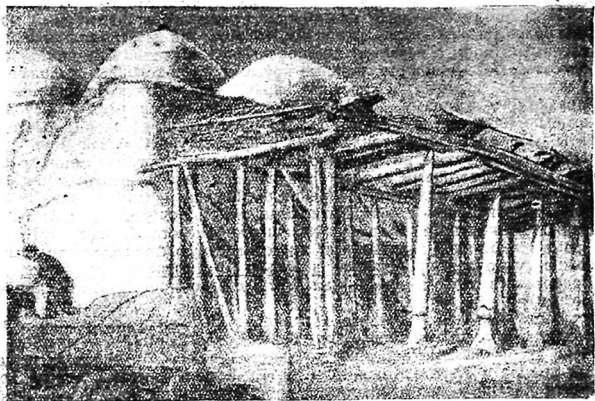

Рис. 10. Деревянный айван на южной стороне мечети.

Французский исследователь Андре Годар, занимаясь вопросом развития мечетей Ирана (для чего им было детально исследовано большое количество памятников), пришел к выводу, что занесенный вместе с исламом тип «арабской мечети», представляющий собой открытый двор с галереей на круглых столбах с арочно-купольным покрытием, как например, Тари-Хана (775 г.), в одиннадцатом веке исчезает. На смену ей приходит новый тип — открытой иранской мечети, превратившейся впоследствии, с приходом в Иран из Хорасана (куда он, очевидно, проник из Мавераннахра) медресе с его характерным планом, в большие мечети с четырьмя айванами. В начале же... «все эти сооружения, без исключения, были нечто вроде киоска или павильона, располагающие единственной сводчатой и широко открытой залой. Эта зала в мечети Нириза являлась айваном (сасанидским), в других случаях она соответствовала Аташкаде, где михраб заменял собой алтарь огня (жертвенник)»¹.

На территории Средней Азии мечети, подобные иранским, неизвестны. Зато самые ранние, местные мечети представляет собой тип

¹ Note sur d'anciennes Mosquées de l'Iran 3-й Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, М.—Л., 1939, стр. 72.

сооружения, в основе которого лежат те же принципиальные черты, что и в мечети в Хазаре. Это мечеть Чор-Сутун IX—X вв. и мечеть, находившаяся на месте Магока в X в. Мечети замкнутые, как мечеть в Хазаре, или открытые, как Чор-Сутун, но в обоих случаях имеющие идентичную тектоническую схему, не встречаются ни в Иране, ни в других местах мусульманского мира. Следовательно, мечеть цельной объемной композиции, где небольшое замкнутое внутреннее пространство организовано как одно целое арочно-стоечной системой и ограждено от окружающего внешнего пространства (частично, как Чор-Сутун или полностью, как в Хазаре) стенами — явление местное.

И действительно, если просмотрим некоторый архитектурный материал более древней эпохи, то увидим, что этот тип мечети является определенным этапом в развитии местной древней традиции монументального зодчества. Так, например, мощные круглые устой-колонны, выложенные из жженого кирпича и несущие арки, имели место в архитектуре Варахшского дворца V—VIII вв. Придание внутреннему абрису арки как бы многолопастной формы путем расчленения ее на отдельные софиты ребрами в форме трилистника в архитектуре Средней Азии (особенно Согда) также не случайно. Пример существования многолопастных арок с фестонами в виде трилистника зафиксирован в арочном завершении ниш михрабов из Мешхеда-Мисриан и из Искодара, а для более древних времен — на Баги-Шамальском очажке¹. Существенная разница между ними и арками хазаринской мечети состоит в том, что первые имеют явно выраженную многолопастную форму, что было возможно благодаря применению довольно пластичных материалов для обработки (в первом случае — алебастр, дерево — во втором и глина — в третьем).

Выполненные из жженого кирпича арки мечети в Хазаре из-за жесткости этого материала имеют более сухую форму, и внутренний их абрис скорее напоминает арки «солнечных окон» буддийских пещерных храмов в Карли, Аджанте и др. Во всяком случае в основе арок мечети Хазара и многолопастных арок упомянутых михрабов лежит одна и та же традиция, возникшая, по видимому, в Средней Азии во времена буддизма.

Михраб из Мешхеда-Мисриан большинством исследователей датируется IX—X вв.; в отношении же датировки деревянного михраба из Искодара нет единого мнения, и он датируется различно: от IX—X² до XI—XII вв.³ Наиболее объективна датировка этого михраба, выдвинутая В. Л. Ворониной, основанная на серьезном изучении памятника и стносящая михраб из Искодара к концу X—XI вв.⁴ Этот факт дополнительно подтверждает возможность датировки мечети в Хазаре началом XI в. и говорит о значительном распространении формы многолопастной арки с фестонами в виде трилистника в зодчестве Средней Азии в этот период.

Анализ развития отдельных архитектурных форм и их сочетаний, приводит к мысли, что прототип мечетей с четырьмя внутренними колоннами надо искать именно среди существовавших на территории Средней Азии памятников доарабского зодчества. Частые упоминания

¹ Г. А. Пугаченкова, цит. соч., стр. 18—19.

² Г. А. Пугаченкова, цит. соч., стр. 19.

³ Б. Н. Денике, *Архитектурный орнамент Средней Азии*, М.—Л.; 1939 г. стр. 1207.

⁴ В. Л. Воронина, *Резное дерево Зеравшанской долины*, Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции; т. I. Материалы и исследования по археологии СССР, № 15; М.—Л., 1950, стр. 219.

древних восточных авторов о приспособлении мусульманами различных храмов, особенно церквей, под мечети поддерживают предположение о том, что храмы домусульманских культов могли оказать влияние на архитектуру небольших мечетей подобного типа.

И действительно, недавно вскрытые храмовые сооружения в Пянджикенте основаны в своем решении на использовании четырех внутренних опор для поддержания перекрытия и организации внутреннего пространства здания.

Это делает понятным существование таких мечетей, как Хазара в раннее средневековье в Средней Азии и указывает на сохранение старых традиций в зодчестве только что сложившегося феодализма, традиций, переработанных в условиях нового социального строя и новой строительной техники.

С. К. Кабанов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ВЕРХНЕЙ ЧАСТИ ДОЛИНЫ КАШКА-ДАРЬИ

Верхняя часть долины Кашка-Дарья, обрамленная с севера Зеравшанским, а с юга Гиссарским хребтами, отличается обилием стекающих с гор рек и потоков, щедро орошающих обширный и цветущий Шахрисябзский оазис.

Основными водными артериями верхней части долины являются река Кашка-Дарья, собирающая снеговые воды южных склонов Зеравшанского хребта, и ее южные притоки Ак-Дарья, Танхиз-Дарья и Яккабаг-Дарья, питаемые снегами и ледниками Гиссарского хребта (рис. 1). Между этими реками протекает несколько небольших потоков, из них отметим Мумин-Абад, русло которого находится в 200—300 м от северной стены Шахрисябза. Водный баланс долины усиливают многочисленные родники. Яккабаг-Дарья вся разбирается на орошение.

Обилие и разнообразие водных источников являлось благоприятным естественным условием для развития с древнейших времен в этом районе земледелия, основанного на искусственном орошении. В нижнем течении Кашка-Дарья, в Каршинском оазисе, где воды всего бассейна собираются в одно русло, создание ирригационной системы было возможно только большим общественным коллективом, объединенным по территориальному признаку. Видимо, в низовой части долины ирригационная система создавалась уже в условиях классового рабовладельческого общества; археологическими разведками там пока не выявлены материалы древнее первых веков до н. э.¹

Здесь же, в верхней части долины Кашка-Дарья, поливное земледелие могло возникнуть на более ранних ступенях общественного развития, в условиях еще доклассового общества, так как использовать воды родников и потоков могли и небольшие родоплеменные группы.

Одной из основных задач разведочных археологических работ в верхней части долины Кашка-Дарья в 1949—1950 гг.² было выявление памятников доклассовых обществ, занимавшихся земледелием, основанном на искусственном орошении.

¹ С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе, Труды Института истории и археологии, т. II, Ташкент 1950, стр. 133.

² Археологические разведки велись с 5 по 25 августа 1949 г. и с 21 мая по 1 июля 1950 г.

В районе Шахрисябза В. Томашек локализует древнюю Наутаку¹, в которой Птоломей Лаг в 329 г. до н. э. взял в плен Бесса; в 329/328 г. до н. э. Александр Македонский зимовал в Наутаке. Если локализация Наутаки в районе Шахрисябза верна, то приведенные факты будут древнейшими в истории оазиса из засвидетельствованных письменными

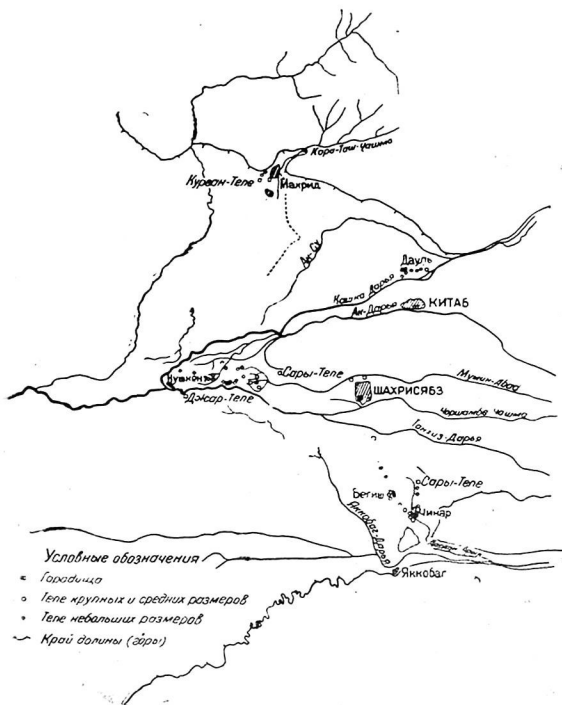

Рис. 1. Археологические памятники, обследованные в 1919 г. Схематическая карта.

источниками. В истории старшего дома Хань (206 г. до н. э.—25 г. н. э.) упоминается «малое владение» Су-Се², локализуемое в районе Шахрисябза.³ В более поздней китайской хронике—Бейши (386—618 гг. н. э.),

¹ W. Tomaschek, *Centrala siatische Studien*, Вена, 1877, стр. 183.

² Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, ч. II, М.—Л., 1950, стр. 186.

³ В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л.; 1927, стр. 7.

кроме упоминания владения Шы,¹ отождествляемого с районом Шахрисябза, даются также и некоторые сведения историко-топографического порядка. В истории династии Тан (618—907) указывается, что «владение Шы простирается на несколько тысяч ли», а также на зависимость Нашебо (современный Каршинский оазис) от владетеля Шы²: повидимому, в VII—VIII вв. владетели Шы объединили под своей властью весь бассейн Кашка-Дарья, а, быть может, и некоторые прилегающие районы. Не следует ли это известие поставить в связь с свидетельством Якуби³ о том, что Кеш некогда был столицей Согда?

В период раннего средневековья Кеш (Шахрисябз) постоянно упоминается в многочисленных летописях и описаниях географов как город и как область; сведения авторов IX—XII вв. собраны и систематизированы В. В. Бартольдом⁴. Кульминационным пунктом средневековой истории Кеша являлось время Тимура и Тимуридов (XIV—XV вв.), при которых город обогатился рядом замечательных архитектурных памятников, занимающих видное место в истории архитектуры.

Памятники архитектуры Шахрисябза и являются основным предметом археологических исследований в этом районе с семидесятых годов XIX в. — со времени посещения Шахрисябза А. А. Куном⁵, вплоть до настоящего времени. В 1942 г. в Шахрисябзе работали М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, в основном также над архитектурными памятниками, но некоторое место в их работе занимали и историко-топографические изыскания.⁶

Второй из основных задач 1949—1950 гг. было выявление и изучение памятников эпохи рабовладельческого строя и раннего феодализма.

Для удобства изложения результаты разведочных археологических работ сведены ниже в описании трех маршрутов — по западным, северным и южным окраинам шахрисябзского оазиса и в прилегающих степях и горах; историко-топографические наблюдения в Шахрисябзе и Китабе выделены в особый раздел.

МАРШРУТ В НИЗОВЬЯ РЕК ТАНХИЗ-ДАРЬЯ И ЯККАБАГ-ДАРЬЯ

Уже при первых рекогносцировках в оазисе можно было предположить связь между отдельными группами тепе и источниками орошения, именно теми из них, которые допускали возможность примитивных приемов искусственного орошения и устройство простейших ирригационных систем.

В этом отношении наиболее интересна группа тепе, расположенная в низовьях потока Мумин-Абад, протекающего почти в середине орошенного массива между Кашка-Дарьей и Танхиз-Дарьей. Поток прорыл глубокое русло и, за исключением низовой части, неудобен для орошения, так как при устройстве каналов их головные сооружения необходимо было бы закладывать далеко вверх по течению от намеченных к орошению земель, что при маловодности потока и обилии других

¹ Н. Я. Бичурин; цит. соч., стр. 274—275.

² Н. Я. Бичурин, цит. соч., стр. 316.

³ Bibliotheca Geographorum Arabicorum, VII, 299.

⁴ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб, 1900, стр. 134—135.

⁵ А. А. Кун, Очерки Шахрисябзского бекства, Записки И. Р. географического общества, по отделению этнографии, т. VI, СПб, 1880, стр. 224—228.

⁶ М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке, Труды САГУ, Новая серия, вып. 61, Гуманитарные науки, кн. 6, Археология Средней Азии, Ташкент, 1953, стр. 21—34.

источников требовало неоправданных затрат труда.

В верхней и средней частях потока отмечено только несколько развалин поселений — тепе, повидимому, относительно позднего происхождения. Совершенно иная картина в низовьях Мумин-Абада: на равнине, образующей как бы клин с острием в месте слияния Кашка-Дарьи и Танхиз-Дарьи, на площади примерно в 15 км² насчитывается свыше 20 бугров искусственного происхождения.

В шести километрах к СЗЗ от Шахрисябза, в одном километре севернее селения Кум-Кишлак, возвышается крупная искусственная насыпь, известная под названием Сары-Тепе («Желтое Тепе»).¹ Тепе находится почти на одинаковом расстоянии от Кашка-Дарьи и Танхиз-Дарьи и как бы замыкает с востока всю группу тепе низовьев Мумин-Абада. Сары-Тепе в плане почти квадратное, с размером сторон около 150 м; склоны отлогие, без признаков стен, обычно выявляющихся в приподнятости краев. На поверхности тепе в двух противоположных углах — северо-западном и юго-восточном, выделяются два крупных бугра. Все тепе покрыто степной растительностью; датируемой керамикой собрать не удалось.

С Сары-Тепе, имеющего высоту около 10 м, открывается вид на низовья Мумин-Абада; равнина усеяна тепе различной величины. Ближайшие к Сары-Тепе памятники, замыкающие группу с востока, более крупных размеров, чем стоящие в глубине перспективы; обследование показало, что они различны и в планировке.

В двух километрах западнее Сары-Тепе, отделенное от него тучными хлопковыми полями, находится Баучи-Тепе, отличающееся весьма своеобразной планировкой: у основания оно прямоугольное, вытянутое с востока на запад, с длиной сторон в 120 и 80 м. В рельефе тепе трехъярусное: высота основания три-четыре метра, восточная половина основания приподнята и образует второй ярус — возвышенную площадку; на южном конце которой находится круглый бугор — третий ярус — с диаметром верхней площадки в 12 м. Баучи-Тепе замыкает группу тепе с северо-востока. Южнее него находится вторая крупная искусственная насыпь — Каль-Тепе высотой около 15 м, почти прямоугольное у основания, с приподнятой серединой, образующей второй ярус.

Из немногочисленных крупных тепе отметим еще Бешкапа-Тепе, в плане прямоугольное, с размером сторон верхней площадки в 25 × 18 м с крутыми склонами. Бешкапа-Тепе стоит на самом краю террасы: дальше к западу местность ступенчато понижается. У основания террасы грунт влажный — даже на стерне пшеницы растет камыш. Топографические признаки тепе также изменяются: это — небольшие круглые насыпи высотой два-три, иногда четыре-пять метров, обычно с крутыми склонами, с плоской верхней поверхностью диаметром в 15—30 м. Некоторые из таких тепе сверху расчищены от травы и на них устроены токи для молотбы и навесы. В одном из тепе этого типа, которое находится на западной стороне селения Янги (10 км западнее Шахрисябза), были обследованы обнажения, образовавшиеся в результате выемки грунта для изготовления сырцового кирпича и при прокладке арыка. В выброшенном грунте был найден фрагмент сосуда из глины кирпично-красного цвета, покрытый густым, тщательно заглаженным слоем красной краски. На сферическую поверхность верхней

¹ Название отражает особенность тепе района Шахрисябза: почти все они покрыты буйной растительностью, засыхающей уже в начале лета и придающей буграм желтую окраску.

части корпуса сосуда до покрытия его краской была нанесена орнаментальная двойная полоска, вырезанная ланцетовидным острием; верхняя часть полоски состоит из двух рядов треугольников, образующих рельефную зигзагообразную круговую линию (рис. 2); нижняя часть полоски — узкий пояс, состоящий из ряда треугольных вырезов и обрамленный неглубокими ложбинками.

Рис. 2. Фрагмент окрашенной керамики из тепе близ селения Янги.

Более крупный фрагмент сосуда со сферической поверхностью верхней части корпуса и с невысоким венчиком был покрыт не красной краской, а серым ангобом; этот фрагмент дал возможность восстановить

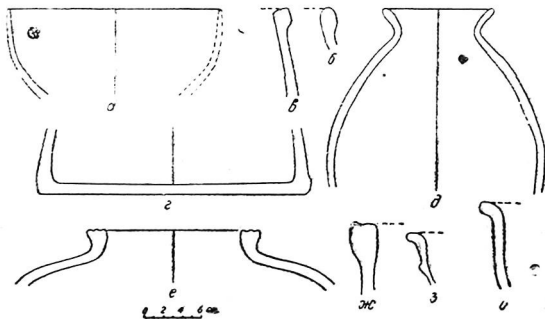

Рис. 3. Керамический комплекс Джар-Тепе:

а — фрагмент чаши. б, в, г, д — фрагменты сосудов; е — фрагмент сосуда из Янги-Тепе; ж, з, и — фрагменты сосудов.

форму верхней части сосуда (рис. 3, е) — венчик в виде подпрямоугольного в сечении валика, образованного отогнутыми краями стенок сосуда на широкой верхней поверхности валика нанесены две круговые ложбинки.

В земле, извлеченной из тепе, найдены фрагмент овальной зернотерки и несколько малохарактерных фрагментов сосудов лепной и станковой работы.

Наслоения тепе с трех сторон обнажены почти с самой вершины до основания, вследствие чего довольно полно выявляется стратиграфия памятника; обнажения сплошь состоят из плотного лёсса комковатой структуры, в котором обнаружены только небольшой фрагмент керамики, обломок кости и небольшое пятно обожженной земли.

Найденный фрагмент сосуда со сферической верхней частью корпуса и с невысоким венчиком напоминает своей формой сосулы керамического комплекса близ селения Катта-Мугаль в Фергане¹; в том же керамическом комплексе встречаются и сосуды, покрытые «оранжево-красной; густой красочной облицовкой»², как и найденный нами фрагмент с рельефным орнаментом. Комплекс из Ферганы ориентировочно датируется концом второго — началом первого тысячелетия до н. э.³ Сходство форм верхней части сосудов и способа окраски наших находок и указанного комплекса из Ферганы дают основание датировать развалины поселения у селения Янги (также весьма ориентировочно) тем же временем. Этой датировке не противоречит местоположение тепе в зоне, допускающей примитивные приемы искусственного орошения; наоборот, принадлежность этого тепе к памятникам, которые мы в дальнейшем будем называть «тепе низового типа» (так как подобные тепе наиболее часто встречаются в низовьях потоков), подтверждает приведенную датировку.

В некоторых отношениях тепе низовьев Мумин-Абада очень напоминают возвышенные площадки конусов выноса горных рек, описанные Д. Д. Букиничем: расположенные на влажной низменности, такие насыпные площадки были удобными для обработки и хранения зерна, а также и для устройства примитивных глинобитных жилищ.

Д. Д. Букинич пишет: «Если посмотреть на подробную карту Закаспийской области, то можно видеть, что вся полоса предгорий Копет-Дага, как оспой, покрыта курганами, холмами, развалинами крепостей,— особенно их много в окрестностях Каахка, Мена и Чаача, т. е. горных рек, имеющих более обширные конуса»⁴. Д. Д. Букинич предполагает, что, по крайней мере, некоторые из этих тепе представляли собою возвышенные площадки, на которых жили отдельные небольшие семьи; здесь были их жилища и здесь же они могли с относительным удобством обмолачивать и отвеивать зерно.⁵

В полутора-двух километрах западнее Янги возделанные поля, усеянные древними бутрами (рис. 4), прерываются заболоченными землями, среди которых отмечены только два бугра, имеющие форму усеченного конуса, из которых один довольно крупных размеров: высотой в восемь метров и с диаметром верхней площадки в 25 м; склоны пологие.

За полосой заболоченных земель, в районе сел. Нушкент, возле Танхиз-Дарьи, недалеко от впадения ее в Кашка-Дарью, опять появляются возделанные земли. В окрестностях Нушкента отмечен только один памятник — Тарих-Тепе, представляющий собой развалины до-

¹ Известия ГАИМК, вып. 110; Археологические работы на новостройках, т. II, М.—Л., 1935, стр. 133.

² Там же, стр. 132.

³ Там же, стр. 142.

⁴ Д. Д. Букинич, История первобытного орошаемого земледелия в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства, «Хлопковое дело», № 3—4, 1924, стр. 96.

⁵ Там же, стр. 100.

вольно крупного укрепленного поселения. Размеры его — 75 X 75 м, высота — пять-шесть метров. В обнажениях западного склона взята керамика (поливная) X—XII вв., датирующая последний период жизни поселения.

К югу от описанного района низовьев Мумин-Абада, на южном берегу Танхиз-Дарьи, находится сел. Сарай, возле западной окраины которого, на самом берегу реки и на краю надпойменной террасы, нами обнаружено полуразрушенное рекой тепе, известное под названием Джар-Тепе. Памятник, судя по сохранившейся части, был в плане удлинненно-овальной формы: в длину он вытянут вдоль берега на 50 м, ширина сохранившейся части — восемь-десять метров.

Рис. 4. Безымянное тепе в окрестностях селения Янги (характерное тепе низового типа).

В обнажении, образовавшемся в результате размыва тепе рекой, было отмечено золотое пятно с значительным содержанием керамики; при расчистке его получен относительно большой керамический комплекс. Из тонкостенной посуды наиболее часто встречались фрагменты чаш с почти вертикальными бортиками и довольно крутым изгибом стенок (рис. 3, а). Цвет черепка — кирпично-красный, обжиг хороший; стенки сосудов снаружи и внутри покрывались белым ангобом.

Из других характерных видов посуды нужно отметить крупный фрагмент узкогорлого сосуда с покатыми стенками верхней части корпуса, венчик — в виде простой отогнутости края сосуда (рис. 3, д). Подобные сосуды были найдены в комплексе тепе близ селения Катта-Мугаль¹, следовательно, наша находка тяготеет к началу тысячелетия до н. э.

Из толстостенной посуды наиболее характерны крупные широкодонные, суживающиеся кверху сосуды, завершенные прямоугольными или овальными в разрезе венчиками (рис. 3, б, в): эти сосуды, также хорошего обжига, снаружи и внутри покрывались серым ангобом.

Керамика лепной работы относительно немного: фрагменты котлов банкообразной формы, с ручками в виде выступов у самого края сосуда; в глине — большая примесь шамота.

Среди подъемной керамики, у подножия обрыва, встретились фрагменты с красным и черным лощением.

¹ Известия ГАИМК, вып. 110, Археологические работы на новостройках, т. II, стр. 143; рис. 113, фиг. 1—4.

Несмотря на значительную глубину культурного слоя Джар-Тепе—около четырех метров—этот памятник однослойный, о чем свидетельствует однородность керамики, найденной в его нижних и верхних отложениях; характер керамики позволяет датировать памятник первой половиной или серединой первого тысячелетия до н. э.

Кишлак Сарай лежит почти на половине пути из Шахрисябза в Чиракчи (22 км); дорога проложена сначала по берегу Танхиз-Дарьи, а затем—Кашка-Дарьи, что дает возможность сделать не лишнее интересное наблюдение: если в степи, питаемой водами Яккабаг-Дарьи, развалины древних поселений—тепе низового типа—относительно редки, то на краю береговой террасы, в особенности в местах, где в поймах рек имеются каирные полосы, они весьма скучены; использование слегка заболоченных каирных полос здесь, как и в Хорезме,¹ было одним из ранних этапов развития земледелия. На протяжении трех километров вдоль берега Кашка-Дарьи на краю надпойменной террасы, возле каирной полосы, мы насчитали восемь тепе; все они округлые в плане, высотой до пяти и с диаметром у основания до тридцати метров. Характерной керамики собрать не удалось.

В самом поселке Чиракчи, стоящем на южном берегу Кашка-Дарьи, повидимому, не сохранилось сколько-нибудь значительных памятников. Возле поселка находятся развалины крепости чиракчинских беков XVIII—XIX вв.; стены ее не сохранились. Окрестности поселка носят степной характер, искусственных насыпей типа тепе здесь несравненно меньше, чем в Каршинском и Шахрисябзском оазисах.

Один из наиболее интересных памятников—Чаш-Тепе, находящийся в двух километрах южнее поселка. Чаш-Тепе представляет собой бугор в виде усеченного конуса высотой около 16 и с диаметром у основания около 40 м. Склоны, за исключением относительно пологого южного, крутые. Подъемная керамика очень скудна: взяты два фрагмента тонкостенной керамики, из них один с признаками красного лощения, а второй—покрытый черной краской.

С Чаш-Тепе открывается широкий вид на степь, по которой редко разбросаны небольшие бугры—тепе низового типа.

Из других памятников окрестностей Чиракчи можно отметить еще Турткуль, или Кыз-Тепе, находящееся в пяти километрах к северо-востоку от Джар-Кишлака. Тепе прямоугольное в плане, вытянутое по оси с севера на юг, длиной около 120 и шириной около 100 м. В середине восточной части его возвышается примерно на 12 м над окружающей местностью почти квадратная в плане, размером 40 x 35 м вышка—развалины замка. На поверхности тепе собрана поливная керамика IX—XII вв., датирующая последний период в жизни поселения. Возле тепе—еще три небольших бугра с плоскими поверхностями.

По дороге от Чиракчи до поселка при станции Яккабаг (11 км) осмотрено девять тепе; почти все они представляют собой овалы в плане бугры различной величины, среди них встречаются тепе типа «вышки с двором», т. е. овалы в плане, двухъярусные в рельефе.

Около ст. Яккабаг находится кишлак Ходжа-Ильгар, на восточной окраине которого обнаружены два бугра с отлогими склонами, отличающиеся от обычного типа тепе: оба они представляют собой округлые плоские возвышенные площадки. Большой из бугров—западный—имеет высоту около двух метров и диаметр в 25 м; у восточного, расположенного в 25 м от западного, высота около полутора метров, диаметр 15 м.

¹ Я.: Г. Гулямов, К возникновению орошения в Хорезме в свете данных археологии, Научная сессия Академии Наук УзССР 1947 г., Ташкент, 1947, стр. 397.

Никаких материалов для датировки этих бугров найти не удалось. Решить вопрос курганы это или же насыпи для зурт могут только раскопки.

Примерно в двух километрах к северу от кишлака находится довольно крупное, прямоугольное в плане, вытянутое с севера на юг тепе, имеющее размеры 200×150 и высоту пять-шесть метров.

В трех километрах от ст. Яккабаг, по направлению к Шахрисябзу (к северо-востоку), при прокладке железнодорожного полотна была срезана значительная часть небольшого тепе низового типа. В разрезе отчетливо выделяются три слоя: нижний, имеющий высоту около двух с половиной метров, состоит из плотного желтого лёсса комковатой структуры без каких-либо включений; над ним выявляется второй слой — зеленоватая полоса высотой в 50—60 см, в которой обнаружены кости и обломки малохарактерной керамики. Третий слой представляет собою рыхлый светложелтый лёсс с пятнами обожженной земли.

Стратиграфия наслоений тепе в основных чертах выявляет структуру древнего поселения: нижний слой являлся стилобатом, на котором были возведены жилые и хозяйственные постройки земледельцев; средний слой, окрашенный органическими веществами, — след пола и культурных отложений, образовавшихся в период жизни поселения; третий слой, в значительной степени уничтоженный ветрами и атмосферными осадками, представляет собой деформированные остатки разрушенных построек.

Общим, что сближает стратиграфию тепе у киш. Янг и этого полуразрушенного тепе, является наличие стилобата, состоящего из комковатого лёсса; подобная особенность в структуре развалин древних поселений выявляется и в ряде других тепе, что дает основание прийти к следующему выводу: многие из тепе низового типа являются насыпными площадками, на которых древние земледельцы возводили глинобитные хижины и обрабатывали урожай.

В каких же общественных условиях могли возникнуть эти поселения земледельцев в местностях, где природные условия допускали возможность применения простейших приемов искусственного орошения? Нами установлено, что некоторые насыпные площадки относятся к первой половине первого и даже, быть может, к концу второго тысячелетия до н. э., т. е. они возникли еще в условиях доклассового, первобытнообщинного строя, однако, на последних, наиболее высоких стадиях развития, непосредственно предшествовавших классовому, рабовладельческому строю. В это время еще не было крупных обществ, объединенных по территориальному признаку, отсутствовала и возможность использования рабского труда, поэтому земледельцы селились в местах, где можно было использовать простейшие приемы искусственного орошения. Поселения настолько невелики, что в них могли жить лишь отдельные семьи, т. е. семейные патриархальные общины; быть может, группа таких небольших поселений, находившихся в низовьях одного небольшого потока, составляла сельскую общину.

МАРШРУТ В ПРЕДГОРЬЯ ЗЕРАВШАНСКОГО ХРЕБТА

Основной массив орошенных земель Шахрисябзского оазиса лежит на южном берегу Кашка-Дарьи. На северном берегу орошенных земель мало, степные пространства, используемые под богарные посевы, к северу всхолмляются, образуя предгорья Зеравшанского кряжа, вершины которого разделяют долины Зеравшана и Кашка-Дарьи.

Северный берег Кашка-Дарьи в районе Китаба относительно пологий, с широкой — до 250 м — поймой, слегка заболоченные земли кото-

рой используются для земледелия. В древности эта широкая полоса каирных земель также использовалась для земледелия: об этом свидетельствует цепочка развалин древних поселений—семь тепе—вытянувшаяся по краю террасы вдоль северного берега Кашка-Дарьи на протяжении около двух с половиной километров, возле шоссе Китаб—Самарканд. Характерно, что там, где кончается каирная полоса, нет и развалин древних поселений.

Почти все тепе — овальной в плане формы, диаметром от 15 до 40 и высотой от трех до десяти метров. Исключением является один из бугров, расположенный примерно против середины каирной полосы: это — прямоугольник с возвышенной южной, обращенной к реке, стороной и с примыкающей к нему с востока округлой возвышенностью. В обнажении прямоугольного тепе найдена керамика — фрагменты тонкостенных сосудов станковой работы, — среди которой встретились фрагменты с красным лощением и с покрытием темнокоричневой глянцевитой краской.

Самый крупный бугор этой цепочки находится на ее восточном конце, вверх по течению реки. Тепе в плане овальной формы, без признаков стен, высота его — около десяти метров. На поверхности тепе найдены фрагменты керамики с красным лощением, с черным ангобом и с раскраской темнокоричневыми мазками.

Находки фрагментов тонкостенной керамики дают возможность установить, что последним периодом в жизни двух поселений были века, лежащие на грани нашего летоисчисления (все другие тепе этой группы не дали характерного материала).

В десяти километрах к северу от Кашка-Дарьи находится кишлак Кайнар. Как было известно из статьи Г. В. Парфенова,¹ а также из рассказов местных жителей, в окрестностях кишлака в горах находятся пещеры, которые, возможно, были местом обитания первобытного человека. К западу от кишлака Кайнар лежит небольшое селение Суюк-Булак; в трех километрах от него на отвесном северном склоне горы Курган-Тау, у истока крупного сая, находятся пещеры Етты-Кыз (Семь дев). Две из них расположены возле начала сая на расстоянии пяти-шести метров одна от другой; третья находится примерно в 100 м западнее.

Сай приводит прямо к средней пещере; никакой площадки перед ней, как и перед двумя другими, нет. Средняя пещера в виде широкой расселины в скале, шириной у устья шесть с половиной метров и высотой около 12 м, в плане имеет вид буквы «Г» с закруглением вниз в верхнем конце и уходит в скалу на глубину 20 м. В глубинной части расселины образуется к западу коленчатый изгиб длиной около десяти метров, имеющий в конце площадку округлой формы диаметром около шести метров, к которой едва проникает свет. Пол пещеры — покатый, с подъемом внутрь, состоит из глинистого грунта с примесью гуано. Пещеры используются пастухами, вследствие чего на земле — следы кострищ, стены в значительной части закопчены.

У входа в середине пещеры — следы шурфа размером 140 × 120 см, засыпанного, но с осевшей землей, вследствие чего верхняя часть в стенках шурфа обнажена, и в ней обнаруживается глинистый грунт с тонкой прослойкой угля и золы несомненно недавнего происхождения.

Вторая пещера вдвое выше первой, но неглубокая, со сходящимися в виде клина стенами вверху и в глубине. Весь пол покрыт толстым слоем гуано.

¹ Г. В. Парфенов, Некоторые данные о древних периодах истории Кашка-Дарьинской области, «Кашка-Дарьинская Правда», № 196 (327) от 14 окт. 1944 г.

Третья пещера, находящаяся поодаль — к западу, представляет собой расщелину в вертикальной скале и имеет округлое сверху устье шириною в пять метров и высоту около 15 м. Сразу же у входа пещера образует коленчатый изгиб к западу, затем второй к югу — внутрь горы; здесь она представляет собой длинный, постепенно сужающийся коридор, прослеженный на 30 м; каменные стены и потолок пещеры местами закопчены, пол — сплошное гуано. Каких-либо следов росписей или наскальных изображений обнаружить не удалось.

Для решения вопроса о том, являлись ли пещеры Етты-Кыз местом обитания первобытного человека, необходимы раскопки; мы никаких признаков жизни здесь человека в древнейшие времена не установили.

Кроме пещер Етты-Кыз, в окрестностях Кайнара известна еще одна пещера — Кырк-Кыз («Сорок дев»). Мы направились на поиски этой пещеры на следующий день по прибытии в Кайнар. В предгорном кишлаке Кудук, находящемся в трех-четырех километрах к востоку от Кайнара, удалось найти проводника, с которым был совершен довольно тяжелый трехчасовой подъем на гору высотой около 1900 м над уровнем моря; отсюда хорошо виден перевал Тахта-Карача, находящийся в пяти километрах к северо-западу. Вершина горы оказалась обширной бугристой местностью с альпийскими лугами; все это урочище называется «Кырк-Кыз». На самом высоком бугре сделана небольшая насыпь из камней (рис. 5), довольно крупных, перенесенных на высшую

Рис. 5. Насыпь (курган?) из камня в окрестностях селения Кайнар.

точку горы с ее края, находящегося в 200 м; каждый блок должны были нести три-четыре человека. Промежутки между камнями засыпаны землей, из которой выбивается буйная растительность. Первоначальные очертания бугра искажены, так как он подвергался частичной разборке на окружающие его погребения позднейшего происхождения; возможно, однако, установить, что в плане он круглый, имеет диаметр основания около 15 м и высоту три метра. Возле вершины насыпи один из продолговатых камней поставлен на торец вертикально, для чего нижний конец его зажат между крупными камнями. Насыпь из камня, видимо, является памятником — курганным погребением. Памятники этого вида, известные под названием «муг-таш», выявлены в горах бассейна Ангре-

на и ориентировочно датированы М. Е. Массоном первыми веками н. э.¹

Описанный курган, как утверждал проводник, и называется «Кырк-Кыз»; пещера («гар») с таким названием или была ему неизвестна, или же находилась в труднодоступном месте и он не желал себя затруднять, чтобы вести нас к ней. Впрочем, нужно отметить, что у орошенных жителей Кайнара мы не получили сведений о пещере Кырк-Кыз, тогда как описанный выше бугор из каменных блоков всем хорошо известен под этим же названием.

Из Кайнара маршрут был продолжен на запад — вдоль обрывистой южной стороны горы Курган-Тау; длина этой горы около семи километров. Между нею и следующей горой — Паязлык — проложена через перевал дорога в верхнюю часть долины потока Караташ-Чашма. Между названными горами обнаружена насыпь из камней в виде вала высотой около одного метра, обрамляющего площадку размером 6 × 6 м. Окрестное население считает этот памятник могилой «святого» Тамчи-Ата, по имени которого назван все урочище.

Рис. 6. Безымянное тене близ селения Хасан-Тепе.

В северо-западной части Курган-Тау, по имеющимся сведениям, находится пещера Тамчи. Найти проводника к ней не удалось, без проводника же идти на поиски этой пещеры нам не советовали, так как она находится в безводной местности в малозаметной складке горы. Нам сказали, что пещера Тамчи меньше, чем средняя пещера Етты-Кыз.

С перевала открывается вид на небольшую долину. В центре ее находится живописное селение Хасан-Тепе, возле которого издали заметно несколько памятников. Наиболее крупный из них носит название Ойнаны-Тепе. Это — естественный бугор высотой около 20, длиной 80—90 и шириной около 50 м, вытянутый с востока на запад. Признаков стен не отмечено. В обнажениях собрана поливная керамика IX—XII вв., последнего периода в жизни селения.

¹ М. Е. М а с с о н. Ашангера. Археологическо-географический очерк; Ташкент, 1953, стр. 16—17.

К северу от Ойнаны-Тепе находится конусообразный бугор (рис. 6) высотой около 12 м; диаметр бугра у основания 30 м, диаметр верхней площадки — 10 м. Тепе явно искусственного происхождения: у основания видны глинобитные блоки размером 50×50 см. Керамика очень скудная, датировке не поддается; можно отметить фрагмент тонкостенного сосуда станковой работы, покрытого красным ангобом.

В 250 м к юго-востоку находится второе тепе того же типа, расположенное в низине; если первое тепе очень скудно кермическим материалом, то на этом, втором, почти сплошь покрытым дерновым слоем, собрать керамики совсем не удалось.

Вниз по течению Караташ-Чашма в долине встречается много бугров различных размеров и планировки, но, видимо, большая их часть — естественного происхождения: в ряде обследованных бугров культурных отложений не найдено. Только в четырех километрах от Хасан-Тепе, около колхоза Кызыл-Юлдуз, встретилось тепе (рис. 7), в котором обнаружены кладка из блоков пахсы и пятно обожженной земли, что указывает на искусственное происхождение бугра; датированной керамики и здесь не встретилось.

Рис. 7. Белаянское тепе в долине потока Караташ-Чашма.

Дельта потока Караташ-Чашма образует отдельный оазис, вдающийся расширенной частью в степную равнину. В настоящее время в оазисе расположено довольно крупное селение Макрид (в 15 км к северо-западу от пос. Китаб), площадь орошенных земель которого равна примерно шести-семи км². Все памятники конуса выноса Караташ-Чашма расположены в западной части оазиса: здесь обнаружены два крупных памятника — Курган-Тепе и Турткуль-Тепе, одно тепе типа вышки с двором и одна возвышенная площадка с неровной поверхностью длиной 40 и шириной 15 м.

Турткуль-Тепе, находящееся на западной окраине кишлака Макрид, представляет собой в плане неправильный прямоугольник размером 120×100 м, с холмом в середине и с отлогими с трех сторон (кроме северной) склонами. Поверхность тепе неровная, признаков стен нет. Из обнажения на крутой северной стороне извлечены фрагменты

поливной керамики IX—X вв., на поверхности найден фрагмент с белой саманидской поливой.

Эти находки дают возможность установить, что последним периодом в жизни поселения, развалинами которого является Турткуль-Тепе, были IX—X вв.

Наиболее значительным памятником оазиса является Курган-Тепе, расположенное на западной окраине дельты. Внешне это—прямоугольник длиной около 400 и шириной свыше 200 м, вытянутый с севера на юг. Центральной частью городища является прямоугольный бугор высотой около 12, длиной 110 и шириной 75 м, с крутыми склонами, представляющий, повидимому, развалины замка. В середине бугра заметна приподнятость овальной формы, вытянутая вдоль прямоугольного основания—с севера на юг. Центральный бугор с трех сторон (кроме восточной) окружен расплывшимся валом шириной до 80 и высотой в пять-шесть метров, прорезанным в юго-западной части арыком позднейшего происхождения.

На поверхности Курган-Тепе собрано небольшое количество керамики, которая не могла дать оснований для датировки памятника: можно было только с уверенностью сказать, что Курган-Тепе—памятник дофеодалного времени. Встретились фрагменты хума без венчика, только намеченного неглубокой ложбинкой, два фрагмента с глянцевитой поверхностью, из них один—доньшко сосуда (диаметр 2,8 см) с невысоким плоским поддоном.

Вне основной части городища, возле южной стороны внешнего вала, возвышается бугор, имеющий особое название—«Хауз-Тепе», хотя, несомненно, он является составной, более поздней, частью городища. Конструктивные элементы сооружения в этой части городища выявлены с наибольшей четкостью, поэтому здесь и были произведены небольшие разведочные раскопки с целью получения датирующего материала и выявления структуры здания.

Хауз-Тепе (рис. 8), отличается правильностью своих очертаний: в плане квадратное, с крутыми склонами, придающими ему вид усеченной четырехгранной пирамиды. Высота его около десяти метров, размер верхней площадки— 54×54 м.

Верхняя поверхность бугра не плоская, как обычно, а в виде впадины, окруженной расплывшимся валом высотой в три метра. Создается впечатление, что верхняя площадка является как бы водоемом, приподнятым над окружающей местностью на семь метров. Народная фантазия и наделила этот бугор названием «Хауз-Тепе», причем, по преданию, воду в этот «хауз» проводили по глиняным трубам с ближайших гор, находящихся в пяти-семи километрах.

Уже первый осмотр памятника дал основание предположить, что Хауз-Тепе является развалинами здания с двором в середине; небольшие разведочные раскопки подтвердили предположение.

Раскоп был заложен на вершине вала, окружающего впадину—«хауз», почти в середине северной стороны; после снятия тонкого поверхностного слоя был раскрыт небольшой отрезок стены, окружающей, как видно по рельефу вершины тепе, всю впадину. Наружная поверхность стены была открыта сразу, так как рыхлый лёсс легко отделялся от плотной глинобитной стены. Более трудным оказалось выявить внутреннюю поверхность: со стороны впадины к стене примыкают лёссовые заплавы различной плотности, среди которых не сразу удалось установить конструктивные элементы. Только на третий день раскопок был обнаружен угол какого-то помещения, освобожденного затем от заполнявшего его довольно рыхлого лёсса.

Помещение оказалось прямоугольным, вытянутым вдоль крепостной стены, которая и служила наружной, северной, стеной. Длина помещения — 4,74 м, ширина 2,07 м; высота сохранившейся части стены — 3,3 м. На высоте 1,90 м (от пола) на продольных стенах отчетливо выделяется узкая горизонтальная полоса, состоящая из двух рядов кладки сырцовым кирпичем размером $30 \times ? \times 10$ и $? \times 35 \times 10$ см. Нижней кладки поверхность стен строго вертикальная, заштукатуренная тонким слоем глины; выше штукатурка не сохранилась. Глинобитные стены, в кладке которых применялись и крупные блоки пахсы, выведены с наклоном внутрь помещения; последнее говорит о том, что помещение было перекрыто коробовым сводом; об этом же свидетельствуют и блоки пахсы, обнаруженные на полу помещения. Признаков окон нет, да их здесь и не могло быть, так как рельеф вала показывает, что открытое помещение было окружено стенами других помещений. Освещение, несомненно, было верхнее, через незамкнутый в какой-то части коробовый свод.

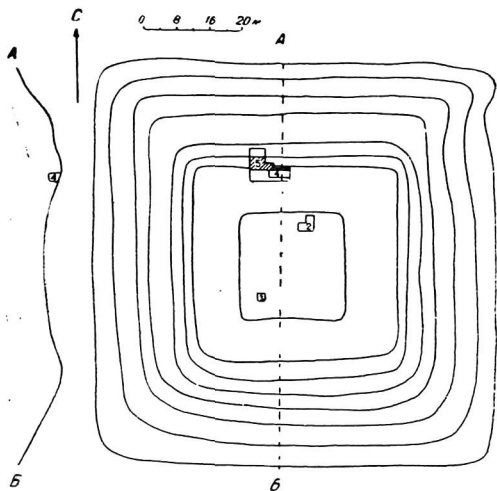

Рис. 8. План и профиль (слева) Хауз-Тепе:

1—раскоп, 2—3—шурфы, 4—помещение, 5—открытая часть стены.

Дверной проем (рис. 9), перекрытый полуциркульным сводом, сложенным из блоков пахсы (деформированный и очень плохо сохранившийся), был сделан в сторону двора к югу. Ширина проема у пола — 95 см, высота — 140 см; войти в помещение можно было только наклонившись. Проем был расчищен на 120 см в сторону двора; толщина стены помещения оказалась равной 115 см. В восточной стене около входа, у самого пола, была раскрыта и небольшая ниша (рис. 9) с полукупольным сводом.

На полу помещения обнаружено много керамики, преимущественно тонкостенной; жернов; зернотерка; четыре пряслица; металлический инструмент в виде небольшой тоши; найдены также два шестигранных камня и два фрагмента колец из меди и железа. Инвентарь помещения показывает, что это была обычная рабочая комната, где люди молотили зерно и изготовляли ткань. Здесь же, против входа, находился очаг, о чем свидетельствует закопченная в этом месте стена.

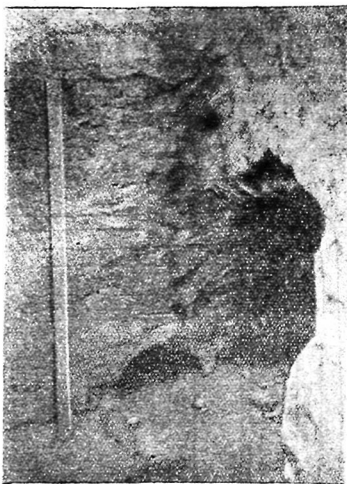

Рис. 9. Хауз-Тепе. Юго-восточный угол помещения.

Среди керамики встретились два сосуда, сходные формой и техникой изготовления, но различающиеся своими размерами (рис. 10); оба они на невысоких плоских поддонах с круто расширяющимися стенками, слегка загнутыми внутрь в верхней части. Обжиг обоих сосудов хорошего качества, до придания глине красного цвета. Внутри они покрыты темнокрасной, в местах сгустков переходящей в черный цвет краской, причем в технике нанесения краски наблюдается различие: в большем сосуде она нанесена с использованием гончарного круга, о чем свидетельствуют кольцевые полосы различной интенсивности в цвете; в меньшем сосуде краска нанесена от руки, вследствие чего образовались сгустки в виде пятен и полос черного цвета; снаружи краска нанесена полосами. Толщина стенок сосудов—0,7—0,5 см, высота—10,7 и 7,6 см, диаметр—17 и 10 см.

Третий из почти целых сосудов представляет собой небольшую чашу (рис. 11) с плоским дном, с полусферическим в нижней части корпусом, завершенным высоким фигурным бортиком, к которому прикреплен

кольцевидная ручка. Вся поверхность сосуда внутри покрыта темно-красной краской, снаружи по бортику нанесена коричневая полосока. Высота сосуда — 5,8 см, диаметр 9 см.

Очень своеобразен сосуд в виде чаши на высокой ножке (рис. 12): он весь внутри и в верхней части снаружи покрыт краской интенсивно-красного цвета. Высота — 7, диаметр 8,8 см.

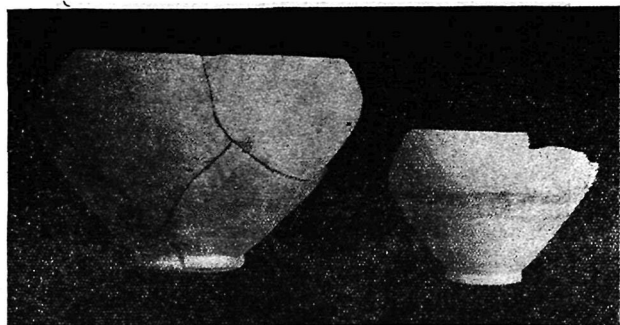

Рис. 10. Хауз-Тепе. Тонкостенные сосуды.

Из сосудов, сохранившихся в фрагментах, отметим небольшие горшкообразные (рис. 13, а), плечи которых украшались волнистой орнаментальной линией, нанесенной до обжига от руки. Характерны сосуды с загнутыми внутрь стенками верхней части (рис. 13, б). Встретившийся фрагмент кувшина дает представление об этом виде посуды: кувшин был короткогорлый, с сильно профилированным наружу венчиком (рис. 13, в) хорошего обжига, с признаками красного лощения. Признаки лощения имеются и на другом сосуде с невысоким поддоном и прямыми в нижней части стенками (рис. 13, г).

На глубине двух метров от поверхности, в лёссе, заполнявшем помещение, был найден фрагмент высокой ножки сосуда с глубоким выемом внутри (рис. 13, и) и с признаками красного лощения. На глубине одного метра обнаружен фрагмент плоскодонного сосуда с темно-голубой пятнистой поливкой на внутренней поверхности. Имея в виду, что средневековой керамики на городище не встречалось и что фрагмент найден не на поверхности, есть основания отнести его к очень редкой поливочной керамике кушанского времени.

Среди керамического материала обнаружено небольшое количество фрагментов сосудов лепной работы, повидному, только котлов (рис. 13, е ж); в глиняной массе отмечается большая примесь толченого камня.

Найдены пряслица дисковидной формы, почти плоские с обеих сторон, с отверстиями в центре (рис. 14 вверху), имеющие диаметр 5 см, 4,5 см, 4 и 3,4 см, толщину 1—1,5 см.

Все пряслица выточены из камня, керамических не встречалось.

В завале, заполнявшем помещение, были найдены два камня почти правильной шестигранной формы. На пяти гранях одного из них и

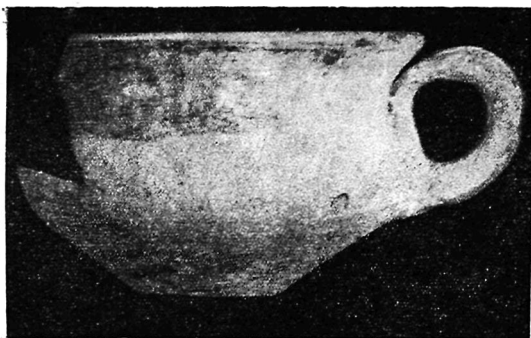

Рис. 11. Хауз-Тепе. Тонкостенный сосуд.

Рис. 12. Хауз-Тепе. Чаша.

на четырех — другого сделаны углубления, причем на двух гранях последнего они едва заметны. На каждом из камней по одной рабочей поверхности, сильно заглаженной от трения. Характерно, что на обоих камнях грани, противоположные рабочим поверхностям, не имеют признаков обработки. Из этого следует, что они применялись для растирания каких-то веществ; углубления на гранях делались для того, чтобы удобнее держать эти камни рукой.

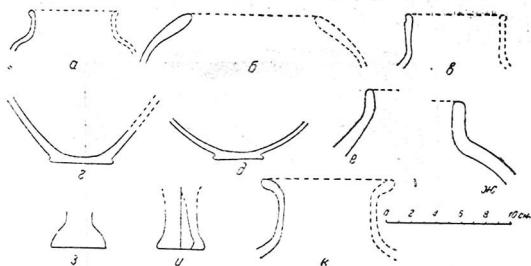

Рис. 13. Хауз-Тепе. Керамический комплекс помещения:

а, б, в, г, ж — фрагменты тонкостенных сосудов; г, ж — фрагменты сосудов лепной работы; з, и — ножки чаш; к — горлышко кувшина.

Очень интересна находка инструмента из железа: это миниатюрная теша (рис. 14, в середине), которая отличается от современной, кроме размеров, еще и тем, что она представляет собой ровную пластинку без изгиба, с почти одинаковой шириной обушка и рабочей поверхности. Длина тешы — 8,2 см, ширина острия — около 4,5 см (края слегка отбиты), ширина обушка — четыре, толщина — два сантиметра.

Из сказанного видно, что на полу помещения Хауз-Тепе был обнаружен довольно большой комплекс бытовых вещей и керамики, характеризующий до некоторой степени культуру древних обитателей поселения, однако, этот материал не дает четких признаков для точной датировки памятника. Датированным здесь может быть только керамический материал, но все его формы носят резко выраженный локальный характер, что при недостаточной изученности древней керамики района сильно затрудняет датировку. При всем этом в общей сложности все же выявляется ряд признаков, которые позволяют датировать памятник.

Поздний предел керамического комплекса определяется полным отсутствием средневекового материала; находка фрагмента поливного сосуда не может являться исключением, так как, во-первых, условия залегания исключали возможность случайного попадания его в комплекс, во-вторых, поливная керамика известна и для кушанского времени.¹ Нет оснований для датировки нашего комплекса и первыми веками н. э. Единственным предметом, который можно было отнести к этому времени, является высокая ножка кубка с признаками красного

¹ М. И. Вязьмитина, Керамика Айртама времени кушанов, Труды Академии Наук УзССР, Термезская археологическая экспедиция, т. II, 1945, стр. 43.

лощения, но она найдена не на полу, а в средних частях завала, куда могла попасть случайно во время разрушения городища Курган-Тепе, частью которого является Хауз-Тепе. На полу среди керамики, рядом с зернотеркой, найден камень ручного жернова — орудие производства, еще не встречавшееся в наслоениях рубежа нашей эры. Вместо красного и черного лощения, широко применявшегося при обработке сосудов в первых веках до и после начала н. э., здесь преимущественно применяется красный ангоб; редко встречаются сосуды красного лощения.

Приведенные наблюдения дают основание ориентировочно датировать найденный на полу помещения комплекс III—V, а вероятнее — III—IV вв. н. э.

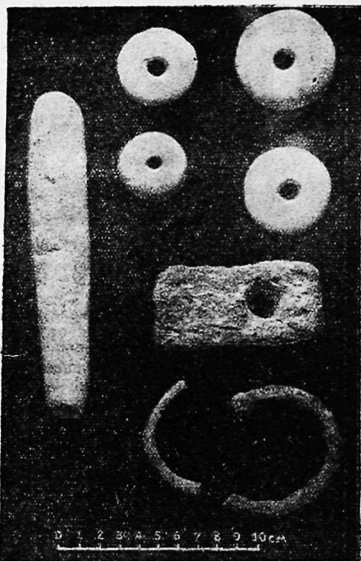

Рис. 14. Хауз-Тепе, комплекс помещений, вверху — каменные пряслица, в середине — миниатюрная геша, внизу — фрагменты изделий из железа и меди, слева — точильный камень.

Кроме описанного раскопа, в результате которого была установлена в основных чертах структура вала, окружающего впадину, было заложено еще два шурфа на дне этой впадины — один у подножья вала с северной стороны, второй — в юго-западном углу впадины (рис. 9). При работе над шурфами в обоих из них уже на глубине 90—100 см, после снятия верхнего слоя, состоявшего из рыхлого лёсса, был обнаружен пол двора, состоящий из крепко спрессованного лёсса. Плотность этого кляя настолько велика, что одному рабочему, проводившему

раскопки в квадрате площадью 2×2 м, в течение двух дней удалось углубиться только на 75 см; в отличие от верхнего наносного слоя серого цвета, в котором встретилось много керамики, в нижнем плотном слое равномерного желтого цвета никаких культурных остатков не встречалось. Поверхность пола, повидимому, была поверхностью стилобата, на котором возводилось сооружение.

В результате раскопок на Хауз-Тепе памятник определен как развалины здания замкового типа; определены в основных чертах структура здания, а также и порядок его сооружения.

Вначале была сделана плотная квадратная насыпь высотой около семи метров; почти вся верхняя поверхность этой насыпи, выровненная и утрамбованная, была окружена квадратной (с длиной стороны 54 м) глинобитной стеной, причем северный и западный края возвышенной площадки были оставлены вне стены для того, чтобы в замок можно было въезжать только через узкую наружную полосу, оставленную без ограды на северной и западной сторонах стилобата. Относительно пологий подъем на северный край тепе с востока является признаком пандуса, ведущего к входу в замок.

С внутренней стороны крепостной стены были выстроены помещения; середина окруженной стеной и постройками площадки оказалась двором замка.

Хауз-Тепе — очень интересный для будущих исследователей памятник: проведенные небольшие раскопочные работы показали, что помещения в значительной части сохранились. Известно также, где они находятся — их остатки скрыты под внутренними склонами вала, окружающего впадину. Полное вскрытие памятника позволило бы не только установить некоторые особенности архитектуры III—V вв. н. э., но также и особенности быта основных классов рабовладельческого общества и значительно обогатить сведения о материальной культуре этого времени.

Путь из селения Макрид в Китаб (15 км) лежит преимущественно по степной местности, частично по берегу бокового русла Кашка-Дарья — Ак-Су, текущего в глубоком каньоне. По степи разбросаны редкие небольшие бугры округлой формы, возможно курганы, встречаются и памятники овальные в плане, двухярусные в рельефе, типа «вышки с двором».

МАРШРУТ В РАЙОН ЯККАБАГА И ТАШ-КУРГАНА

Основной задачей нашего маршрута в район Яккабага, расположенного южнее Шахрисябза, было ознакомление с памятниками низовьев затухающего русла Яккабаг-Дарья, известного под названием Дархан-Арык.

По дороге к намеченной группе тепе, в четырех километрах от Шахрисябза, по Яккабагскому шоссе, недалеко от южного берега Танлиз-Дарья, в низовой части небольшого потока, мы осмотрели крупный памятник Паракатан-Тепе. Памятник состоит из двух частей: прямоугольной насыпи 150×110 м высотой в 8,5 м и широкого расплывшегося вала, охватывающего прямоугольник с трех сторон (кроме восточной).

Среди керамики, взятой из обнажения вала, имеются фрагмент с белой поливой IX—X вв., фрагмент крышки со штампованным орнаментом, кусок жженого кирпича толщиной в 3,5 см. Найденный материал дает основание прийти к выводу, что последним периодом в жизни поселения были IX—X вв. Типологически памятник подобен Курган-Тепе,

находящемуся близ селения Макрид; возможно, что поселение было основано в эпоху рабовладельческого строя.

Следующее по дороге довольно крупное тепе типа «вышки с двором» находится возле северной окраины усадьбы Садсовхоза (в семи километрах южнее Шахрисябза). Характерно, что такие памятники не связаны с зонами примитивного орошения: их можно встретить и среди культурных оазисов с позднейшей сложной системой ирригации, и на берегах потоков с крутыми высокими берегами, которые не позволяли провести воду для данного поселения, и на окраинах орошенных земель. Повидимому, обитатели этих селений были мало связаны с поливным земледелием.

На южной окраине усадьбы совхоза, на самом краю террасы, находится ряд низких бугров с плоскими площадками. Далее к югу расстилается низменность, орошенная водами Яккабаг-Дарьи. У подножья террасы находится тепе низового типа.

На окраине кишлака Бегиш (в девяти километрах от Шахрисябза) встретился комплекс памятников, состоящий из трех бугров. Наиболее крупный из них — типа вышки с двором (высота около 15 м). Своеобразие этого памятника заключается в том, что его вышка не округлая как обычно, а прямоугольная. На поверхности поднят фрагмент с белой поливой, в обнажении верхних наслоений взяты фрагменты керамики с зеленой поливой. Эти находки позволяют датировать последний период в жизни поселения IX—X вв. В 80—100 м к юго-западу от первого находится второй памятник комплекса. Сильно разрушенный, он имел, повидимому, в плане прямоугольную форму. Третий памятник представляет собой коническую насыпь.

За кишлаком Бегиш, к востоку от шоссе, находится тепе низового типа, овальное в плане, высотой около шести метров, диаметром 25—30 м; среди малохарактерных обломков керамики встретился фрагмент, поверхность которого покрыта круглыми вдавлениями, нанесенными до обжига.

Дархан-Арык, отделяющийся от Кизыл-Дарьи в предгорьях, вначале течет по узкой долине, окаймленной с запада и востока крутыми склонами предгорной террасы. По краям террасы, вдоль долины, расположен ряд искусственных бугров, являющихся развалинами поселений. Несомненно, поселения возникли в долине в связи с тем, что она была удобной для примитивного орошения.

У входа русла в долину, возле кишлака Чннар, стоит наиболее высокий в долине Дархан-Арыка памятник, известный под названием Курган-Тепе. Тепе высотой около 12 м, квадратное в плане, с размером верхней площадки 40×40 м, отличается геометричностью построения: склоны крутые, примерно с одинаковым наклоном поверхностей; приподнятые края верхней площадки свидетельствуют о том, что здесь были стены.

С Курган-Тепе хорошо видна долина с двумя рядами бугров по краям; дальше, с окончанием предгорий, по равнине рассеяны многочисленные тепе низового типа.

К северу от Курган-Тепе, на западном краю долины, находится прямоугольный в плане, вытянутый с юга на север вдоль течения потока, бугор высотой около четырех метров, размером 60×60 м; склоны покатые, верхняя поверхность плоская, без признаков стен. В одном из обнажений, на глубине около трех метров, обнаружены зернотерка (нижний камень) овальной формы размером 32×19 см и небольшой комплекс керамики. Из керамики наиболее характерен фрагмент тонкостенной чаши, подобный найденным на Джар-Тепе, но с более закруг-

ленным перегибом корпуса. Можно отметить также фрагмент банкообразного сосуда с сильно профилированным наружу венчиком и сосуда из светложелтой глины, без ангоба, но со следами заглаживания наружной поверхности твердым предметом. Все эти находки представляют собою фрагменты сосудов станковой работы. Встречались и небольшие фрагменты сосудов лепной работы.

Дальше к северу, на краю террасы — подобный же бугор, но значительно длиннее описанного.

На восточной стороне долины край террасы более пересечен, бугрист; видны многочисленные тепе: Удалось обследовать только наиболее крупный памятник этой стороны — Сары-Тепе, находящийся на самом конце долины, при выходе ее из предгорий. В своих очертаниях Сары-Тепе — прямоугольное, вытянутое с востока на запад, с размером сторон 150 и 120 м. Памятник состоит из двух основных частей — из центрального холма высотой около восьми метров (вышки) и вала, облегающего вышку со всех сторон и прерывающегося у юго-восточного угла.

На Сары-Тепе взят небольшой комплекс керамики, в котором встретилось несколько фрагментов поливной керамики IX—X вв. и один фрагмент тонкостенной чаши с красным ангобом, относящийся к более раннему времени — повидимому, к V веку.

Обследованием в районе Дархан-Арыка выявлен новый тип памятников, отличающийся от тепе низового типа более крупными размерами и прямоугольным планом. Для определения их места в истории развития общества, как и для периодизации низовых тепе, необходимы дальнейшие исследования с применением раскопок.

В самом поселке Яккабаг (15 км к югу от Шахрисябза) и в его ближайших окрестностях не удалось обнаружить сколько-нибудь значительных памятников. Возле поселка находятся развалины двух крепостей XVIII—XIX вв.: одна на северном берегу р. Кызыл-Дарья (немного ниже поселка Яккабаг Кызыл-Дарья разделяется на два русла, из которых северное получает название Яккабаг-Дарья), вторая — на южном; по преданию, крепости принадлежали двум враждовавшим бекам.

На северозападной окраине поселка обследованы три небольших бугра, в обнажениях которых культурных наслоений не отмечено. На восточной окраине осмотрены два тепе, не давшие характерного материала.

Из Яккабага предполагался рекогносцировочный маршрут в горы Гиссарского хребта с целью осмотра так называемой «Тамерлановой пещеры»: имелись сведения, что в ней можно ожидать находки предметов, относящихся к каменному веку — палеолиту или неолиту. Названный маршрут удалось осуществить в 1951 г.¹ При разработке маршрута к «Тамерлановой пещере» нами руководило желание не только осмотреть этот памятник, но также и ознакомиться с памятниками горной долины, через которую лежал путь; нас прежде всего интересовал вопрос, не являются ли горные долины одним из очагов возникновения примитивных видов искусственного орошения.

Дорога из Яккабага в кишлак Таш-Курган, близ которого находится пещера, все время ведет по берегам реки Кызыл-Дарья. Первая часть дороги длиной около 30 км — от Яккабага до селения Татары, проходит по предгорной местности. По дороге встречаются редкие искусственные насыпи, иногда округлые в плане, в виде курганов. Из памятников наиболее характерны развалины поселения, находящиеся у восточной окраины селения Туран (12 км к востоку от Яккабага), на

¹ В полевых работах 1951 г. принимал участие коллектор С. С. Елохин.

краю надпойменной террасы. Поселение 100×70 м, прямоугольное в плане, вытянутое с севера на юг. В южной половине городища — два бугра, из которых больший имеет высоту девять метров. Взят комплекс керамики. Памятник относится к эпохе рабовладельческого общества.

Селение Татары стоит у самого подножья гор, замыкающих горизонт Шахрисябза с юга. За ним начинается вторая часть дороги, идущая по горной местности, до кишлака Таш-Курган, расположенного в 25 км от селения Татары. На протяжении первых десяти километров дорога проложена по склонам гор, в глубокой теснине, на дне которой находится русло реки Кызыл-Дарья; течение ее очень быстрое, местами образуются водопады. Поток прорезает наружную горную грядку, за которой долина начинает постепенно расширяться; появляются вначале небольшие участки, годные для земледелия, а затем, под Таш-Курганом, и большие поля под богатыми посевами.

Высота местности определяет особенности климата: если внизу, в селении Татары уже жнут пшеницу и ячмень, то здесь хлеба еще зеленые; в середине июля прошел сильный дождь. Как говорят местные жители, здесь летом дожди нередки, тогда как в долине их почти никогда в это время не бывает.

Тепе, обычные в долине, здесь не замечены, расспросы о них дали отрицательный результат: они здесь неизвестны. В окрестностях Таш-Кургана нам встретился только один небольшой бугор типа кургана.

Эти наблюдения дают основание прийти к выводу, что горные долины не являются местностями, в которых зародилось искусственное орошение: дожди летом здесь не редкость, пересеченный рельеф местности сильно затрудняет создание систем искусственного орошения.

Третий участок пути — от Таш-Кургана к пещере, лежит по теснине южного притока Кызыл-Дарьи Кахля-Су («горная вода»). Пещера находится в восьми километрах к юго-востоку по прямой, но для того, чтобы дойти до нее, нужно совершить двенадцатикилометровый путь в горах. Таким образом пещера находится примерно в 65 км от Яккабага, к ЮВВ от него.

Теснина небольшой реки (или потока) Кахля-Су типична для этих мест. Она представляет собою каньон. На дне теснины извиляется чистый холодный поток, обрамленный с обеих сторон крутыми каменистыми склонами, поросшими арчей и кустарниковой растительностью. Над склонами вздымаются на высоту до 300 м вертикальные обнажения слоистых каменных пород.

«Пещера Тамерлана», известная у местного населения под названием Кала-и-Широн, находится у основания каменной стены, обрамляющей теснину с востока (рис. 15), на высоте около 2500 м над уровнем моря; спуск к потоку, длиной около 250 м довольно крутой, весь покрыт каменными осыпями.

Оказалось, что здесь не одна, а две пещеры, северная и южная, — соединенные проходом. Вход в первую из них — северную (рис. 16), имеет ширину 16,6, высоту 10 — 12 м. В 12 м от входа пещера резко сужается и образует дугообразный коридор длиной в 220 м, выводящий к устью южной пещеры. В южной пещере берет начало второй коридор — ведущий вглубь горы: этот второй коридор был прослежен нами на протяжении около 250 м (дальнейшее продвижение вглубь горы пришлось прекратить ввиду ненадежности имевшихся у нас средств освещения).

Оба коридора, в особенности второй, сырые; во втором, ведущем вглубь горы, местами из потолка просачивается вода; пол каменистый; стены неровные. Следы наскальных изображений не отмечены. Ника-

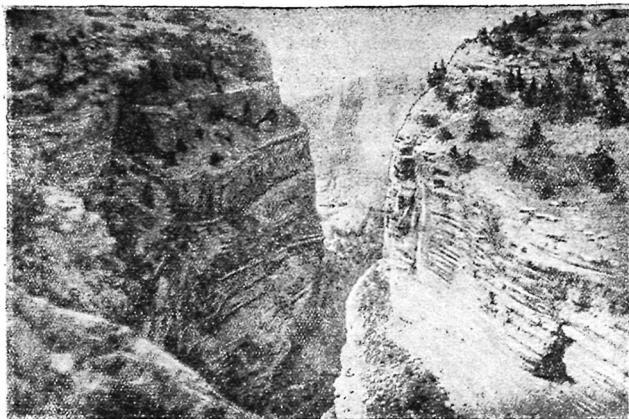

Рис. 15. Каньон р. Кахля-Су; в центре (показана стрелкой)—северная пещера.

Рис. 16. Общий вид северной пещеры.

ких признаков обитания человека в коридорах нами не обнаружено, за исключением полусгнивших дров, разбросанных по полу, да копоты на стенах.

Трудно предположить, чтобы древний человек мог поселиться в глубине пещер. Наиболее удобным местом обитания его могли быть устья пещер, поэтому имевшееся в нашем распоряжении время (3—4 часа) мы в основном использовали для обследования этой части пещер. Естественная поверхность пола пещер имела довольно крутой наклон, что создавало неудобство для обитания человека. Поэтому жителями пещер у входа в каждую из них были выстроены стены (подпорные барьеры) высотой в два-четыре метра; высота стены определялась рельефом поверхности склона. Промежуток между подпорными барьерами и глубинной частью устья пещер был заполнен камнем и землей, в результате чего образовались горизонтальные площадки шириной 12 м в северной пещере и 8 м — в южной. Таким образом в устьях пещер был насыпан искусственный пол. Никаких следов обработки стен или потолка в пещерах не отмечено.

Подпорные барьеры, посредством которых сооружены горизонтальные площадки, сложены из крупных каменных блоков. В северной пещере барьер представляет собой ровную вертикальную стенку (рис. 17),

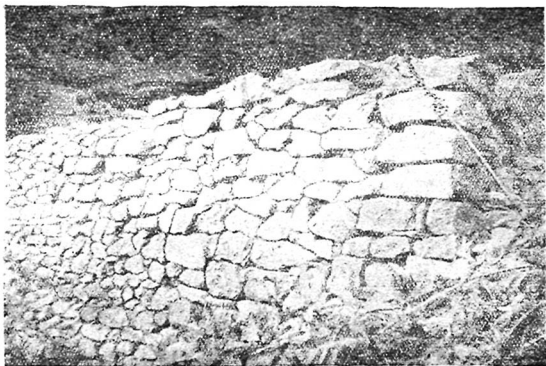

Рис. 17. Каменная кладка подпорного барьера северной пещеры.

не доведенную до южной стены пещеры на 2,5 м—до пандуса, ведущего наверх, на горизонтальную площадку. Камни ровными плоскостями обращены наружу, отдельные плиты по возможности близко пригнаны одна к другой, промежутки заполнены глиняным раствором. Местами для скрепления между камнями вставлены деревянные балки, сейчас уже полусгнившие.

В южной пещере конструкция подпорной стены несколько сложнее описанной: здесь на наружной поверхности ее выделяется башенный выступ (рис. 18). Кроме того, оказалось, что стена с башенным выступом, современная стене северной пещеры, закрывает собой более древнюю стену, перед которой она была построена. Незакрытой осталась

только небольшая часть древней стены, при осмотре которой выяснилось, что кладка сложена сравнительно неровно, в ней нет деревянных связей, раствор отличается большой примесью песка.

На наружной поверхности позднейшей стены сохранились остатки алебастровой штукатурки.

В пещерах собрана подъемная керамика: один из фрагментов возможно датировать IX—X вв., два фрагмента сосудов лепной работы (в глине примесь дресвы) датировке не поддаются. В северной пещере обнаружен завал гумуса, в котором найден фрагмент керамики темно-голубой поливы XVIII—XIX вв.

Рис. 18. Каменная кладка подпорого барьера южной пещеры.

Мы искали в пещерах признаков культуры каменного века, однако поиски в этом направлении были безуспешными. Перед пещерами — у подножия подпорожных стенок, обнаружен скалистый грунт без культурного слоя; далее — вниз по склону — осыпь из крупных камней. В самих пещерах древний пол засыпан при сооружении горизонтальных площадок, поэтому без раскопок не являлось возможным установить был ли здесь древний культурный слой, или же он отсутствовал.

Нет признаков, которые свидетельствовали бы и о том, что пещеры были приспособлены под жилье ранее эпохи средневековья. Видимо, эти пещеры, находящиеся в глухой горной местности, в некоторые периоды истории средневековья служили временным жильем для групп лиц, скрывавшихся от властей или терпевших неудачу в феодальных распрях. Местное предание связывает эти пещеры с именем Тимура:

рассказывают, что он здесь скрывался со своими приверженцами в молодости, когда был разбойником, и когда обстоятельства заставляли его скрываться; с этим же преданием связывается и название пещеры — «Кала-и-широн» («Крепость львов»).

В июле 1952 г. автору этих строк опять довелось осмотреть «пещеры Тамерлана», совместно с И. М. Недбай и А. А. Абдулгафуровым.

К пещере на этот раз вышли с юга — с верховой части долины реки Кяхля-Су — со стороны селения Дуқан-Хона. Южную пещеру я едва узнал, так как зимою рухнула часть естественного свода и обломки скалистой породы покрыли всю горизонтальную площадку пещеры. Подпорный барьер с башенным выступом примерно на половину разрушен; остатки более старой стены засыпаны цементом.

Был до конца прослежен коридор, ведущий вглубь горы от южной пещеры. В конце его, на расстоянии 450 м от входа, оказался грот диаметром около 25 м, пол которого весь загроможден крупными камнями, отпавшими от потолка: В стенах грота на различных уровнях были обнаружены ниши различной глубины, заканчивающиеся глухими стенами. Среди местного населения существует рассказ, зафиксированный и в литературе,¹ что от грота узкий проход ведет к подземному озеру. Мы такого прохода не обнаружили. Вряд ли он был закрыт обвалом. Вернее, что подземное озеро — создание народной фантазии. Уместно отметить, что альпинисты, осмотревшие пещеру в 1913 г., озера не упоминают.²

В глубине пещеры, на расстоянии около 300 м от входа, нами были подняты кости, определенные специалистом палеозоологом, как «кости мелкой формы быка», которые мог занести в пещеру только человек.³ Судя по сохранности костей, они занесены в пещеру, быть может, несколько сотен лет тому назад, во всяком случае, не в глубокой древности.

Гиссарский хребет известен в средневековых источниках как горы Сиям или Сиам.⁴ Эти горы упоминаются в связи с крупным народным движением VIII в. н. э. — восстанием Мукаллы или «людей в белых одеждах», направленным против арабских завоевателей.⁵ Одним из эпизодов этого восстания была многолетняя оборона Мукаллы в горах Сиам, причем источники указывают, что в этих горах существовали внутренняя и внешняя крепости Мукаллы. Что представляла собой внутренняя крепость и находилась ли она в горных долинах, осмотренных нами, или же в соседних — этого нельзя сказать до сплошного обследования всех долин горных рек, несущих с юга свои воды в Кашка-Дарью. Внешней же крепостью, как уже и теперь ясно, являлась одна из этих долин, так как каждая из них могла быть неприступной твердыней, с водой и с посевами, в которой можно было защищаться много лет; это была естественная крепость.

В заключение описания маршрута отметим еще, что нами получены от геолога Г. Г. Грушкина сведения о наличии в бассейне Кызыл-Дарья древних рудников; в силу ряда условий мы не могли осмотреть ни одного из них.

¹ И. Кастанье, Современные успехи спелеологии и мои спелеологические поездки по Туркестану 1913 и 1914 гг., «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», т. XI, вып. 2, ч. 2, стр. 39—40, Ташкент, 1915.

² *Mitteilungen des Deutschen und Österreichischen Alpenvereins*, 1913 №14, стр. 207—208.

³ Osteологические материалы определила В. В. Щеглова, (САГУ).

⁴ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 134.

⁵ М. Наршахи, История Бухары, пер. Н. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 84—96.

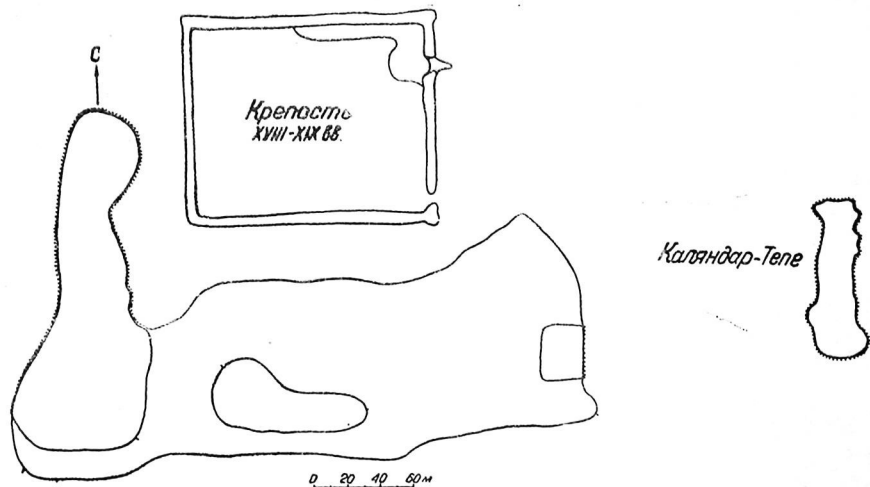

Рис. 19. Схематический план древнего городища в Kitabе.

Среди памятников Шахрисябзского оазиса выделяется своими размерами городище, находящееся на южной окраине поселка Китаб. Оно состоит из двух частей: крупного тепе высотой 15 м, известного под названием Каляндар-Тепе, и расположенных к западу от него развалин древнего города (рис. 19). Городище находится в местности, основным источником орошения которой и в настоящее время являются родниковые воды и, следовательно, возникновение города еще нельзя связывать с существованием сложной ирригационной системы: он мог возникнуть и на землях, орошенных родниковыми водами, являющимися одним из видов примитивного орошения.

Каляндар-Тепе (рис. 20) представляет собой столособразную возвышенность с обрывистыми склонами и с плоской верхней площадкой длиной 90 м шириной от 20 до 30 м. В обнажениях — лёссовые завалы с включениями органических остатков и керамики. Сырцового кирпича не отмечено.

Рис. 20. Каляндар-Тепе, вид с юго-востока.

Развалины древнего города находятся примерно в 100 м к западу от Каляндар-Тепе, которая, как надо полагать, является останцем крепости; в промежутке между тепе и городищем, почти сплошь занятом современными постройками, древних наслоений не отмечено. Городище сохранилось частично; на развалинах древнего города выстроена и крепость XVIII — XIX вв. Площадь городища (без Каляндар-Тепе) равна 7 — 7,5 га.

С восточной стороны Каляндар-Тепе интенсивно разбирается населением поселка для изготовления кирпича. В образовавшихся выбросах обнаружено большое количество керамики, сильно раздробленной. При отборе ее, во избежание случайных примесей, пришлось ограничиться только тонкостенной посудой, как наиболее характерной.

Собранный материал был разделен на две группы — на керамику с лощением и без лощения. Керамика, различная по способу обработки поверхностей, различна и формами сосудов, которые возможно было восстановить только частично, исходя из имеющегося в нашем распоряжении фрагментарного материала.

В комплексе с красным лощением наиболее характерными оказались сосуды — чаши или кубки на высоких ножках с глубоким выемом в нижних поверхностях (рис. 21, а, б, г, д, е). Нижняя часть корпуса —

округлой формы, с плавным переходом от ножки к корпусу (рис. 21, а, б, в). Возможно установить и некоторые особенности верхних частей сосудов: найдены фрагменты чаш с вертикальным бортиком (рис. 21, з) и фрагменты с коленчатым в срезе перегибом корпуса (рис. 21, ж). К этому же комплексу относятся сосуды с плотным темножелтым (разной интенсивности) ангобом и признаками лощения, сосуды с глянцевитым оттенком, сосуды, окрашенные красной краской, наложенной внаброс. Встречаются и фрагменты сосудов, покрытые великолепным красным лаком. При всей их размельченности находки фрагментов сосудов с красным лощением всё же возможно определить как синхроничные комплексам, обнаруженным А. И. Терножкиным на городище Афрасиаб и относимым исследователем к II—I вв. до н. э.¹

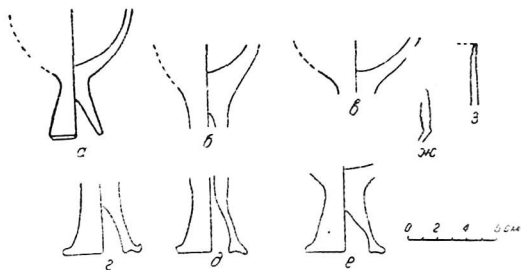

Рис. 21. Калындар-Тепе. Керамика с лощением:

а, б, в, г, д, е—фрагменты чаш или кубков на высоких ножках, ж—фрагмент чаши с коленчатым в срезе перегибом корпуса, з—фрагмент чаши с вертикальным бортиком.

Несколько иной облик керамики без красного лощения, с красным ангобом или вовсе без покрытия. В этом комплексе также встречаются сосуды на высоких ножках, однако, без выемов на нижней поверхности (рис. 22, ж), сосуды на невысоких ножках (рис. 22, з, и), и только с невысоким поддоном (рис. 22, к, л). Некоторые из подобных форм встречались в комплексе Хауз-Тепе (рис. 13), который мы ориентировочно датировали III—V вв. н. э.

Материал данного условного комплекса несколько смешанный, но все же в нем вполне определенно устанавливается наличие керамических форм, характерных для III—V вв.

Нужно отметить, что описанная керамика встречается не только в выбросах, образовавшихся в результате высема земли для приготовления кирпича, но и в обнажениях: фрагмент с красным лощением обнаружен на глубине шести метров от поверхности тепе.

Поливная керамика, найденная в верхнем слое Калындар-Тепе, имеющем толщину 1,5 м, дает основание датировать этот слой IX—X вв.

Обследование городища, находящегося возле Калындар-Тепе, показало, что его керамический материал близок древней керамике Калындар-Тепе и, следовательно, датируется тем же временем. В обнажении на глубине двух метров (средневековый слой в этой части городища отсутствует) найден крупный фрагмент чаши с коленчатым в срезе п-

¹ А. И. Терножкин, Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, Вестник древней истории, 1947, 4, стр. 129.

регибом корпуса; по фрагменту оказалось возможным частично реконструировать форму сосуда (рис. 23,б). Обнаружен примерно на той же

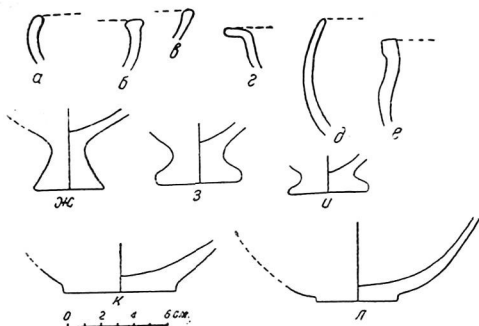

Рис. 22. Каляндар-Тепе. Керамика без лощения;

а, б, в, г—фрагменты чаш; д, е—фрагменты тонкостенных сосудов; ж, з, и—ножки чаш; к, л—фрагменты чаш с поддоном.

глубине крупный фрагмент другого сосуда, в виде неглубокой чаши с фигурными стенками (рис. 23, а); дно сосуда не сохранилось, но его

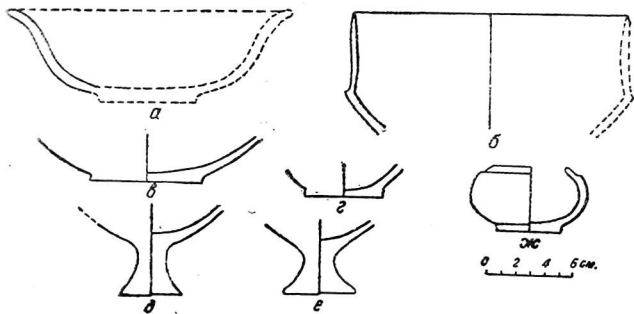

Рис. 23. Тонкостенная керамика из городища в Китабе:

а—фрагмент чаши с фигурными стенками; б—фрагмент чаши с колечатым перегибом корпуса; в—фрагмент сосуда с плоским поддоном; г, д, и—фрагменты чаш; ж—сосудик.

возможно реконструировать по фрагменту другого подобного сосуда, с невысоким плоским поддоном (рис. 23 в). Этот сосуд подобен по форме чашам-тарелкам, найденным при раскопках городищ древнего

Кобадiana,¹ но отличается от них цветом черепка; он не из серой глины, а из красной, хорошего обжига. Названные сосуды из городищ Кобадiana датируются III — I вв. до н. э.²

Поверхность фрагментов сосудов, найденных в обнажениях, окрашена красной краской. Исключением является небольшой сосуд (рис. 23 г), окрашенный внутри черной краской. В обнажении встретился почти целый небольшой сосудик (рис. 23, ж) из темножелтой глины, почти сплошь окрашенный красной краской.

В общем облике керамика городища не отличается от керамики Каляндар-Тепе; обе эти части развалин древнего города синхроничны.

Нижние слои городища датируют, по видимому, не только кера-

Рис. 24. База колонны.

мические материалы: вероятнее всего, что именно на этом городище был найден в 1906 г. клад из греко-бактрийских монет, среди которых главную массу составляли оболы, драхмы и тетрадрахмы Евкратиды³ (II в. до н. э.).

Итак, есть основание датировать находящееся в южной части поселка Kitab городище временем с III в. до н. э. и до V в. н. э.; это — развалины крупного поселения городского типа эпохи рабовладельческого общества.

На остальной территории поселка, расположенного на пересеченной местности, не обнаружено древних культурных слоев, кроме небольшого застроенного участка, к северу от вышеупомянутой поздней крепости. Бугры, на которых возведены глинобитные постройки поселка,—естест-

¹ М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадiana), Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II, М.—Л., 1953, стр. 283—284.

² Там же, стр. 286.

³ М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г., «Известия Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928, стр. 281.

венного происхождения. Наиболее древняя керамика, найденная на территории поселка (исключая описанное городище), относится к XV в.

Отдельной находкой, не связанной с культурными наслоениями, является база колонны из камня темносерого, почти черного, цвета, лежащая в северо-западной части поселка, возле Самаркандского шоссе (рис. 24). Она, повидимому, была брошена при перевозке с городища, так как на Каляндар-Тепе, в обнажении, на глубине около семи метров, видна обработанная плита из камня такого же цвета. Сохранилась ли база колонны целиком, или только ее нижняя часть—установить нельзя, так как верхний ее облом совершенно ровный. В сохранности только необработанная нижняя часть камня, квадратный плинт и круглое основание, в профиле — один валик. Длина стороны плинта — 59 см, высота 3,5 см, высота валика — 7 см.

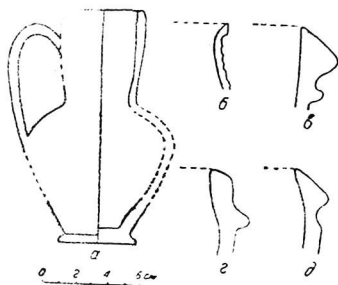

рис. 25. Керамический комплекс IX—X вв. из городища в Шахриябзе:

а—тонкостенный кубничек; б—фрагмент сосуда с ребристой наружной поверхностью; в, г, д—венчики сосудов.

Второй, хуже сохранившийся фрагмент базы из серого камня обнаружен близ развалин поздней крепости.

Наиболее крупный населенный пункт верхней части долины р. Кашка-Дарьи—гор. Шахриябз — расположен в местности, где полевное земледелие было связано с существованием сложной ирригационной системы. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова полагают, что город возник на занимаемой им ныне территории лишь после прихода монголов.¹

При обследовании территории города нельзя не обратить внимания на группу бугров, находящихся в юго-западной его части, в черте городских стен. Наиболее крупный из этих бугров имеет высоту четыре-пять метров, и в виде широкого вала (50—60 м) тянется от южной стены внутрь города на расстояние до 300 м; склоны бугра местами срывистые, подрытые выборками глины, местами пологие оплывшие. На расширенной северной части его ныне находится кладбище.

Другой бугор, расположенный к востоку, значительно выше первого (высота его около 10 м), но короче (длина—около 60 м). Третий бугор, самый меньший, находится восточнее Яккабагского шоссе. Ха-

¹ М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, ук. статья, стр. 22.

рактерна заметная пересеченность прилегающей части города, заставляющая предполагать, что современные постройки возведены на культурных отложениях.

Наиболее четко культурные наслоения выявляются с западной стороны длинного бугра, в местах выборки глины. Культурные слои очень плотные, с массой керамического материала. Для того, чтобы получить комплекс, характеризующий нижнюю культуру, было расчищено пятно органических остатков и золы (бадраб), лежащее на чистом материковом лёссе и перекрытое трехметровой толщей культурных отложений. В извлеченном материале встретились куски плохо сформованного жженого кирпича толщиной 4,5—5,5 см (в разных местах куска); длина другого фрагмента кирпича — 27 см, толщина — 4,5 см. Керамика в общем мало характерная и сильно раздробленная, почти вся — станковой работы: из всего материала удалось только приблизительно восстановить форму одного сосуда — небольшого тонкостенного кувшинчика (рис. 25, а) с широким горлом, без венчика, с плавно расширяющимся кверху объемистым корпусом, с невысоким поддоном. Ручка в сечении треугольника, изогнутая полуovalом. Черепок светлосерого цвета, пористый и рыхлый, без ангоба. Высота сосуда — 15 см, диаметр горлышка — 5 см, диаметр корпуса — 9 см.

Рис. 26 Городище в Шахрисябле. Стеклоиный флакон.

Как сообщил Г. В. Парфенов, много лет работавший в Термезе, подобные сосуды типичны для наслоений IX—X вв. городища старого Термеза. Один из таких сосудов опубликовал М. Е. Массон.¹

В остальном керамическом комплексе возможно отметить только некоторые характерные признаки. Встретились фрагменты сосудов с ребристой наружной поверхностью (рис. 25, б); венчик второго сосуда отличается скошенностью верхней поверхности (рис. 25, в). Найден фрагмент узкогорлого сосуда с сильно профилированным наружу венчиком.

Вместе с керамическим материалом обнаружены также фрагменты стеклянной посуды, и среди нее почти целый стеклянный сосудик

¹ М. Е. Массон, Городища старого Термеза и их изучение. Труды Узбекского филиала Академии Наук СССР, сер. I, вып. 2, Термезская археологическая комплексная экспедиция, Ташкент, 1941 г., стр. 84.

(рис. 26) округлой формы, с узким невысоким горлышком и удлиненным носиком.

В другом месте был расчищен бадраб, расположенный примерно в середине трехметровой толщи культурных наслоений; здесь также встретились венчики сосудов со скошенной верхней поверхностью (рис. 25, *д*) и фигурные венчики с выемом на боковой поверхности (рис. 26 *з*), найденные и в первом бадрабе. Из отдельных находок в бадрабе нужно отметить ручку чирога (светильника), в виде изображения фигуры животного, видимо собаки.

Среди подъемной керамики встречаются фрагменты поливной посуды двух видов: один из них — с подглазурной росписью темнокрасной или темнокоричневой красками на белом фоне (рис. 27, слева), второй — с зеленой и желтой пятнистой поливой (рис. 27, справа); полива второго вида наносилась на поверхность, предварительно украшенную врезанными линиями. Блюда — на невысоких плоских поддонах. Встретился крупный фрагмент сосуда, украшенного сложным штампованным орнаментом¹ (рис. 28). Поливная керамика датируется IX—X вв. Однако не исключено, что среди еще мало изученной неполивной керамики есть и более ранняя; об этом свидетельствует находка фрагмента чирога с изображением животного, а также крышек сосудов лепной работы. В. М. Массон сообщил нам, что на этом городище ему встретилась керамика, которую условно можно датировать V—VII вв. Мы не можем углублять датировку городища до V—VI вв., однако уже имеющиеся археологические материалы дают основание предположить, что город Шахрисябз существовал в VII—VIII вв. и продолжал развиваться в последующие столетия.

Несомненно, что на территории современного Шахрисябза уже в IX—X вв. существовало поселение; о том, что оно являлось поселением городского типа, свидетельствуют размеры городища — 6—7 га.

Сопоставление данных археологических разведок со сведениями письменных источников, приведенное нами в другом месте,² дает нам основание предположить, что в IX—X вв. в верхней части долины реки Кашка-Дарья были два небольших поселения городского типа: развалины одного из них сохранились возле современного поселка Китартаб, развалинами второго является городище, находящееся в юго-западной части Шахрисябза. Первое из поселений представляло собой крепость с небольшим поселком при ней, второе, расположенное в семи километрах от первого, было торгово-ремесленным центром оазиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На территории Кашка-Дарьинской области еще не открыты памятники первобытных обществ, палеолита или неолита, но исследования в соседних областях — в Самаркандской и Сурхан-Дарьинской — показывают, что в будущем такие открытия возможны, и прежде всего, в пещерах, использовавшихся первобытным человеком в качестве жилищ. Необходимы дальнейшие исследования уже известных пещер, с приме-

¹ В дополнение к этим материалам нужно отметить еще факт находки в центре современного города фрагментов сфероконических сосудов несомненно домонгольского времени; эти фрагменты были обнаружены на глубине трех-четырёх метров при рытье колодца во дворе городской библиотеки. О находке нам было сообщено зав. библиотекой тов. Ефремовой во время наших полевых работ 1951 г.; тогда же находки были переданы нам.

² С. К. Кабанов, Археологические разведки в Шахрисябзском оазисе, Известия Академии Наук УзССР, 1951, 6, стр. 65—68.

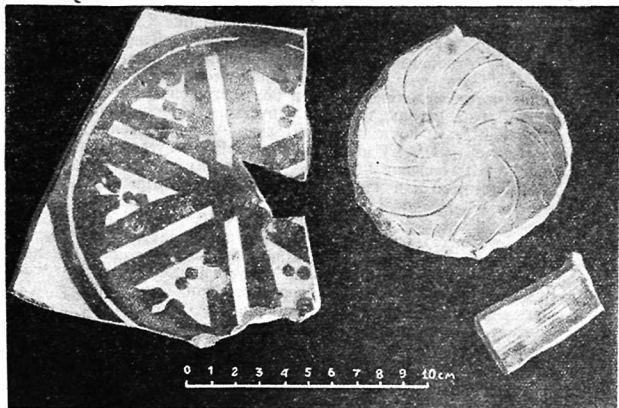

Рис. 27. Городище в Шахриябзе. Поливная керамика.

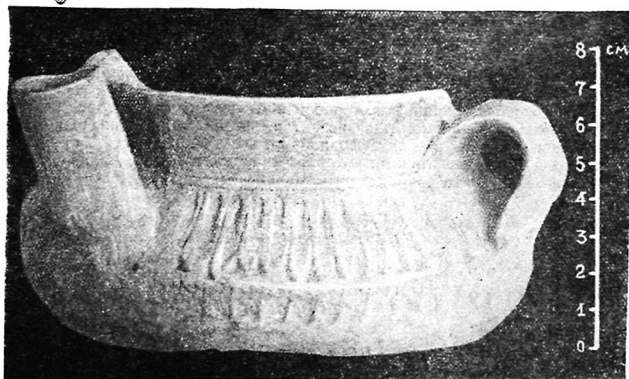

Рис. 28. Городище в Шахриябзе. Сосуд (фрагмент) с штампованным орнаментом.

нением раскопок, а также выявление и обследование других пещер в горах, полукольцом охватывающих верхнюю часть долины.

Несмотря на относительно небольшие размеры долины р. Кашка-Дарьи (протяженность ее с востока на запад едва превышает 250 км) — в ее пределах четко выделяются почти все географические зоны Средней Азии: здесь есть и горы, и степи, и пустыня. Проводившиеся до сих пор исследования были почти исключительно сосредоточены в оазисах, созданных тысячелетия тому назад при помощи искусственного орошения; именно в этих оазисах находятся развалины древних поселений — городищ тепе, которые и явились основными объектами изучения. Как и горы, еще мало обследованы степные районы, а их наиболее характерные памятники — курганы, еще совсем неизвестны; обследование памятников этого вида нужно считать очередной задачей.

Верхняя часть долины р. Кашка-Дарьи является одним из древних очагов земледелия, основанного на искусственном орошении: выявленные археологические материалы дают основание прийти к выводу, что здесь уже в условиях первобытно-общинного строя, на высших стадиях его развития, существовали поселения земледельцев, знавших простейшие приемы орошения (небольшие оросительные и осушительные каналы). Для изучения древнейших земледельческих обществ нужно продолжать исследования в местностях, орошенных небольшими потоками, родниковыми водами, и возле канальных полос в поймах крупных рек.

К эпохе рабовладельческого строя относятся два наиболее крупных памятника — городище у Каляндар-Тепе в поселке Китаб, и Курган-Тепе близ селения Макрид. Городище у Каляндар-Тепе — развалины единственного в оазисе города эпохи рабовладельческого строя. Ранний хронологический предел городища у Каляндар-Тепе нами определяется пока III в. до н. э., но не исключено, что в дальнейшем, с выявлением новых данных, эта датировка будет уточнена.

В оазисе нередки памятники, прямоугольные в плане, дающие материалы, синхроничные материалам Каляндар-Тепе и Курган-Тепе. Повидимому, эти памятники — развалины поселений сельского типа согдийцев — древнего земледельческого населения оазиса в эпоху рабовладельческого строя.

Многие из поселений эпохи рабовладельческого строя продолжали существовать и в ранние этапы развития феодализма. К числу поселений, возникших уже в эпоху феодализма, возможно отнести поселение городского типа, развалинами которого является городище, находящееся в юго-западной части современного Шахрисабза.

Л. И. Альбаум

**НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ АНХОРСКОЙ
ГРУППЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
(1948—1949 гг.)**

В 1948 г. в состав Узбекско-Зеравшанской археологической экспедиции был включен отряд по изучению археологических памятников Сурхан-Дарьинской области. Работа отряда тесно координировалась с работами Сурхан-Дарьинского областного музея.

В задачу отряда в 1948 г. входило рекогносцировочное обследование археологических памятников, расположенных по правобережью Аму-Дарьи от устья Вахша до Термеза.

Разведывательная группа отряда, состоящая из двух человек — автора данной статьи и сотрудника Сурхан-Дарьинского музея В. А. Козловского, — зарегистрировала некоторые археологические объекты, расположенные у устья Вахша, на правом его берегу, и частично в районах Айваджа и Бешкента (на территории Таджикской ССР).

Археологические памятники, расположенные на правом берегу Аму-Дарьи, были прослежены отрядом от Вахша до Айваджа. Наиболее интересным из них является городище Тахта-Кувад на правом берегу Пянджа, в пяти километрах от устья Вахша. Прибрежная полоса, на которой находится городище, довольно узка — около полутора километров. За городищем вдоль по течению Вахша тянутся отроги гор.

Городище Тахта-Кувад площадью около 120×80 м имеет неправильную вытянутую форму и ориентировано по длине с востока на запад. Наибольшая высота городища, в западной его части, доходит до 8 м. С южной стороны находится ряд обрывистых полукруглых выемок диаметром до 6 м. С севера — ровный склон под углом $35-45^\circ$.

Керамический материал, а также три плохо сохранившиеся монеты, по типу кушанские, позволяют датировать городище первыми веками н. э. На поверхности городища, помимо керамики, были найдены базы колонн, аналогичные базам из Термеза, что также подтверждает эту датировку. Кроме того, были найдены квадратные блоки из мергелистого известняка. Наиболее поздние фрагменты керамики, возможно случайные, относятся к IX — X вв.

Второе городище, расположенное к востоку от Тахта-Кувада, отождествляемое нами со средневековым городищем Мела, находится у одноименной переправы через Вахш у его устья¹. Оно больше первого,

¹ В 1879 г. городище посетили члены Самарской экспедиции, ошибочно назвав его Тахта-Кувад. Переводчик экспедиции Ф. Жуков пишет: «На самом слиянии Бяхша с Пянджем находятся развалины очень древнего города Тахта-Кувад. Сопровождавшие нас туземцы рассказывали, что в этих местах прежде находили различные древние вещи, даже нашли однажды в груде мусора вылепленного из золота тигра и разные золотые вещи». Далее он пишет, что при небольшой зачистке они обнаружили «одну монету медную, греческого чекана». (Туркестанские ведомости, 1880, № 17, «Верхнее течение Аму-Дарьи»).

контуров его расплывчаты, поверхность всхолмлена и усыпана кусками мергелистого известняка; многие из этих кусков несут на себе следы обработки.

Оба этих пункта, несомненно, были поселениями, где обрабатывались и изготовлялись каменные детали, столь распространенные в архитектуре Тохаристана. Расцвет жизни в этих поселениях приходится на первые века н. э., наиболее поздний период,—повидимому, X в.

Непосредственная близость карьеров, где добывался мергелистый известняк, и легкость переправы тяжелых готовых изделий из известняка водным путем способствовали развитию ремесленных поселений, какими и были Тахта-Кувад и Мела в первые века н. э.

В 1949 г. работа археологического отряда протекала более успешно. Была проведена рекогносцировка археологических памятников на территории Сурхан-Дарьинской области УзССР.

Наш маршрут проходил через Анхор, Джар-Курган, Шурчи, Мершеде, Карлюк, Денау, Сары-Ассия, Термез. За 12 дней мы смогли лишь предварительно ознакомиться с характером археологических памятников, проведя их первичную регистрацию.

В результате этого обследования намечился план дальнейшего, более детального изучения основных восьми групп археологических памятников, группируемых нами пока по территориальному признаку: термезская, анхорская, карасуйская, тали-маранская, янги-арьская, джар-курганская, денау-шурчинская и особая группа памятников, расположенная в предгорной местности и в горах района Мершеде-Карлюк.

В 1950 г. исследовалась анхорская группа памятников, расположенная в 30 км северо-западнее Термеза на территории Анхорского района. Было зафиксировано и взято на учет около 40 археологических объектов, сделаны глазомерные планы более чем с 20 городищ и тепе, собран подъемный керамический и нумизматический материал, позволяющий их первично датировать¹.

Разведками еще не затронуты Ширабадский и Байсунский районы. Необходимо также отметить, что в данной статье мы остановимся только на некоторых типах городищ, замков и тепе, находящихся в районе Анхора.

В дореволюционной литературе имеется несколько кратких упоминаний о памятниках Анхорского района Сурхан-Дарьинской области. Не останавливаясь на всех работах, укажем на следующие.

И. В. Мушкетов во время своего путешествия по Туркестану² отметил большое количество находящихся здесь древних крепостей и искусственных курганов, расположенных к югу от Джар-Кургана.

А. Г. Ананьев обратил внимание на развалины, находящиеся на территории Анхорского района; они по его словам «представляют многочисленные бугры, из оплывших скатов которых выглядывают сводчатые арки, отдельные столбы и пр.»³. Некоторые сведения об ис-

¹ В 1951 г. продолжены работы по изучению районов анхорской группы памятников, в частности проведены небольшие раскопки на городище Зар-Тепе. Однако в настоящей статье мы не будем касаться работ этого года.

² И. В. Мушкетов; Туркестан; Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 гг., т. I, СПб, 1886, стр. 569.

³ А. Г. Ананьев. Ширабадская долина, СПб., 1914, стр. 13.

тории орошения этой местности имеются в работах И. Минаева, В. В. Бартольда², Б. Н. Кастальского³ и Д. Д. Букиннича⁴.

После Октябрьской революции в Сурхан-Дарьинской области проводили работы в основном две крупные археологические экспедиции: Музея восточных культур в 1927—1928 гг. и Термезская археологическая комплексная экспедиция под руководством проф. М. Е. Массона — с 1936 по 1938 гг. Но они изучали район и историю самого города Термеза, а также частично районы городов Айртама и Джар-Кургана, не затрагивая районов нашего обследования.

ТИПЫ ГОРОДИЩ И ТЕПЕ АНХОРСКОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ

Городище Зар-Тепе (рис. 1) расположено в Джар-Курганском районе в 4 км к югу от районного центра Анхора и в 26 км к северо-

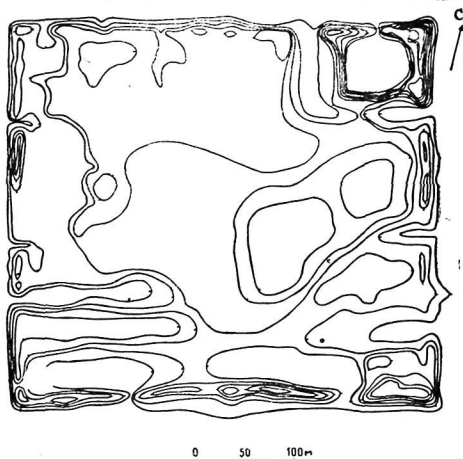

Рис. 1. План городища Зар-Тепе.

западу от города Термеза, в небольшой низине. В плане оно квадратное с стороной в 400 м, ориентировано не совсем правильно по странам света. Контуры хорошо прослеживаются, элементы крепостных сооружений сохранились сравнительно на небольшую высоту. С востока городские стены имеют вид оплывших валов высотой 6—7 м. С запада стена сохранилась лишь на высоту до 4 м.

¹ И. Минаев; Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи; СПб; 1879.

² В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб, 1900.

³ Б. Н. Кастальский, Историко-археологический обзор Сурханской и Ширабадской долин, Вестник ирригации; 1930; № 3.

⁴ Д. Д. Букиннич, Краткие предварительные соображения о водоснабжении и ирригации старого Термеза и его района; Труды УзФАН СССР; сер. I, История и археология, 2, 1941.

В северо-восточной части городища расположена цитадель несколько своеобразного устройства. Так же как и городище, в плане она почти квадратная. С южной и западной стороны отделена от городища большим рвом; с наружной стороны, т. е. с северной и восточной, ров не прослеживается. В трех углах (кроме юго-западного) намечаются башни в виде оплывших бугров. Они несколько выступают из плоскости стен цитадели.

С внутренней стороны стены понижаются к центру цитадели, где образуется небольшая, покатая к северу, ровная площадка. Постепенное холмистое понижение стен обусловлено тем, что с внутренней стороны к ним, видимо, примыкали жилые помещения, превратившиеся в настоящее время в сплошные бугристые откосы. Наибольшая высота стен цитадели 13—14 м.

Вход в цитадель был расположен в середине северной стороны. Как с внутренней стороны, так и с внешней, поверхность цитадели усыпана фрагментами керамических изделий.

В юго-восточной части городища расположено второе после цитадели крупное сооружение меньших размеров и несколько иного устройства. Так же как и цитадель, со стороны городища оно отделено широким рвом. Внутренняя же часть сооружения заполнена оплывшими валами. С восточной стороны городища, рядом с угловым сооружением, находились одни из ворот города.

Почти вся внутренняя поверхность городища была застроена, о чем свидетельствуют массивные бугры, слившиеся друг с другом и доходящие в некоторых местах до верхнего уровня стен, а в центре даже превышающие их.

Кирпич, из которого сделаны стены и другие крупные сооружения городища, имеет квадратную форму. Размеры его в нижних слоях от $40 \times 10 \times 10$ ($38 \times 38 \times 10$) до $32 \times 32 \times 15$ см.

Планом и рельефом городище Зар-Теле напоминает городище Топрак-Кала древнего Хорезма¹, хотя их керамический материал несколько различен. В городе имелись площади и улицы, представленные в настоящее время большими ровными площадками.

Как мы уже говорили, на поверхности городища разбросано большое количество керамического материала, позволяющего по аналогии с керамикой Термеза, Самарканда, Галджикистана и Хорезма предвременно датировать периоды наиболее интенсивной жизни на городище. Датировка подкрепляется также находками большого количества (более 150) медных монет, причем наиболее ранней является монета Гелюка (159—136). Основная же масса монет относится к кушанскому периоду (Кадфизу, Канишке). Встречаются также медные сасанидские монеты. На основании этого материала в жизни городища выявляются пока два основных периода.

К первому относится керамика, найденная на городище и датированная первыми веками до н. э. (рис. 2). Если исходить из классификации согдийской керамики по А. И. Тереножкину,² то раннюю керамику Анхорского района можно датировать III—I вв. до н. э. Керамика из хорошо отмученной глины, хорошо отформована, часто имеет полусчатое лощение по красноватому ангобу (рис. 2, 16). К этому же периоду следует отнести кубки на невысоких ножках, покрытые красноватым

¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 120.

² А. И. Тереножкин Согд и Чач. Краткие сообщения ИИМК, вып. XXXIII; М.—Л., 1950, стр. 156.

ангобом (рис. 2, 7, 8, 9, 10), а также немногочисленные фрагменты керамики, покрытые красной и черной лако-глазурью. Многие керамические изделия были сделаны из серой глины, причем некоторые из них покрыты черной лако-глазурью и черным ангобом; все эти признаки также характерны для Согда того же времени.

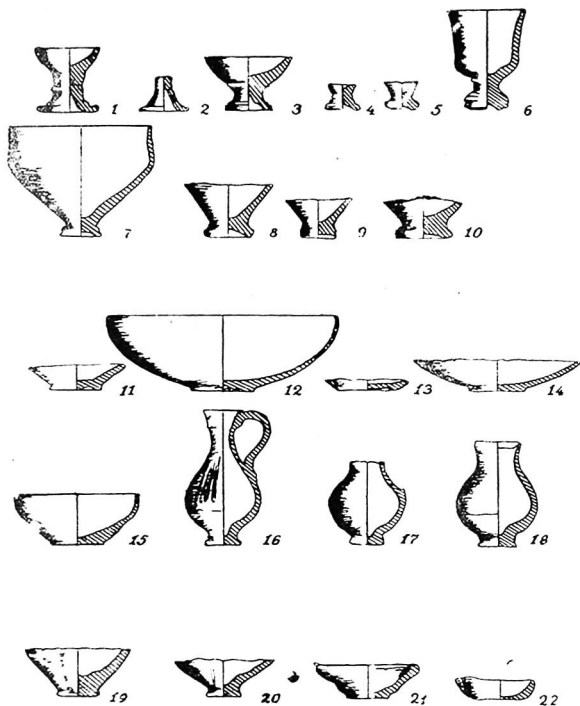

Рис. 2. Некоторые виды керамики городища Зар-Тепе.

На территории городища было обнаружено большое количество терракотовых статуэток. Из них к III—I вв. до н. э. может быть отнесена плохо сохранившаяся статуэтка крылатой женщины—возможно; богини победы Ники (рис. 3). Уцелела только верхняя часть терракоты 6 × 6 см. Правильное овальное лицо с плохо сохранившимися чертами обрамлено спускающимися до плеч локонами. Над плечами поднимаются детально проработанные, с прорисовкой отдельных перьев крупные крылья. В правой согнутой руке, на уровне груди женщина держит колесо или венок.

К. В. Тревер, при изучении находящегося в Эрмитаже серебряного медальона с погрудным изображением крылатой женщины, останавливается на монетах кушанского царя Мева, где изображена богиня с колесом в левой руке.¹ Колесо в этом случае является символом удачи и счастья. Можно предположить, что на нашей терракотке изображено именно такое колесо.

Интересна еще одна, правда, плохо сохранившаяся женская головка (рис. 4). Прической и овалом лица она напоминает терракотовые головки от женских протом, обнаруженных при раскопках античного городища Нимфея на берегу Керченского пролива, датируемые V—II вв. до н. э.

Рис. 3. Терракотовая статуэтка «богини Ники».

Рис. 4. Женская головка.

Исключительно большой интерес как с научной, так и с художественной точки зрения представляет налп с сосуда в виде мужской головы (рис. 5). Высота головы от шеи до темени 6 см, ширина лица 4 см. Глаза широко раскрыты, зрачки выполнены в виде углублений, брови несколько приподняты, тяжелые надбровные дуги образуют бугры, сходящиеся у переносицы. Под глазами небольшие припухлости. Мускулатура лица резко подчеркнута. Нос широкий, несколько вздернут. От носа, спускаясь к бороде, идут пышные усы. Рот слегка приоткрыт, хорошо видны нижняя и верхняя губы. Волнистые волосы густой бороды и головы, соединяющиеся около ушей, выполнены несколько обобщенно, но в целом прекрасно передают их форму и прическу.

Головка была покрыта красновато-коричневым ангобом, сохранившимся в углублениях рта, глаз и волос. В трактовке усоз и бороды имеется определенное сходство с головкой от оссурия или сосуда, найденной на Афрасиабе.³ Однако сходство этим исчерпывается, ибо афрасиабская терракота изображает круглое лицо с высоким лбом, лысой головой, глубоко сидящими глазами, нависшими бровями и маленьким плоским носом.

¹ К. В. Тревер; Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л.; 1940, стр. 67.

² М. М. Худяк, Работы Нимфейской экспедиции 1939 г., Труды отдела истории искусства и культуры античного мира, Л., 1945, стр. 161, табл. XIX в.

³ С. Trever, Terracottas from Afrasiab, Leningrad, 1934, стр. 50, табл. XIII, рис. 193.

Керамику второго, кушанского периода можно разделить на два типа — раннекушанскую и позднекушанскую, относящуюся ко времени начала разложения рабовладельческого общества.

В Средней Азии керамическое производство к I в. до н. э. достигло весьма высокого уровня. Многие формы керамических сосудов, бытовавших в это время, сохраняются и в раннекушанское время, т. е. I в. н. э.

Качество глины хорошее, черепок несколько утолщен, плотный в изломе и хорошего обжига. Почти вся керамика изготовлена на ножном гончарном круге и покрыта красным или черным ангобом, поверх которого наносилось полосчатое лощение. Многие из сосудов дополнительно украшались богатым штампованным орнаментом (рис. 6 и 7) в виде елочек, кружков, ромбов, различных розеток, „ступни Будды“ и т. д. С уверенностью можно сказать, что большинство этих орнаментов существовало в одно и то же время. На многих сосудах часто сочетается несколько различных орнаментов.

По форме и величине сосуды разнообразны: от крупных хумов и чаш—тагора с витыми ручками и орнаментом на внутренней стороне (рис. 8) до небольших изящных кувшинчиков (рис. 2, 16, 17, 18). Ручки сосудов типа тагора очень разнообразны (рис. 9).

К этому же периоду относится неангобированные светильники (рис. 2, 21, 22).

Некоторые из обнаруженных фрагментов керамики с черной лакоглазурью украшены елочным орнаментом, характерным для этого времени. Это позволяет говорить о существовании лако-глазури в кушанский период. В Согде керамические изделия из серой глины, черного ангоба и лака перестали изготавливаться еще во II—I вв. до н. э.¹

Сосуды как по форме, так и по орнаментации совпадают с керамикой, обнаруженной при раскопках на городище Айртам² в северо-восточной части помещения монастыря.

На основании этих материалов мы можем сделать предварительный вывод, что керамика как с городища Зар-Тепе, так и опубликованная В. А. Шишкиным и М. И. Вязмитиной в трудах ТАКЭ, характеризующая ангобом, лощением и штампованными украшениями, относится к I—II вв. н. э.

Рис. 5. Налеп с сосуда.

¹ А. И. Тереножкин, Согд и Чоч, Краткие сообщения ИИМК, 1950, стр. 156.

² М. М. Вязмитина, Керамика Айртама времени Кушанов, Труды АН УзССР; сер. I; История; археология; Термезская археологическая экспедиция.

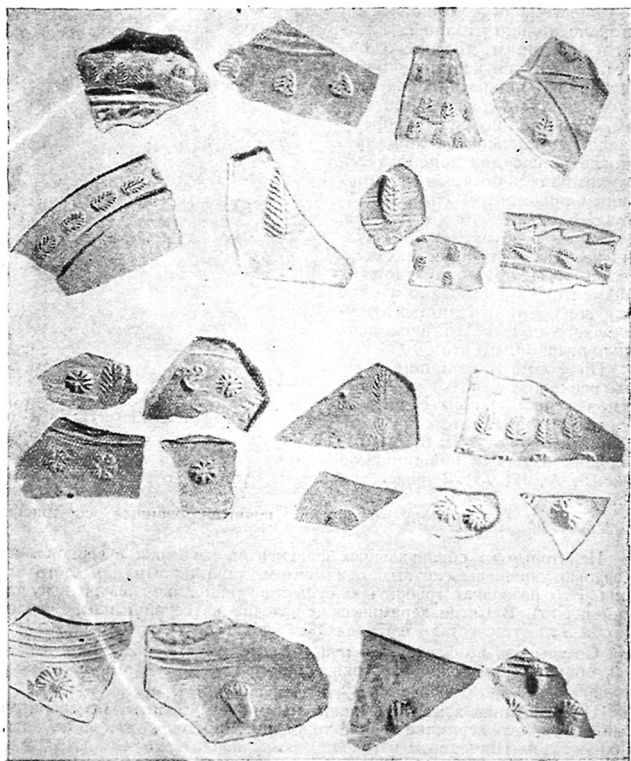

Рис. 6. Фрагменты орнаментированной керамики.

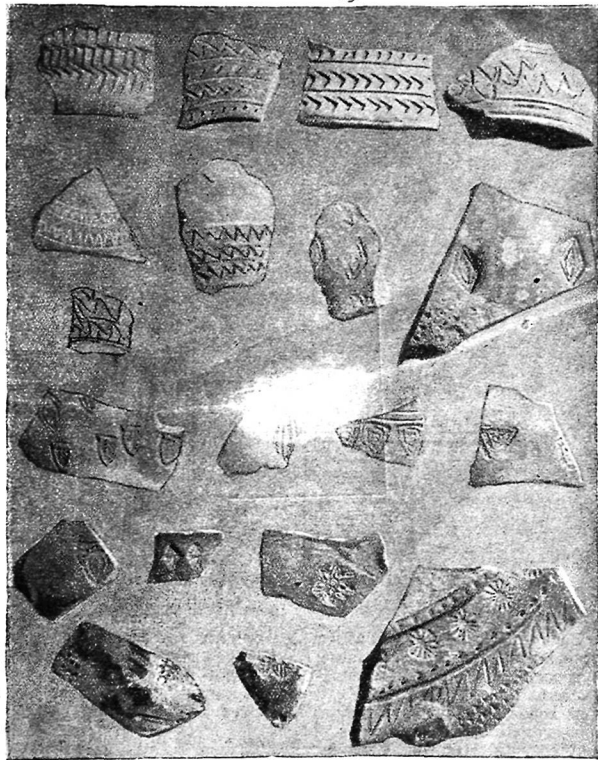

Рис. 7. Фрагменты орнаментированной керамики.

М. М. Дьяконов пишет, что для III—IV вв. «характерно почти полное отсутствие ангобирования и лощения и появление штампованных украшений на сосудах».¹

Возможно, что штампованный орнамент и ангобирование на сосудах из Туп-Хона, как и в Беграме, на которые ссылается М. М. Дьяконов, одновременны и штамп пришел на смену ангобу. Этого, как мы уже говорили выше, в орнаментации керамики южной части Сурхандарьинской области не наблюдается. Дальнейшие работы позволят уточнить наши датировки.

Близкая по типу керамика была обнаружена экспедицией С. П. Толстова в Хорезме на городище Жанбас-Кала,² но она датируется более ранним временем: IV в. до н. э. — I в. н. э.

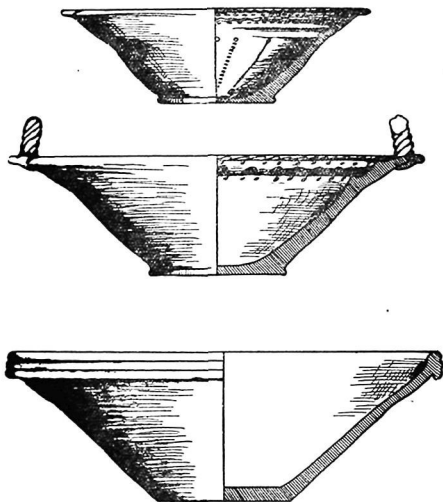

Рис. 8. Чаши типа „тагора“.

Заслуживают внимания налпы на сосудах и терракотовые фигурки животных и людей, найденные в большом количестве на поверхности городища Зар-Тепе. Большим мастерством изготовления отличаются налпы на небольших тонкостенных сосудах из хорошо отмученной глины хорошего обжига, покрытых светлорыжимым ангобом. К сожалению, нет ни одного фрагмента, который позволил бы установить форму самих сосудов. Некоторые налпы изображают головы антропоморфизированных львов. Аналогичные налпы были найдены на городище Чингиз-Тепе в Термезе. Изображение льва было широко распространено в древневосточном искусстве.

¹ М. М. Дьяконов, Работа Кафирниганского отряда, Материалы и исследования по археологии СССР, № 15, М. — Л., 1850, стр. 166.

² С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 87.

Очень реалистично изображение головы горного козла-архара на одном из найденных нами фрагментов. По обеим сторонам морды расположены загнутые книзу рога. Изображение этого же вида козлов, но более стилизованное, мы находим в виде ручек сосудов (рис. 10). М. Е. Массон считает, что прототипом этих изображений мог служить широко распространенный в Средней Азии Сарга Sığırta. На одном фрагменте (рис. 11) мы видим штампованное изображение бегущего джейрана. Встречаются ручки сосудов в виде изображений других животных, часто даже фантастических (рис. 12).

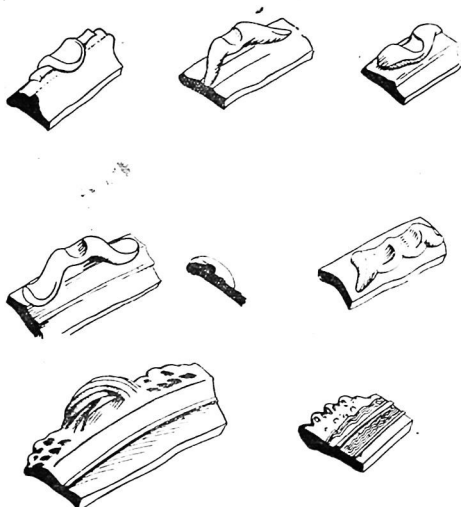

Рис. 9. Ручки сосудов типа тагора.

Вторая группа керамики (III—IV вв.) сохраняет штампованный орнамент и ангобирование, но в меньших размерах. Несколько изменяются формы сосудов; зачастую изготавливается неангобированная керамика, появляется орнаментация при помощи процарапывания (рис. 7, нижний ряд).

Некоторые сосуды бытового назначения снабжены сливными носиками (рис. 13), изображающими головы животных, например, голову оленя (возможно — кник) с вытянутой мордой.

И: терракотовых статуэток к этому периоду относятся глиняные всадники на лошадях, верблюдах или каких-то фантастических животных. Выполнены они грубо и напоминают иногда человека, а иногда и животных. Л. И. Ремпель относит подобные статуэтки, найденные в Мерве, к послекушанскому времени².

² Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 352;

Более полно характеризовать керамику этого времени мы сможем позднее, ибо у нас имеется нумизматический материал III—V вв. Нет никакого сомнения, что в этот период, особенно в III и в начале IV в., общий кризис рабовладельческой формации еще не отразился на экономической жизни анхорской группы городов. Начало кризиса, по видимому, относится к середине IV в.

Рис. 10 Ручка сосуда, изображающая голову горного козла.

В это время происходит разложение рабовладельческого общества и зарождаются новые феодальные отношения.

К V—VI в.в. на городище Зар-Тепе, по видимому, относятся небольшие остатки каких-то сооружений из сырцового кирпича $50 \times 30 \times 10$ см.

Наряду с упадком жизни в городах возникают новые поселения небольших размеров типа Кулаглы-Тепе.

Среди памятников терракоты с городища Зар-Тепе можно выделить небольшую группу, связанную с буддизмом. В I—II вв. буддизм полу-

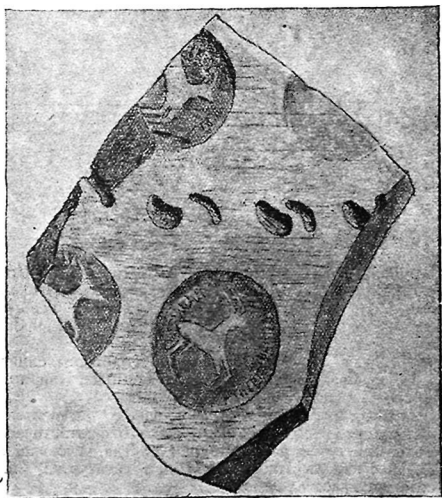

Рис. 11. Штампованное изображение бегущего джайрана.

чил широкое распространение. Насколько прочно вошел буддизм в быт народа, можно судить по тому факту, что даже некоторые виды бытовой посуды украшались штампованным изображением «ступни Буллы». ручки сосудов делались в виде обезьян. Кроме того, на городище обнаружен фрагмент терракоты обезьяны (без головы). Аналогичная терракотовая статуэтка обезьяны была найдена в Хотане.¹ На Афрасиабе найдены штампованные терракотовые фигурки обезьян.² Изобра-

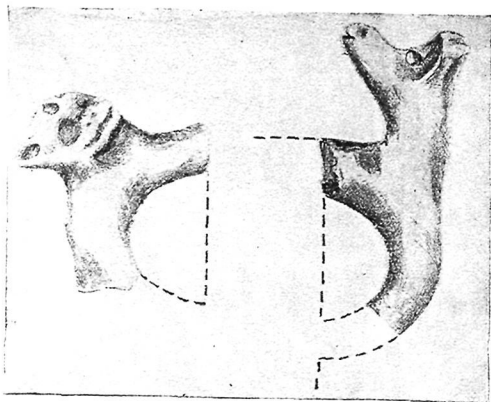

Рис. 12. Ручки сосудов с изображением животных.

жения обезьян, играющих на музыкальных инструментах, имеются на серебряной чаше из Эрмитажа³. На городище Джанбас-Кала найдены две статуэтки сидящих обезьян, датируемые I в. до н. э., временем вхождения среднеазиатских владений в состав Кушанского государства и указывающие на проникновение сюда буддизма⁴.

В северной части городища найдена нижняя часть туловища обнаженной женской фигурки (рис. 14). Статуэтка имеет большое сходство с аналогичными находками из Хорезма (городище Джанбас-Кала⁵).

Одна из статуэток (рис. 15), найденная на городище Зар-Тепе, изображает сидящую на высоком троне фигуру с согнутыми коленями и опущенными ногами; руки покоятся на коленях, упираясь локтями в ручки трона. Поверх одежды на ней мягкая ниспадающая ткань, типа верхнего греческого платья—гиматия.

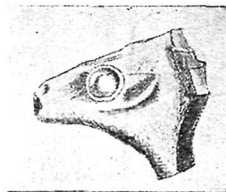

Рис. 13. Сливной носик сосуда.

¹ К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 85, табл. 21.

² Там же, стр. 86.

³ Там же, стр. 81, табл. 21.

⁴ С. П. Толстов, цит. соч., стр. 199, 209.

⁵ Там же, стр. 89, табл. 74.

Ткань спускается до пола, закрывая ступни ног (кисти рук видны). Складки мягко падающей ткани подчеркивают формы положения фигуры. Так, у сгиба колен складки несколько приподняты, ниже колен они падают горизонтальными линиями, приподнимаясь к краям. Лишь на груди, где ткань приоткрывается, видна полоса какой-то детали нижней одежды, а выше—воротник. Голова фигурки отбита, тыльная сторона прямая, срезана острым инструментом. Одеждой фигурка напоминает статуэтки Мерва¹ и Хорезма².

Рис. 14. Фигурка женщины.

В Средней Азии наряду с буддизмом в первые века нашей эры были распространены и другие религии, в частности, зороастризм. В юго-восточной части городища обнаружена половина оссуария овальной формы, с плоским дном с выступающими по краям двумя небольшими ручками. находка данного оссуария является самой южной на территории Советского Союза.

Большинство оссуариев, найденных на территории Средней Азии,

¹ Л. И. Ремпель, цит. соч., стр. 339.

² С. П. Толстов, древний Хорезм, КСИИМК, вып. XIII, стр. 142.

датируется V—VII вв., хотя некоторые исследователи склонны относить часть из них к первым векам н. э.¹

На поверхности городища Зар-Тепе было найдено большое количество изделий из мергелистого известняка, например, части от капители и баз колонн, некоторые элементы архитектурного декора. Особенно интересна база колонны (рис. 16), найденная к юга-западу от цитадели. База состоит из квадратного плинта со стороной в 80 см; выше —

Рис. 15. Сидящая фигура.

вал, пояс, скоция, пояс, второй вал и три пояса уступом кверху. В верхней части, в центре базы находится небольшое отверстие для штыря колонны. Глубина отверстия 8, ширина — 11 см. Общая высота базы колонны 32 см. Формой она близка к базам Термеза, размерами — несколько крупнее их. Базы Термеза датируются I—II вв., т. е. кушанским временем.²

Городище Хайрабад (рис. 17) расположено в 800 м к западу от Анхора и в 4 км севернее Зар-Тепе. По типу оно сходно с первым городищем, хотя имеет более вытянутую форму. Керамика их одинакова. Городище прямоугольное (150 × 100 м) ориентировано по длине с севера на юг. В юго-восточном углу возвышается цитадель.

¹ Г. А. Пугаченкова, Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, Труды Института истории и археологии, т. II, Ташкент, 1950, стр. 45—46.

² Г. А. Пугаченкова, Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана, Труды АН УзССР, сер. I, История и археология, Термезская археологическая экспедиция, 1941.

Стены городища, хорошо выраженные в виде оплывших валов, сохранились на высоту 6—9 м. С наружной стороны они поднимаются под углом 35—45°, с внутренней находятся на одном уровне с поверхностью городища.

В южной части западной стены видна широкая промоина, разрушившая стену на глубину 5 м. Севернее этой промоины находились одни из ворот, в настоящее время сильно размытые водами, стекающими с поверхности городища. За воротами расположена большая площадь длиной до 70 м. Вокруг нее небольшие оплывшие холмы, возвышающиеся к центру городища.

рис 16. База колонны

После небольшой зачистки, проведенной с северной и южной сторон ворот, нам удалось проследить устройство крепостной стены. С наружной и с внутренней стороны она имеет незначительный наклон. Ширина ее около ворот равна 2,5 м, ширина прохода ворот — 4 м. Стена выложена мощными пахсовыми блоками. С внутренней стороны к ней примыкает вторая стена или сохранившаяся часть стены привратного помещения, отстоящая от края ворот на 3,5 м, выложенная из сырового кирпича размером $38 \times 38 \times 10$ см. Кирпичи связаны между собой глиняным раствором без примеси самана, длина стены равна 2,5 м. Помещение сильно разрушено, целые блоки из сырового кирпича лежат отпавшими от стены. Зачистка у основания стены выявила площадку пола, на котором лежали раздавленные обвалившимися глыбами земли керамические сосуды, часть которых нам удалось восстановить.

Некоторые сосуды имеют энохоевидные горлышки. Носик такого вида сосудов оттянут и сужен к концу. Сосуд снабжен профилированной ручкой. Верхняя часть другого сосуда и часть ручки, на ширину 6 см покрыты ангобом. Аналогично, но красным ангобом, орнаментирован сосуд с двумя ручками по бокам и широким горлом; он сохранился в очень фрагментарном состоянии, так что собрать его не удалось. Помимо крупных, тут же найдено некоторое количество небольших сосудов и кувшинов со следами ангобирования, лощения и штампованной орна-

ментации. Все они сделаны из хорошей глины на ножном гончарном круге. Мелкие сосуды отличаются изяществом и тонкостью работы.

Во время расчистки мы обнаружили несколько жженных кирпичей. В некоторых местах они лежали на полу, а на них — вышеупомянутые сосуды. Жженный кирпич не имеет еще сколько-нибудь установившегося

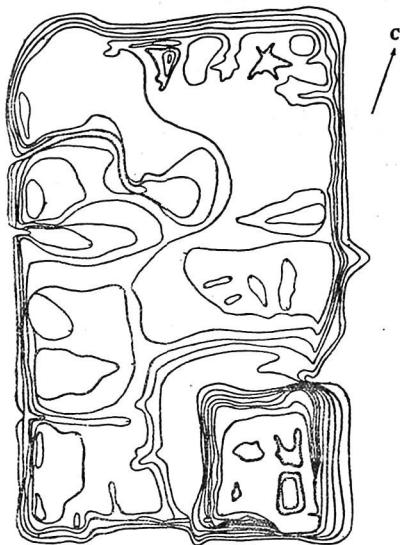

Рис. 17. Схематический план городища Хайрабад.

формата. Размеры его варьируют в пределах $32 \times 30 \times 5$ см, $34 \times 34 \times 5$ см, $35 \times 32 \times 4,5$ см.¹ Толщина кирпича одного типа колеблется от 3 до 6 см. Края кирпича неровны. Жженный кирпич еще не вошел в обиход и встречается в небольшом количестве, не в связи со строительством стен помещений.

Наряду с тонкостенной керамикой тут же находилась грубая, толстостенная с большой примесью шамота. Она очень плохо сохранилась и при прикосновении к ней рассыпалась. Лучше всего сохранился сосуд для варки пищи в форме усеченного полушара, с плоским дном в широкой части. С наружной стороны, в средней части, на равном расстоянии друг от друга расположены шесть полукруглых ручек. Сосуд сильно закопчен.

Несколько южнее ворот имеется большая промонна. На этом участке стена выложена из сырцового кирпича размером в нижней

¹ Размер жженого кирпича в Термезе несколько иных размеров: $28 \times 28 \times 10,5$ и $30 \times 30 \times 12$ см.

части $38 \times 38 \times 10$ см, в верхней — $38 \times 36 \times 10$ и $34 \times 28 \times 10$ см. Неодинаковые размеры кирпича указывают на два периода постройки или ремонта стен. О том, что стена была сложена не раньше I в. н. э., говорит медная монета Кадфиза I, найденная в одном из нижних кирпичей с внутренней стороны стены. Стена в этом месте имеет ширину 2,5 м, с внутренней стороны она засыпана рыхлой землей и битым сырцовым кирпичом. В нижней части завала видны целые сырцовые кирпичи размером $34 \times 28 \times 10$ см. Кирпичи стены связаны между собой глиной с саманом, толщина шва между ними 4,5 см.

Внутри городища вдоль северной стены имеется много провалов, образованных обвалами перекрытий помещений, примыкавших к стене. С запада на восток через середину всего городища тянется небольшая возвышенность типа вала, высотой от 0,5 до 1 м. Этот вал делит городище на две половины, северную и южную. По первоначальной планировке городище было квадратным.

Вал является гребнем бывшей внешней стены города. Между прочим, деление города на две части сплошной стеной мы видим и на городище кушанского времени Куния-Уаз древнего Хорезма.

В юго-восточном углу городища Хайрабад расположена цитадель, отделенная от него с севера и запада тридцатиметровым рвом. Склоны городища, выходящие к цитадели, бугристы; это указывает на то, что вокруг цитадели были расположены помещения. Цитадель квадратная 50×50 м, в юго-восточном, несколько выступающем углу, после расчистки стен хорошо выяснились бойницы (рис. 18).

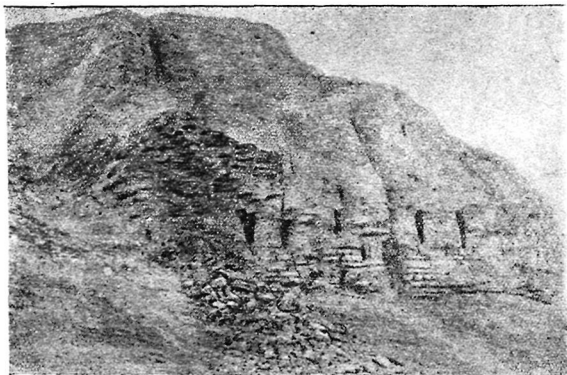

Рис. 18. Бойницы цитадели Хайрабад.

На поверхности цитадели много провалов, четыре из них больших размеров. В провалах можно проследить остатки стен, выложенных из сырцового кирпича. Цитадель в проследенных нами местах выложена сырцовым кирпичом $40 \times 40 \times 10$ см. На одной из широких сторон кирпича имеется тамга в виде глубокого отпечатка раздвоенного копыта барана. Других видов тамги не обнаружено. На городище Джамбас-

Кала сырцовые кирпичи имеют тамги, причем в различных частях стен разные. С. П. Толстов объясняет их как «родовые тамги строителей кирпичей».¹

Бойницы цитадели расположены на одном уровне и имеют несколько необычную форму,— в верхней части ширина их 18—20 см, в нижней 10—12 см, высота 85 см, толщина стен, насколько нам удалось установить, около двух метров.

В юго-восточном углу цитадели было, повидимому, три примыкавших друг к другу помещения с бойницами. На юг выходили бойницы двух помещений, каждое из которых предназначалось для одного воина. В плане бойницы расположены в форме так наз. «ласточкиного хвоста»—одна в середине и две по сторонам, сходящиеся внутри помещения к средней. Такое расположение бойниц обеспечивало бойцу широкое поле зрения. Расстояние между бойницами не одинаково: между западной и средней 60 см и между средней и восточной—80 см.

Второе помещение для бойца, которое нам удалось обнаружить, было расположено восточнее, почти у самого угла цитадели. Оно имело две бойницы, расположенные под некоторым углом одна к другой. Расстояние между крайними бойницами первого и второго помещений—1,8 м.

Третье помещение выходило на восток и имело две бойницы. Такое расположение их, когда один человек мог обслужить несколько бойниц, позволяло небольшому числу воинов обеспечить оборону крепости.

Подъемная керамика, о которой мы упоминали выше, имеется на поверхности городища в большом количестве. Типы керамики те же, что и на городище Зар-Тепе. Почти все фрагменты покрыты красноватым или черным ангобом; многие, помимо ангоба, орнаментировались штампом или лощением. Найдено несколько монет плохой сохранности, относящихся к кушанскому времени.

За пределами городища с восточной стороны видны небольшие холмы, керамика с которых относится к IX—XII вв. На юго-восток от городища расположено современное кладбище. Керамический материал, выбрасываемый с землей во время рытья могил, датируется тем же временем.

Замок Кулаглы-Тепе (рис. 19) на территории Абид-Абадского сельсовета, так же как и предыдущие городища, расположен в низине. Вокруг него расстилаются обширные колхозные хлопковые поля, воды с которых во время полива стекают к стенам замка, заливая большую площадь вокруг него. Эти места поросли высоким камышом. Замок Кулаглы-Тепе в плане квадратный (150 × 150 м) и ориентирован по сторонам света. Центральное помещение его квадратной формы, высотой 20 м, занимало северо-западный угол, возвышаясь над общим уровнем постройки. Выступающие угловые башни (рис. 20), квадратные в плане, поднимаются на высоту 18—20 м, постепенно сужаясь кверху. Замок сложен из мощных паховых блоков толщиной до 1 м. В некоторых местах между ними прослеживается кирпичная кладка из продолговатого сырцового кирпича 50 × 26 × 9 (10) см, характерного для послекушанского времени. Обвалившаяся верхняя часть северной стены центрального помещения открыла полуразрушенное помещение. Доступ к помещению без особых приспособлений невозможен. По наблюдению снизу, перекрытие помещения сделано из сырцового кирпича. Стены замка хорошо сохранились благодаря позднейшим ремонтам.

¹ С. П. Толстов, Цит. соч.; стр. 94.

С наружной стороны стен в 20—25 м друг от друга расположены башнеобразные устои, диаметр такой башни в нижней части равен в среднем 4 м.

Керамический материал с городища очень беден и сильно фрагментирован. На основании его можно сказать, что городище было основано

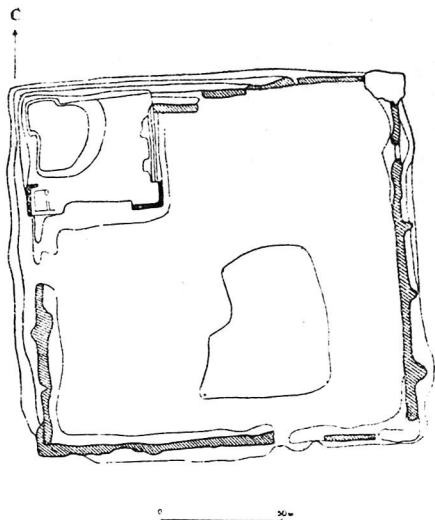

Рис. 19. Схематический план замка Кулаглы-Тепе.

в первые века до н. э. Центральное помещение замка выстроено в V—VI вв. Этот замок, как и многие другие, существовал, повидимому, до арабского завоевания. Первые набеги арабов в Среднюю Азию и, в частности, в район Чаганиана (бассейн Сурхан-Дарьи), носили грабительский характер. Мы не имеем письменных сведений о разрушении в это время Зангского канала, но тот факт, что на всех тепе и городищах Анхорского района не найдено ни одной мусульманской монеты, говорит о том, что жизнь здесь прекратилась с арабским завоеванием. «Одна единственная разрушительная война могла превратить страну в пустыню, безлюдную на сотни лет и уничтожить всю ее цивилизацию».¹

Судя по археологическому материалу, жизнь в Анхорском районе частично возобновляется с IX в., когда был восстановлен Зангский канал. К этому времени относится поселение без укрепленных стен, находящееся к востоку от городища Хайрабад-Тепе. Других пунктов поселений этого времени мы пока не обнаружили.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, 1929, стр. 494.

Территория замка Кулаглы-Тепе, судя по керамическому материалу и остаткам помещений, сложенных из сырцового кирпича $27 \times 27 \times 5$ см, сохранившихся у подножья южной части стен цитадели и на ней, была вновь застроена в XVII — XVIII вв.

С северной стороны стены городища полукругом от его краев расположена цепочка из 12 небольших холмов, самый дальний находится в середине цепочки и отстоит от стены на 200 м.¹

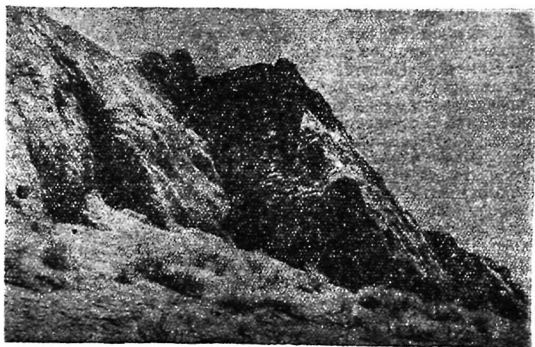

Рис. 20. Одна из угловых башен замка Кулаглы-Тепе.

Необходимо остановиться на вопросе истории орошения Анхорского района, ибо с орошением связаны периоды расцвета и упадка жизни на этой территории.

Основными водными магистралями, орошавшими Сурхан-Дарьинскую область, были Сурхан-Дарья и Ширабад-Дарья.

В доисторическое время, когда вода не расходовалась на орошение, Ширабад-Дарья впадала в Аму-Дарью. Старым ее руслом была река Кара-Су, углубившаяся в настоящее до 10 м, ввиду чего воды ее в районе Анхора недоступны для орошения. Небольшие каналы, расходящиеся от района Ширабада, также не достигают Анхорской группы памятников. Такая же картина наблюдалась, по видимому, и в первые века до н. э.

Самым крупным ирригационным сооружением области являлся Зангский канал. Когда и какие районы он мог орошать, а в связи с этим, когда он был сооружен?

Зангский канал берет свое начало из Сурхан-Дарьи к северу от Джар-Кургана и течет вдоль ее правого берега, отклоняясь на юго-запад, проходит западнее Джар-Кургана мимо песков Катта-Кум, поворачивает к западу, и здесь у кишлака Занг разветвляется на южную и северную ветки. Южная ветка канала проходит к Анхору, где делится на отдельные арыки.

Северная ветвь поворачивает у кишлака Занг к северу-западу. Она подходит к южной части гор Хаудаг. Здесь канал прорыт в нижней

¹ Раскопки 1952 г. установили, что холмики являются остатками небольших зданий.

части гор. В древности с этого места начинался водораздел. Старые русла небольших каналов проходят в сторону городища Урдалы-Тепе и к району Абид-Абадского замка Кулаглы-Тепе. Возможно, что именно эта ветвь была основой искусственной водной системы, орошавшей весь Анхорский район.

Городище Урдалы-Тепе и замок Кулаглы-Тепе, судя по керамическим находкам, относятся к I в. до н. э. Исходя из этого, мы считаем, что постройка данной ирригационной системы также относится к этому или несколько более раннему времени.

«Ирригационные каналы, играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п. представляются в этом случае делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами».¹ Такими централизованными деспотическими правительствами было правительство Александра Македонского и правительства государств грекобактрийских царей. В это время — III — II вв. до н. э., и могло быть произведено такое крупное строительство. Проследить полностью древнюю ирригационную сеть мы не могли ввиду того, что вся площадь была занята посевами. Канал в настоящее время поворачивает около Урдалы-Тепе на север и течет в сторону Тали-Марана, но этот участок нами не обследован и говорить о его древности мы пока не можем.

Большинство городищ расположено в низинах. Это не случайно. При планировке их были выбраны небольшие низины радиусом в несколько километров, в середине которых разбивалось поселение. Такое расположение их обуславливалось, по видимому, тем что для снабжения населения водой можно было провести самотечный водопровод.

Вода по трубам, фрагменты которых мы находим на городищах, поступала в город. Например, городище Хайрабад-Тепе могло снабжаться водой с северной стороны, где в 3 км находится сухое русло арыка, проходящего приблизительно на одном уровне с поверхностью городища. Местные жители рассказывают легенды о водопроводах протяженностью в несколько километров. Расположение города в низменности не понижает его обороноспособность, так как территория, примыкающая к нему в радиусе трех-пяти километров, почти ровная и хорошо просматривается.

На основании произведенных разведок можно сделать предварительные выводы.

Наиболее ранняя керамика, обнаруженная в Анхорском районе, относится к III—I вв. до н. э. Возникновение некоторых городов и тепе также относится к этому времени. Однако возможно, что при раскопках работ будут найдены более древние культурные слои.

I в. до н. э. — III в. н. э. — один из периодов наивысшего расцвета области. Расширяются города (Хайрабад-Тепе) и появляется большое количество мелких поселений.

В середине IV и начале V вв. отмечен кризис в развитии городов, что связано с общим кризисом, охватившим Кушанскую империю в IV в. В IV—V вв. зарождаются новые феодальные отношения и вместе с этим появляются новые виды мелких поселений замков типа Кулаглы-Тепе, существовавших до арабского завоевания.

С приходом арабов была разрушена ирригационная система Зангского канала, снабжавшая этот район водой. Прекращается и жизнь этого района. «Искусственное оплодотворение почвы, которое немедлен-

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству* М., 1940, стр. 7.

но прекращается, как только портится водопровод, объясняет и без того любопытное явление, что целые пространства земли, покрытые некогда пышной растительности..., сейчас представляют собою голую пустыню».¹

Приблизительно до IX в. продолжается кризис Анхорского района.

В IX в. ирригационная система была, повидимому, частично восстановлена, появляются новые поселения без укрепленных стен, например поселение к востоку от городища Хайрабад.

Такова предварительная общая картина жизни Анхорской группы археологических памятников.

---

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, 1929, стр. 493.

В. Л. Воронина

ЭЛЕМЕНТЫ АРХИТЕКТУРЫ ЗАМКА АҚ-ТЕПЕ БЛИЗ ТАШКЕНТА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ 1941 г.

Раскопки 1941 г.¹ производились в относительно небольшом объеме, тем не менее полученный в результате их материал ценен для архитектурной характеристики не только данного сооружения, но и раннефеодалного зодчества вообще. В 1941 г. были раскрыты вторая — восточная половина южной галереи первого этажа кешка, несколько помещений второго этажа кешка и закончено раскрытие помещений двора, начатых расчисткой в 1940 г. Из материалов архитектурного наблюдения особенно интересны сводчатые конструкции и базы деревянных колонн, дерево которых истлело, но форма сохранилась, отпечатавшись в глине завала. Найденные в одном из новооткрытых помещений второго этажа кешка медные монеты² позволяют отнести эту часть здания к VII в. н. э., тогда как первый этаж является более ранним.

РАСКРЫТЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ

Раскопками 1941 г. в первом этаже кешка раскрыты восточная часть южной галереи и ее восточный закругленный поворот, а также юго-западная башня, которая в 1940 г. была исследована только близ пят купола (рис. 1).

Новооткрытая часть галереи протяжением 19,5 м обладает гораздо меньшей сохранностью, чем западная ее половина. Остатки свода уцелели лишь на отрезке в восемь метров от поворота, остальная часть коридора находится под открытым небом. Блоки пахсовой кладки стен сохранились до пят свода, но последние различаются уже с большим трудом. Сильно пострадал пол галереи близ поворота.

Нетрудно заметить, что восточная часть южной галереи возведена менее аккуратно, чем западная; тогда как ширина в западной половине выдержана достаточно точно (1,92 м), в восточной она колеблется от 1,77 м до 1,87 м; высота блоков нижнего ряда превосходит обычный для галереи размер (0,75 м), доходя до одного метра. Данные, полученные для вновь открытого участка галереи, не противоречат выводам, установленным исследованием 1940 г. для остальных ее частей. Именно, здесь галерея также перегороджена поперечными стенками, из которых

¹ Раскопки Ақ-Тепе близ Ташкента проводились в 1940—1941 гг. (УзФАН, Узбекский Институт искусствознания и Музей Искусств Узбекистана. Руководитель А. И. Тереножкин, архитектурное наблюдение автора). Отчет о работах 1940 г. см. в Трудах Института истории и Археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948 г.

² Монеты определены О. И. Смирновой.

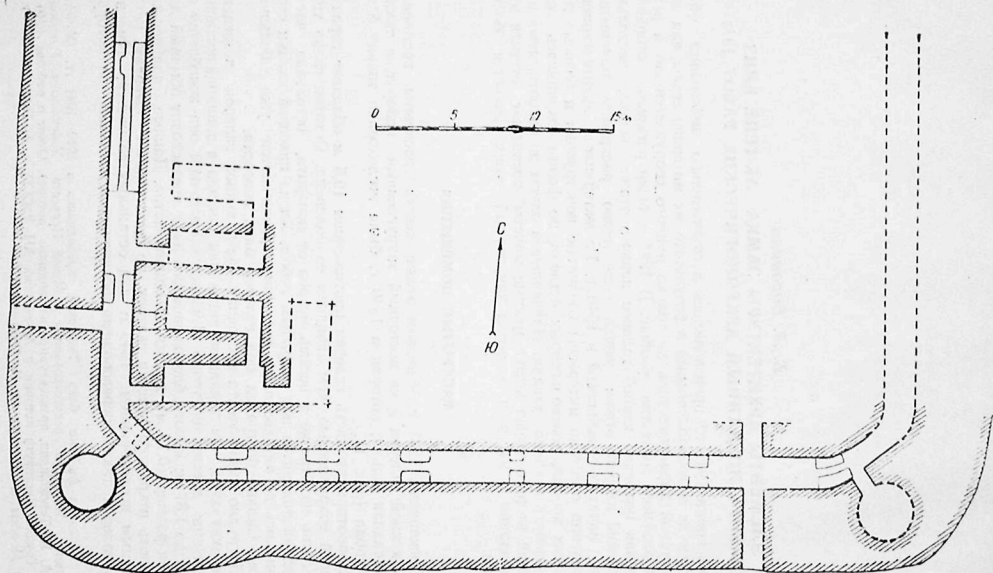

Рис. 1. План первого этажа кешка по данным 1940 и 1941 гг.

сохранились отчасти только две ближние к середине; ближе к повороту намечаются еще две. Уровень пят свода может быть прослежен более или менее последовательно только на внешней стене, где он равномерно повышается от середины к восточному концу, но близ поворота, к сожалению, не может быть определен. На внутренней стене пята различается только у самого поворота, тем не менее, судя по последней отметке южной пята, на повороте уровень пят обеих стен должен был совпадать. Таким образом, наблюдение над восточным концом галереи подтверждает заключения, которые были сделаны по поводу свода галереи в результате работ 1940 г.:

1) Уровень пята свода внешней стены постепенно и равномерно понижается в направлении движения часовой стрелки.

2) На поворотах пята свода находятся на одном уровне.

3) К середине протяжения галереи уровень пята внутренней стены повышается по сравнению с внешней стеной. Принцип работы такого «ползучего» свода подобен принципу аркутана¹.

Благодаря отмеченной особенности пята свода на внешней стене представляются в разрезе прямой наклонной линией, тогда как пята внутренней стены образует искривленную линию, обращенную кривизной вверх. Максимальный прогиб составляет 20 см.

Что касается пола галереи, то в средней части он понижается обычным порядком, по часовой стрелке, но ближе к повороту, повидимому, имеет некоторое отклонение от этого правила, о чем точнее трудно судить из-за плохого состояния пола.

За четыре метра до поворота в галерее открываются два проема. Первый из них шириною 1,15 м, второй — 1,12 м. Оси их не совпадают на 25 см — внутренний проем несколько ближе к повороту. Свод наружного проема обрушился; внутренний утерял основную дугу кладки, обнажена кривая поверхность из пята положенных тычком кирпичей. Толщина внутренней стены здесь составляет 2,05 м. Помещение, которое лежит за стеной, не раскрыто ввиду опасности обрушения покрытия. В наружном проеме виден слой пахсовой кладки шириною 2,00 м, который не исчерпывает всей толщины стены. Восточный угол наружного проема сложен необычным образом: пахсовые блоки смыкаются «в у с», т. е. шов получается по биссектрисе угла. При этом слои пахсы галереи и проема не совпадают по высоте, в первом случае они составляют 93 и 35 см, во втором 82 и 35 см; пол проема несколько понижен сравнительно с полом галереи. Очевидно, здесь смыкаются две разновременные кладки. Западный угол положен нормально, т. е. слои пахсы образуют угол без разрезки.

Поворот галереи заложен хорошо сохранившимся кирпичным массивом, в котором оставлен обычный узкий и низкий проход со сводком (рис. 2). Кладка этой поперечной стенки сделана сравнительно аккуратно и сохранилась выше пята; над нею видна обочолка свода хорошей сохранности. Прямолинейный отрезок галереи на юго-восточном углу кешка имеет в ширину всего 1,28 м (на юго-западном углу ширина поворота 1,55 м). Свод в этом месте сохранился, но недостаточно хорошо. Ход в угловую юго-восточную башню сильно сдвинут к югу и начинается на самом закруглении, так что поперечная стенка несколько закрывает его. Ширина хода 95 см, высота 160 см. Длина хода в

¹ Дальнейшие наблюдения над древними постройками Средней Азии установили, что подобная особенность конструкции свода с расположением пята на разных уровнях обычна для галерей и помещений, ограничивающих здание (Осрушана, Херезм). Она имела место и в зодчестве зарубежного Востока, напр. в парфяском здании на Кух-и Ходжа в Сенстане.

башню: здесь меньше, чем на юго-западном углу и равна 123,5 м. (рис. 3). Сама башня в 1941 г. не раскрыта; небольшая расчистка близ входа показывает, что она имеет круглую форму.

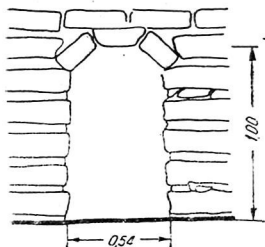

Рис. 2. Сводик поперечной стены на повороте галереи.

Была расчищена полностью юго-западная башня. Пол ее лежит на одном уровне с полом галереи, стены состоят из пахсовых блоков, положенных в три ряда. Гладко отполированная поверхность пахсы прекрасно сохранилась. Вертикальные швы—четкие и широкие (до трех сантиметров). Бойницы отсутствуют. Под основанием купола—четыре ряда кирпича плашмя.

Этим ограничили исследование 1941 г. в первом этаже кешка, но полученные данные достаточно интересны. Они подтверждают выводы, сделанные относительно конструкции и особенностей галереи на основе обмеров предыдущего года.

На всем доступном наблюдению протяжении галереи мы видим всего два наружных проема—по одному на стороне близ башен, примерно на одинаковом расстоянии от них. Проемы, видимо, назначены были для вылазок во время осады замка, и башни защищали их справа с тем, чтобы входящий воин был обращен к башне правой стороной тела, не защищенной щитом.

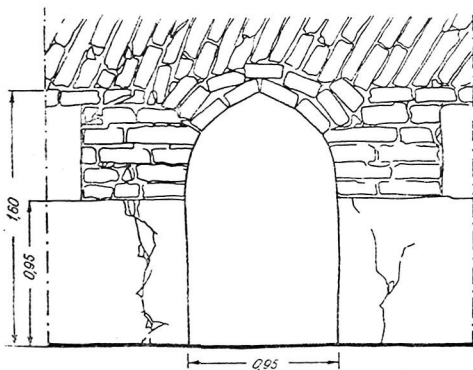

Рис. 3. Вход в юго-восточную башню.

Надо заметить, что при подобном расположении проемы превосходно осуществляют и задачу вентиляции длинного и узкого корридора: утром, когда массы воздуха с южной и западной стороны здания на-

греты неравномерно, в галерее получается ток воздуха с востока на запад, который ясно ощутим и достигает особенной силы перед полуднем. Возможно, что помещения внутри здания соединены друг с другом с тем расчетом, чтобы они могли проветриваться через те же наружные проемы (хотя воздушное течение в этом случае было бы гораздо более слабым).

Расчетка дала возможность уточнить также взаимное положение западной галереи первого этажа и «зала со сводами» второго этажа, приходящегося над серединой нижних комнат поперечно их оси.

Общую конфигурацию первого яруса кешка Ак-Тепе, очевидно, следует представлять себе в виде прямоугольника (вероятно квадрата) с внутренним двором, галереей и угловыми башнями по внешнему контуру. Прямые аналоги подобного рода лишь недавно обнаружены исследователями А. Н. Бернштама—это чрезвычайно любопытная постройка Чалдывар, квадратного плана, с двором, внешней галереей (впрочем: не сплошной) и угловыми башнями.

Несмотря на то, что Чалдывар и Ак-Тепе, сходство которых справедливо отмечено А. Н. Бернштамом¹, пока остаются единственными образцами планировки данного типа в Средней Азии, они, без сомнения, не были в свое время случайными или исключительными. Напротив, они представляли собой прочно сложившийся, устоявшийся тип, который положил начало характерным формам иранских каравансарав — «ханов» с угловыми башнями, с центральным двором и конюшнями, расположенными позади жилых помещений в виде периметральной галереи. Преемственность форм здесь настолько ясна, что не требует доказательств.

Прием планировки Ак-Тепе был, таким образом, не одинок, а типичен и принят достаточно широко, оставив след в зодчестве Ближнего Востока.

Во втором этаже кешка раскопками 1941 г. раскрыто несколько не сохранивших покрытия помещений, занимающих северо-западный угол здания. Характером постройки они резко отличаются от «зала со сводами», как мы будем условно обозначать помещение, открытое в 1940 г. Стена сложена не из блоков с четкими вертикальными швами, а из сырца с глино-саманной штукатуркой или в чередовании сырца с тонкими слоями пахсы. С запада эти постройки и «зал со сводами» облечены общим внешним слоем кладки из сырца с прослойками пахсы, тем не менее структура и план этих построек свидетельствуют о позднейшем добавлении их. Общая планировка построек, в противовес правильной разбивке «зала», беспорядочна и случайна, стены их примыкают вплотную к скошенной поверхности северной стены той части здания, где расположен зал и которая представляет как бы основной корпус застройки. Коридор зала обрывается высоко над полом одного из новых помещений и, возможно, соединялся с ним деревянной приставной лестницей. Разность уровней пола составляет до двух метров. Описываемое новое помещение было, видимо, крытым двором. (На полу обнаружены следы пары стоек). Пол его—утрамбованная земля. Шурф в южной части помещения дал любопытный результат: на 90 см ниже уровня пола оказалась оболочка свода внутреннего помещения первого этажа — кладка наклонными отрезками толщиной в один кирпич. Таким путем мы получили возможность нанести в плане первого этажа пунктиром еще два помещения (рис. 1), кото-

¹ А. Н. Бернштам, Постройка Чалдывар на реке Манакельды в Центральном Тянь-Шане, Архитектура республик Средней Азии, М., 1951, стр. 248.

рые плотно забиты глиной, как и те, что раскрыты в 1940 г. Отсюда видно, что постройки второго этажа возведены над сводами первого на сравнительно тонкой подушке из утрамбованной земли после того, как комнаты первого этажа были плотно забиты пахсой, из чего следует, что первый и второй этажи одновременны, при этом южная часть застройки последнего старше северной, которая в свою очередь носит следы перестроек и дополнений. Таким образом, первый этаж кешка может быть, видимо, отнесен к VI в. или даже более раннему времени.

Из помещений новооткрытой части второго этажа интересны в архитектурном отношении комнаты: с базами и купольная.

Примыкающая к упомянутому дворику просторная комната, где найдены базы, представляет собою квадрат $7,35$ м в стороне и являет черты архитектурной организации: вокруг стен идет низкая лежанка, прерываемая тремя дверными проемами; высокий балочный потолок опирался, по видимому, на пару колонн, поставленных близ лежанок по оси север-юг. Судя по моделировке баз, колонны также имели архитектурно продуманный облик, но сохранилась лишь форма баз, которая весьма интересна и сама по себе. Стены лишены какой-либо декорации. На север, в сторону двора, ведет изогнутый под прямым углом узкий проход ($0,84$ м).

Наиболее интересна по архитектуре купольная комната второго этажа, также квадратная, но очень тесная — $2,70$ м в стороне (рис. 4).

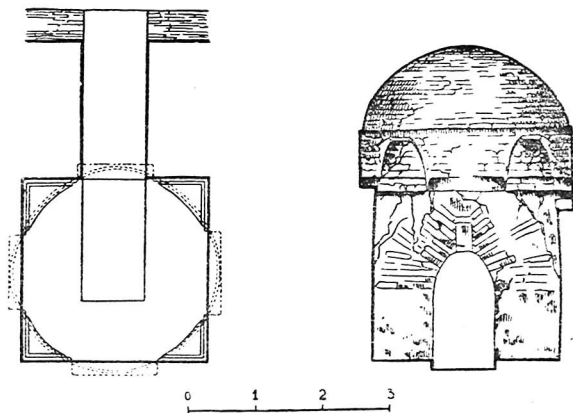

Рис. 4. Купольная комната кешка второго этажа, план в разрезе (реконструкция).

Стены, установленные точно по сторонам света, непомерно толсты. Как показывает пролом, восточная равна $2,50$ м, а северная — $2,77$ м, т. е. превосходит ширину помещения. Кладка слоями пахсы и сырца облицована глино-саманной штукатуркой. Единственно открытый восточный фасад покрыт панцырем сырцовой кладки, образующей с вертикалью откос около 18° . Сюда выходит дверь комнаты (без деревянных частей) шириной $0,95$ и высотой $1,78$ м, причем, как и везде в зда-

нии, обнаружена конструкция сводика, которая своеобразна и отлична от всех других (рис. 5). Пол и огибающая комнату лежанка высотой 12 см выстланы сырцом. Стена южнее входа закопчена — здесь, видимо, помещался на какой-нибудь подставке светильник. Комната покрыта куполом на поясе тропов любопытной системы. Это старейшая по времени зафиксированная купольная конструкция в Средней Азии.

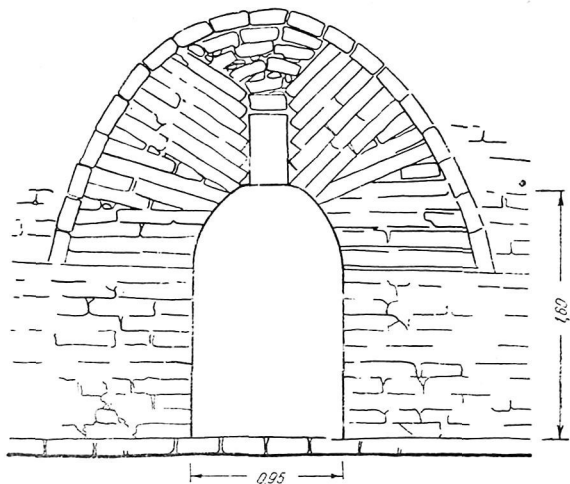

Рис. 5. Ход в купольную комнату второго этажа

Оболочка купола в большей части разрушена, полностью сохранился только один из тропов, однако, уцелевшие фрагменты вполне достаточны для реконструкции, которая и представлена здесь в чертеже (рис. 4).

С юга и севера к описанному помещению примыкают комнаты с очагами. Северная $5,10 \times 5,30$ м, неоднократно переделывалась — вначале, будучи шириной 3,65 м, она имела свод, затем была расширена и покрыта балочным потолком, очень низким (может быть, антресоль). Стены — пахса и сырец $42-46 \times 22-23 \times 9$ см. С трех сторон комнату огибает низкая лежанка, а посередине расположен очаг в виде гладкой площадки — полуовала закругленным к югу. Он также с течением времени и повышением уровня пола (обнаружены три уровня пола) менял размеры и форму. Очаг сложен из сырца, гладко обмазан глиной, в северной части его имеется небольшая лунка. Южная комната представляет собой крошечную коморку с лежанкой вдоль двух стен; очаг имеет здесь грушевидную форму.

Новооткрытый комплекс в целом назначался, видимо, для жилья.

В хорезмийской Джанбас-Кала (1 в. н. э.) обнаружена комната с очагом, который по всем данным тождествен ак-тепинским — гладко

обмазанная площадка с лежанками вокруг. Эта комната с очагом определяется проф. С. П. Толстовым как «алау-хона» — древнее святилище огня¹. Актепинским комнатам с очагами такое определение не может быть присвоено, поскольку оформление их отнюдь не носит торжественного характера и они не только не выделяются по сравнению с другими помещениями, но даже много скромнее этих помещений, особенно южная непрезентабельная каморка, примыкающая к скошенной внешней поверхности стен более раннего здания. К тому же здесь в непосредственной близости друг от друга налицо две комнаты с очагами что едва ли имело смысл при культовом их назначении. Поэтому естественно считать их жилыми комнатами. Отсюда поколеблена и версия джанбас-калинской алау-хона, которая в сущности также не имеет какого-либо торжественного оформления. Что касается зательной и аккуратной формы очага во всех названных случаях, то она весьма напоминает устройство современных хивинских домов: именно такие же разнообразного очертания гладкие площадки «тандырча» служат для выгребания оставшегося от приготовления пищи угля. Этим способом греются сидящие вокруг. Площадка примыкает к очагу для варки пищи («оташдон», «учак»). В худжрах хивинских медресе имеются каминные и подобные же площадки, но расположенные отдельно от первых. По аналогии с этим существующим по сей день обогревательным устройством можно трактовать и роль древних актепинских очагов: на них не разводили огня, а лишь клали горячий уголь (ямка обоях очагов носит следы золы). Прообразом такого устройства является и джанбаскалинский очаг.

Насчет назначения купольной комнаты мы определенных сведений не имеем. По своим архитектурным данным она резко отличается от окружающих помещений. Вернее всего эта постройка принадлежит более раннему строительному периоду и обстроена с трех сторон помещениями комплекса впоследствии. Пролом в северной стене показывает, что стены купольной комнаты и стены помещения с очагом раздельны. А поскольку эта небольшая постройка была некогда самостоятельной, не исключено культовое ее назначение.

Достопримечательностью комплекса является подземный ход, прорытый в пахсовых пластах, а затем в толще холма, на котором стоит здание. Рядом с входом в купольную комнату открывается отвесная прямоугольная шахта шириной до двух метров и глубиной шесть метров. На этой глубине начинается ход со ступенями, ведущий на север и поворачивающийся постепенно сначала на восток, а потом на юг. Открыты 23 ступени, дальше, видимо, начинается площадка. Ход не был раскрыт до конца — раскопки остановились примерно на уровне полей, окружающих памятник, и назначение его осталось неразгаданным. Являлся ли он потайным ходом, ведущим из замка? В этом случае непонятны его последовательные повороты, как бы имеющие целью удержать его в пределах замка. Или это ход к подземному водохранилищу, предусмотренный на случай осады? Во всяком случае едва ли им пользовались, так как ступени совершенно не стертые. Подземный ход представляет одну из интереснейших деталей устройства здания, которая ждет своего разрешения.

СВОДЧАТЫЕ КОНСТРУКЦИИ

При раскопках 1941 г. получен исключительно благодарный материал по сводчатым конструкциям. К богатой коллекции сводов 1940 г.

¹ С. П. Толстов, Древности верхнего Хорезма, Вестник древней истории, 1941, № 1 стр. 164, 165. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, рис. 24-а.

добавлены четыре новых типа сводов и купол на тропках. Таким образом, к настоящему времени раскопками на Ак-Тепе обнаружено тринадцать типов сводов и два купольных покрытия.

Простейшим из новооткрытых является хорошо сохранившийся сводик прохода в поперечной стенке на повороте галереи (рис. 2), который отличается от сводов других поперечных стенок тем, что составлен не из двух кирпичей, а из трех.

Совершенно не поврежден свод хода в юго-восточную башню (рис. 3), уцелевший лучше остальных раскрытых раскопками сводов замка. Сложен он по тому же способу, что и другие проемы галерей, но не подобен ни одному из них. На слой пахсы высотой 95 см положены плашмя пять рядов кирпича, занимающие в ширину по фасаду 65 см. Три ряда кирпича положены с напуском и отесаны по окружности $R=95$ см, образуя нижнюю часть свода. На четвертый ряд опирается пятой верхняя часть свода, каждая половинка которого состоит из двух кирпичей, уложенных тычком. Смыкание верхних кирпичей образует тупой угол. Над основной оболочкой свода проложен дополнительный слой кирпича, на который опирается кладка свода галерей. На высоте 1,48 м от пола различается пята свода галерей, образованная рядом кирпича, положенного плашмя тычком.

Ценно то, что ход в юго-восточную башню позволяет наблюдать очертание кривых поверхностей сводов галерей и выходящего в нее проема, а также способ смыкания кладки того и другого, что в остальных раскрытых частях галерей невозможно по причине разрушения. Надо заметить, что своды проемов галереи везде выше пята ее свода. Поэтому, хотя и немного, кривые оболочки сводов врезаются одна в другую. Это обстоятельство создало, разумеется, некоторые затруднения при кладке, так как проемы галерей обладают незначительной высотой, заставляющей входящего нагибаться, и не могли быть еще более снижены. Но, как видно на данном примере, строитель выходил из затруднения весьма непринужденно, не меняя приемов кладки и не маскируя с поверхности структуру проема, которая читается по фасаду как в разрезе. Неприятным следствием взаимного пересечения сводов является разрыв пята свода галереи, подчеркнутой столь четко тычковым рядом кирпича.

Исследование подтвердило правильность реконструкции свода проема комнаты № 1 первого этажа, данную в 1940 г.¹ Мы имеем, таким образом, целую серию арок, венчающая часть которых выполнена кирпичом по дуге плашмя. Этот вариант кладки находит параллели в постройках Афраснаба IX—X в.² и кое-где в зодчестве Согда³.

Своеобразен по структуре свод проема купольного помещения во втором этаже (рис. 5). Внешний вид свода очерчен возвышенной параболической кривой. Начало кладки образовано несколькими рядами кирпича плашмя, выше ряды кирпича получают некоторый наклон, далее с обеих сторон — по семь рядов кирпича, положенных с большим наклоном, заклинивают посередине замковый кирпич постелью к зрителю. Над замком уложено тычком несколько рядов кирпича, заполнивших верхнюю часть свода. Кладка свода, обрамленная наличником из кирпичей тычком заподлицо с поверхностью стены, отличается некото-

¹ В. Л. Воронина, Архитектура замка Ак-Тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г., Труды института истории и археологии АН УзССР, вып. I, Ташкент, 1948, рис. 9 справа внизу.

² В. А. Шишкин, Из археологических работ на Афраснабе, Известия УзФАН, Ташкент, 1940, 12, рис. 4.

³ Из наблюдений автора в работах Таджикско-Согдийской экспедиции ЛОИИМК АН СССР, 1946—1949 гг.

рой неправильностью — уровень пят не горизонтален, левая и правая части кладки не вполне симметричны; но в целом свод своеобразно красив.

Плавность очертания контура приводит к мысли найти закон построения кривой. В данном случае, впрочем, приходится учесть известные неправильности в кладке — наклонное положение пят и некоторую небрежность выполнения. Но если принять некоторые условные коррективы, анализ построения представляется в следующем виде, указанном на рис. 6 (рис. 6).

Периферия кладки обрисована трехцентровой кривой, причем нижние центры приходятся ниже уровня пят, а верхний — на нижней гра-

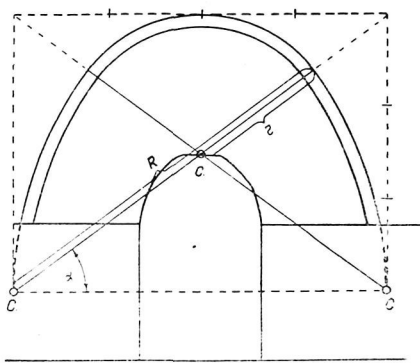

Рис. 6 Построение кривой проема купольной комнаты

ни замкового камня. Вся система построения укладывается в прямоугольник с соотношением сторон 3 : 4 и верхний центр лежит на пересечении диагоналей. Таким образом, прием начертания основан на так называемом египетском треугольнике. Расстояние между нижними центрами разделено на три части и среднюю треть занимает проем. Очертания последнего более элементарны и не согласованы с построением внешней кривой.

Система «египетского треугольника» пользовалась широкой известностью в зодчестве древнего Востока. Подобным способом строились трехцентровые египетские своды, арки и своды сассанидских дворцов.¹ Египетский треугольник клался также в основу пропорций самой постройки.

Над шахтой сохранились фрагменты свода, где кладка неразличима, зато прослеживается на западной стороне почти до замка кривая свода, что и дало возможность анализировать способ построения кривой в целом. Этот опыт дает интересный результат (рис. 7) — здесь кривая строится из пяти центров. Система построения намного сложнее, чем в предыдущем случае.

¹ Dieulafoy, *L'art antique de la Perse*, Paris 1875, part 4, p. 13.

Здесь также нижние центры кривой оказываются ниже пят свода. Строим прямоугольник, основанием которого A будет расстояние между нижними центрами CC , а высота равна высоте кривой свода; проводим диагонали. Радиусом CC до пересечения с диагоналями вычерчиваем нижние участки кривой. Из тех же центров CC радиусом, равным высоте прямоугольника, засечкой на диагоналях находим вторую пару центров CC . Пятый центр C' лежит на уровне нижних центров по оси свода. При этом, называя соответственно радиусы кривизны R, r, r , получим

$$\begin{aligned} k &= A \\ r &= A - h \\ r^2 &= h \end{aligned}$$

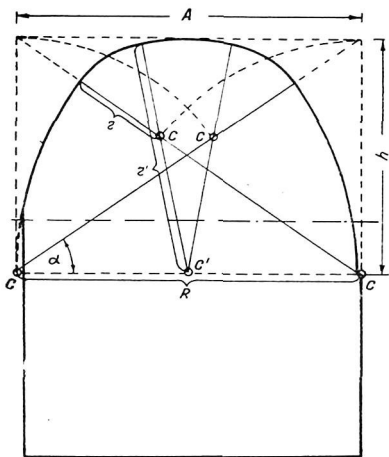

Рис. 7. Построение кривой свода над шахтой.

Налицо чрезвычайно интересная, достаточно сложная система отношений. В реальности этого метода едва ли можно сомневаться, поскольку кривая, построенная этим методом, отвечает существующей в природе с точностью до 0,01. Но особенно интересно то, что прямоугольник имеет пропорцию $1 \sqrt{2}$ (т. е. $A : h = \sqrt{2}$), весьма известную в истории зодчества. Применение данной системы к построению кривых свода до сих пор оставалось неизвестным и, возможно, является локальным признаком.¹

Красивые арки-своды западного «зала» второго этажа также очерчены из пяти центров, но кривые строятся иначе. Нетрудно заметить, однако, что и там нижние центры находятся ниже пят свода, что, таким образом, является общей чертой для сводов второго этажа. Чем объяснить подобное свойство? Достаточно правдоподобным кажется предло-

¹ Подтверждается анализом одной из арок замка Мунчак-Тепе (Фархадская археологическая экспедиция АН СССР, 1943 — 1944 г.).

ложение, что здесь столкнулись между собой стремление сделать свод более прочным, устойчивым (для чего кривая поднимается круто вверх) и невозможность дать ему большой подъем из-за малой высоты помещений. Часть кривой приходилось поэтому срезать. Купол в комнате второго этажа разрушен довольно сильно, однако, поддается реконструкции (рис. 4). Он покоится на поясе тропмов, из которых хорошо сохранился северо-восточный; юго-восточный виден частично, остальные разрушены.

Тропмы конической формы, но сложены горизонтальными рядами сырца с напуском (6 рядов), причем верхняя часть дуги срезана. Они вкомпанованы в пояс кладки, имеющей в плане очертания восьмигранника с неравными сторонами и округленными углами. На каждой из сторон пояс тропмов углубляется в стену на 23—25 см (рис. 8 и 9).

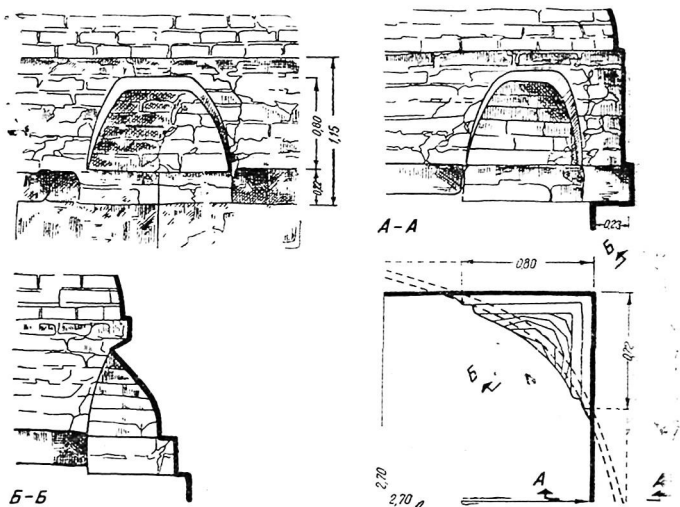

Рис. 8. Тропмы купольной комнаты

Внизу этот пояс подрезан, но тропмы опираются на полочку из двух слегка выступающих рядов кирпича. Неправильность конфигурации пояса тропмов сказывается на очертаниях купола, который получает в плане мятую форму. Надо заметить, что купол сложен из более мелкого кирпича (видимые размеры 5×23 см, 10 рядов + 10 швов = 50 см)

В конструкции купола перемещены самым неожиданным образом архаизм и прогрессивное начало. Действительно, с одной стороны диаметр купола больше стороны основания, с другой стороны — наличие развитый пояс тропмов; архаизм формы тропмов усугубляется приемом кладки напуском. Это как будто первые шаги на пути к конструкции, где поперечник помещения и купола совпадают. Здесь начальный тип

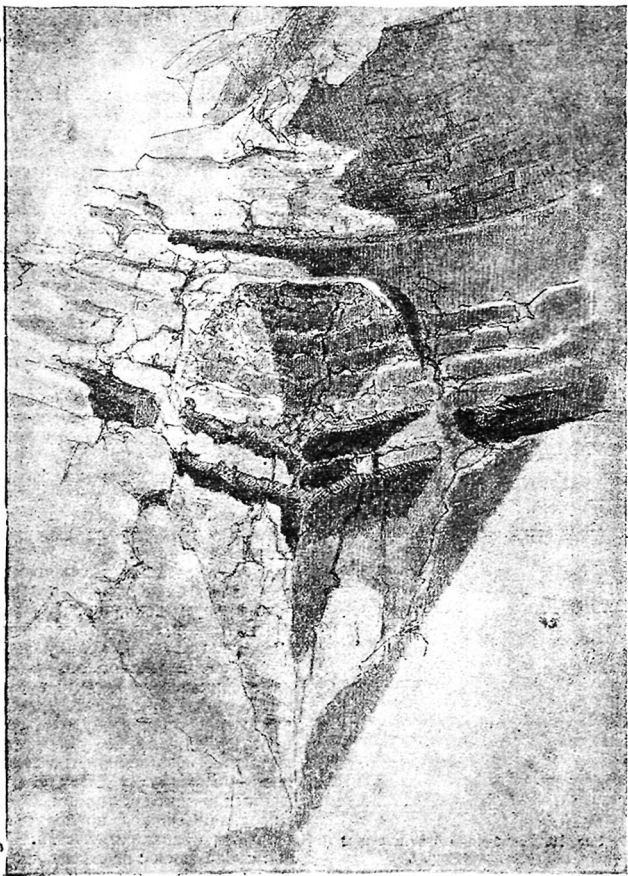

Рис. 9. Гроуп купольной комнаты

купола на квадратном основании изживает себя и формы знаменуют поиски путей к достижению более прогрессивного приема. Классический тип древней купольной конструкции открыт на Афрасиабе В. А. Шишкиным: оболочка купола с врезанными в нее тропмами покоится непосредственно на стенах комнаты.¹ Аналогичная афрасиабской форма купола известна в зодчестве сасанидского Ирана (храм дворца в Фирузабаде, храм огня близ Гирана).²

ДЕРЕВЯННЫЕ БАЗЫ КОЛОНН

Одним из самых замечательных открытий в раскопках 1941 г. являются, без сомнения, деревянные базы колонн.

Они найдены, как уже упоминалось, в комнате второго этажа кешка. Дерево сгнило почти без остатка. Но, несмотря на это, благоприятное обстоятельство сохранило форму баз: глина завала была в свое время смочена дождями и в ней отпечатались все детали, подобно тому как сохраняют пласти угля очертания древних животных и растений.

При этом нижние части несколько пострадали в передаче, так как здесь слой земли был рыхлый, но верхние отличаются удивительной отчетливостью. Оставшиеся пустоты были залиты гипсом. Полученные таким образом отливки хранятся в Музее искусств Узбекистана.

Помещенный ниже чертеж представляет собою реконструкцию, выполненную автором (рис. 10).

Базы идентичны по форме и лишь слегка отличаются по размерам. Приводимые цифры относятся к базису на северной стороне комнаты.

Форма базы расчленяется на нижнюю и верхнюю части — основание и венчание. Первая, квадратная в плане, посередине слегка суживается, вверху снабжена парой желобков, внизу же заканчивается косыми гранями. Верхняя часть — восьмиугольная с несколько вогнутыми гранями, украшена по углам шишечками, напоминающими «имджак» — выстпы на базах современных хивинских колонн. Восьмигранная фигура повернута к сторонам основания углами. Базис соединялся с фустом посредством шипа, который также

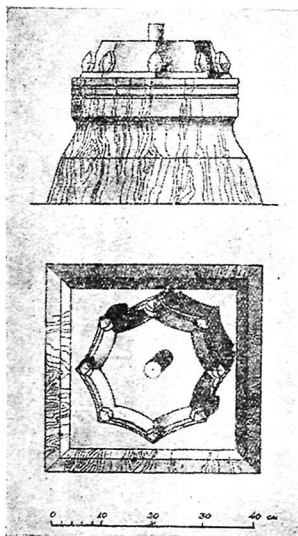

Рис. 10. Деревянная база колонны (реконструкция).

совершенно отчетливо отпечатался в глине — отсюда, видно, что колон-

¹ В. А. Шишкин, Из археологических работ на Афрасиабе, Известия УзФАН, Ташкент, 1940, 12, стр. 65.

² Herzfeld, Archaeological History of Iran, London, 1935, fig. 12, 13.

ны были своевременно взяты и унесены из постройки до полного ее разрушения. Ширина стороны основания 45 см, полная высота базиса 40 см.

Облик базиса свидетельствует о том, что формы самой колонны носили архитектурно сложившийся тип.

Анализ деталей базиса приводит к двум весьма существенным выводам:

1. Деревянный базис в Ак-Тепе представляет собою вполне сложившуюся, характерную для своей эпохи в Средней Азии деталь колонны.

2. Он является очевидным прототипом той же детали современных деревянных колонн в Узбекистане.

Для доказательства первого тезиса сравнительным материалом может служить опубликованный Б. Н. Кастальским оссуарий из Бия-Наймана.¹ Здесь нет надобности останавливаться на общем описании тер-

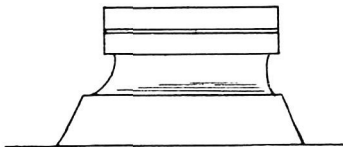

Рис. 11. База колонны на бия-найманском оссуарии

ракоты, поскольку она заслужила достаточно широкую известность. А. Я. Борисов датирует эту группу терракот VII в. н. э.² Рельеф названной терракоты изображает, как известно, аркаду на колоннах. Колонны имеют базы того же типа, что и ак-тепинский (рис. 11). Тот же суженный перехват, скошенное основание, желобки в верхнем поясе. Отсутствует лишь восьмигранное венчание. Отчетливость изображения колонн на рельефе, его правдивость является ручательством того, что мастером за образец был взят реальный тип колонны. Это сложившийся тип колонны Согдианы, дошедший до нас в миниатюре. Сходство деталей здесь поэтому отнюдь не является случайным.

Не менее очевиден второй тезис. Сравним ак-тепинскую находку с типичной для большинства городов Узбекистана формой деревянного (и каменного) основания колонны. Общими в данном случае будут такие черты: 1) верхняя восьмигранная часть; 2) квадратное основание, 3) суженный перехват посередине. Правда, соотношение частей в обоих случаях весьма различно, но принципиальное сходство при сопоставлении этой архаической формы с современной остается неоспоримым.

Здесь не имеет смысла затрагивать вопросов семантики колонны, которые требуют специального расширения темы и будут рассматриваться в отдельном исследовании.

Находка ак-тепинских базисов представляет, безусловно, своеобразный случай сохранения деревянной формы в отпечатке, едва ли имеющий прецеденты в археологии.³

¹ Б. Н. Кастальский, Бия-Найманские оссуарии, Протоколы заседаний туркестанского кружка любит, археологии, год XIII (1909).

² А. Я. Борисов, К истолкованию изображений на бия-найманских оссуариях, Труды Отдела Востока, — Государственный Эрмитаж, т. II.

Е. А. Давидович

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

Древние и средневековые монеты, являющиеся важнейшим вспомогательным историческим источником, дополняющим и исправляющим подчас скудные и противоречивые сведения восточных авторов в части политической истории, исторической географии и т. п., имеют в то же время совершенно особенное и самостоятельное значение для изучения одной из сторон экономики — торговли и денежного обращения. При этом ценность монет как исторического источника многократно возрастает, если известно точное место их обнаружения.

Значение регистрации монетных находок прекрасно понимали все крупнейшие и передовые русские нумизматы-востоковеды, начиная с Х. М. Френа¹. Однако до Великой Октябрьской социалистической революции в этом аспекте изучались и публиковались только отдельные группы монет, находимые преимущественно на территории самой России и сопредельных стран, т. е. в первую очередь т. н. куваческие и джучидские монеты. Научной же регистрации на местах, в самой Средней Азии или на Кавказе, — не было, хотя здесь складывались довольно многочисленные и интереснейшие коллекции восточных монет.

Такой односторонний и выборочный, непланомерный характер регистрации объясняется в первую очередь тем, что нумизматические коллекции собирались главным образом любителями-коллекционерами, которые и не рассматривали монеты как исторический источник. Нельзя не отметить, что такой узкий взгляд на монеты как на объект простого коллекционерства — порок не только любителей, но и многих буржуазных специалистов-нумизматов.

Регистрация находок восточных монет после Октябрьской революции получила новую значимость. Работа русских нумизматов в этом направлении не только была продолжена в центре, но и развернулась на местах, на Кавказе и в Средней Азии. С этого времени новым в работе нумизматов является, во-первых, систематический характер регистрации не только кладов, но и отдельных монет, не только поступивших в музеи, но и остающихся у находчиков материалов, во-вторых, максимально полный характер регистрации, охватывающей уже не какие-либо определенные группы монет, а именно все монеты, любого происхождения, обращавшиеся на данной территории или иным путем попавшие на нее.

¹ В. Г. Тизенгаузен, Обзор современных в России трудов по восточной нумизматике, СПб, 1878.

Зачинателем такой планомерной регистрации на Кавказе является Е. А. Пахомов, опубликовавший к 1949 г. уже более полутора тысяч различных монетных обнаружений. Широкие задачи и необходимость такого рода работы, прекрасно обоснованные автором в преисловии к первому выпуску его «Монетных кладов Азербайджана и Закавказья», определили двойной характер регистрации: во-первых, учет всех монет, когда-то обращавшихся и обнаруженных на территории Кавказа, вне зависимости от места их чекана; во-вторых, учет всех кавказских монет, обнаруженных вне пределов Кавказа. Богатейший материал, собранный в пяти выпусках «Монетных кладов» Е. А. Пахомова, позволял автору сделать ряд интереснейших наблюдений и заключений и является прекрасным источником для широкого изучения денежного обращения на Кавказе.

В Средней Азии регистрацию монетных находок за различные отрезки времени систематически проводил М. Е. Массон, опубликовавший свыше ста пятидесяти монетных обнаружений и сборов, сначала в трех выпусках, включающих материалы по всей Средней Азии, а затем в отдельных статьях, излагающих данные по республикам. Следует упомянуть также сводку монетных находок в южной Туркмении, составленную З. А. Альхамовой по опубликованным с 1884 г. по 1946 г. материалам.

Настоящая работа имеет также регистрационный характер, однако, большинство публикуемых монет, представляющих интерес не только фиксацией пункта их обнаружения, снабжено достаточно подробным комментарием. При этом в работу включены только те неопубликованные монеты, которые были обнаружены на территории Узбекистана и переданы на определение автору. Публикация пополнена значительным списком монет, составленным В. А. Шишкиным по монетным находкам на городище Варахша и при раскопках мечети Магоки-Аттари в Бухаре.

РАЙОН ТАШКЕНТА

№ 1. На кафедре археологии Средней Азии САГУ хранится клад медных монет, найденный в 1908 г. в Той-Тюбе, близ Ташкента. В инвентарной книге монетных поступлений кафедры он определен под № 14, как «Клад медных илекских монет XII в. в стопке». После очистки слеснягося столбика монет оказалось, что клад состоит из двадцати трех экземпляров, чеканенных в Уздженте, от имени Ибрахим-Арслан-хакана. Клад демонстрирует часто встречающийся тип узджендских монет Ибрахим-Арслан-хакана. На их лицевой стороне, в фигурном картуше, заключенном в двойной линейный ободок с точечным кругом посередине,— имя и часть титула государя тремя строками: **ابراهيم ارسلان خاقان** кругом — остальная его титулатура:

الخاقان العالم العادل لاعظم نصره الدنيا والدين

На обратной стороне, в восьмиконечной двухлинейной звезде,—суннитский символ веры (вариант: «Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад посол Аллаха»), а кругом, в сегментовидных отсеках — выпускные сведения. На большинстве монет, сохранивших дату, читается 570/1174--75 г., на нескольких экземплярах также 571/1175—1176 и 572/1176—1177 гг.

Описанный тип монет, по имеющимся сейчас данным, выпускался в Уздженте ежегодно в течение пяти лет — с 570/1174—1175 по 574/1178—1179 г. После того, как в этом же 574/1178—1179 г. Ибрахим-Арслан-хакан овладел сначала Самаркандом, а позже и Бухарой,

он оставил Узденд, и последний перешел во владение других членов иллекского дома.

№ 2. В 1948 г. в трех-четыре километра к юго-востоку от сел. Зенги-Ата, Ташкентской области, с северной стороны городища Май-Тепе при земляных работах были обнаружены три монеты: одна золотая (ее описание и датировку см. ниже, под № 4) и две медные. Для осмотра места их обнаружения был командирован научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН УзССР. С. К. Кабанов, который и доставил эти монеты в Институт.

Две медные монеты представляют значительный интерес, так как принадлежат малоизученному позднеилекскому чекану. Обе они выпущены в Бинакете, но не сохранили в своих легендах точной даты, которая поэтому устанавливается примерно привлечением аналогичных, также неопубликованных, экземпляров Бинакетского чекана.

Одна из этих монет, меньшего размера (д—32—33 мм) и веса (в—3,52 г), на лицевой стороне содержит легенду в пять строк с почетным эпитетом, титулом и именем государя:

ركنى الخاقان العادل عماد الدنيا و الدين الخ جفرى خاقان

(«Рукни» Ал-Хақан аль-адиль 'имад ад-донья уа-д-дин улуг Джары хақан). Круговая легенда с выпускными сведениями между двумя линейными ободками в основных частях стерта. На обратной стороне ее в двухлинейном квадратном фигурно пересеченном картуше тремя строками проставлен суннитский символ веры (вариант: «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад посол Аллаха») и имя халифа Насира («Ан-Насир лидиниллах»). По сторонам сохранилось наименование города («Бинакет») и обозначение сотен (пятьсот). Для датировки этого типа Бинакетских монет особенное значение имеют два неопубликованных и совершенно аналогичных описанному, хранящихся в Музее истории АН УзССР¹ экземпляры, поскольку на одном из них дата читается полностью — 594/1197—1198 г. Это дает основание прийти к выводу, что монета из Зенги-Ата также чеканена в указанном или близком году.

Вторая монета из Зенги-Ата (д—38—40 мм; в—6—10 г.) представила некоторые затруднения в части прочтения почетного эпитета и имени государя. Публикуя совершенно аналогичные экземпляры, А. К. Марков имя государя не прочел, ограничившись приведением начертания, скопированного к тому же очень неточно². Т. Миргиязов имя государя читал как «Ахад Джагры» или «Ахад бен Джагры»³.

Такое чтение на первый взгляд кажется очень удачным, так как могло бы составить целую маленькую династию иллекских правителей Бинакета: сначала Джагры-хана первая монета из Зенги-Ата), а потом его сына Ахада. Однако палеографический анализ совершенно исключает такое чтение и интерпретацию. Т. Миргиязовым правильно определены только первая и третья буквы предполагаемого имени «Ахад» именно как «а» и «д». Вторая же буква ничего общего не имеет с формой начертания «х» по всем другим примерам как на данном экземпляре в словах «хақан», «Мухаммад» и «Дажгры»).

¹ Музей истории АН УзССР, нумизматический отдел, коллекция 44, № 135 и коллекция Востфака и ЦАНГ, № 76.

² А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 291, №№ 603—606.

³ См., например, этикетки и опись Т. Миргиязова от 13/IX—1941 г. для монет №№ 92—95, 97 коллекции Востфака и ЦАНГ, хранящейся в Музее истории АН УзССР, а также надписи под соответствующими монетами в музейной экспозиции 1951—1952 гг.

так и вообще в поздненлекском чекане. Более всего она своим начертанием похожа на «д» (дал), будучи только выше последней, что позволяет при обычно весьма близких начертаниях всех трех букв в почете, принятом на илехских монетах, считать эту вторую букву за «к» или «г». Четвертая буква на монетах плохой сохранности действительно может быть прочтена, как «бен», но на лучших экземплярах¹ четко видно три скобочки, заставляющие видеть в этом начертании «с» (син) или «ш» (шин).

Поэтому в целом мы эту часть имени читаем, как «Акдыш» или «Акдас», что соответствует очень распространенному тюркскому имени Ак-Таш или Ак-Тас — «Белый камень»². Мягкое «к» вместо твердого здесь скорее всего является следствием того, что резчик штампов — не тюрк — просто не уловил тонкости звучания этого имени и поэтому не совсем точно транскрибировав его арабскими буквами.

Почетный эпитет в верхней строке разбираемых монет А. К. Марков читает, как «хани». Однако первая буква своим начертанием сходна не с «х» по всем прочим примерам в других словах, а совершенно повторяет букву «айн» в слове «ймад» на тех же монетах, что дает нам основание читать этот эпитет как «'али», чему не противоречит форма остальных букв.

Исходя из всего сказанного, мы предлагаем следующее чтение на разбираемом экземпляре из Зэнги-Ата.

А.—В поле легенда в пять строк с эпитетом, титулом и именем государя:

على الخاقان العادل عما دالدينباو الدبن الغراكدش جغرى خان
(«'Али, ал-Хақан аль-'адиль 'имад ад-донья уа-д-дин улуг Акдаш Джагры хан») Р.— В поле, в три строки — сунитский символ веры (вариант: «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад посол Аллаха»), а сверху и снизу, маленькими буквами — имя халифа Насира («Ан-Насир лидиниллах»). Круговые легенды на обеих сторонах стерты.

Аналогичные монеты по неопубликованным материалам Музея АН УзССР и Республиканского музея культуры узбекского народа (Самарканд) позволяют довольно точно датировать наш экземпляр, ибо на них читаются даты от 599/1202—1203 до 602/1205—1206 гг.

По весу (3,52 г и 6,10 г) обе публикуемые монеты несомненно являются кратными, причем второй тип в два раза тяжелее первого. В чекане другого города — Узденда — нам удалось выявить даже четыре кратных номинала³, причем мы предположили, что практическим критерием распознавания этих разных номиналов, кроме их кратного веса, служило разное внешнее оформление. Две публикуемые монеты Бинакета прекрасно это подтверждают, ибо они не только кратны по весу, но и демонстрируют одновременно два разных типа.

¹ См., например, коллекцию 44, №№ 134—135 Музея истории АН УзССР, монеты Республиканского музея культуры узбекского народа (Самарканд), №№ 326, 329, 330 по описи составленной И. А. Сухаревым. Последний, однако, имя на монетах не прочел и поэтому неправильно отнес их к чекану Хорезмшахов.

² Н. Ф. Катанов, Алфавитный указатель собственных имен образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым, СПб, 1888; стр. 7 указателя ко второму тому, а также «Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова».

³ Е. А. Давидович, Из истории денежного обращения на территории Ферганы, (Рукопись хранится в Музее истории АН УзССР). Такая дробность кратных в узденском чекане конца XII—начала XIII вв.: прекрасно перекликается с материалами для конца XV — начала XVI вв. (см. Е. А. Давидович. К медным номиналам конца XV—начала XVI вв.: по данным чекана Хисара и Кундуза, Сообщение Тадж. филиала АН СССР, 1930, вып. XXIV).

Оба эти кратных номинала с типо-весовым критерием принадлежат выпуску одного и того же владетеля Бинакета, только в первом случае его имя приведено в менее полной форме. Для позднейлекского чекана различная полнота имен и титулатуры на разнотипных монетах одного государя — самое обычное явление.

№ 3. Среди илекских монет Музея истории АН УзССР (превечно обработанных Т. Миргиязовым и с кратким определением занесенных в его опись от 3/IX—1941 г.) имеются три экземпляра (№ 92—94), место и время обнаружения которых помечено на этикетках — Кябрай 1941 г. Не приводя в своей описи легенд полностью, Т. Миргиязов читал и обозначил имя государя, как «Ахад бен Джагры». Между тем, монеты эти подобны только что описанному второму типу Бинакетского чекана по материалам из Зенги-Ата (см. под № 2). Палеографический анализ позволил нам читать на монетах этого типа имя государя как, «Ақдаш Джагры». На двух кябрайских монетах дата в круговых легендах стерта совершенно, на третьей видны слова, обозначающие сотни и десятки (59 ... г. х.), единицы же отсутствуют, что не позволяет составить точного хронологического определения. Несомненно только, что это был один из последних годов VI в. х., может быть даже 599 г. х., поскольку известные нам датированные монеты этого типа чеканены в пределах 599—602 гг. х.

№ 4. Третья монета из Зенги-Ата, найденная одновременно с двумя вышеописанными илекскими, — золотая (в. — 4,41 г.; д. — 23—24 мм), несколько потертая, особенно по краям. Кроме того, штамп для чекана был вырезан крупнее монетного кружка-заготовки и в процессе чекана помещен не совсем точно, так что основная часть круговых легенд оказалась обрезанной, т. е. вне поля монетного кружка.

А.—В поле—орнамент, титул и имя халифа Насира.

الامام الاعظم [اناصر] لد بن

Кругом, между двумя линейными ободками, видна только вводная формула, основная же часть с выпускными сведениями обрезана.

Р.—Сверху и снизу — орнамент; в три строки — суннитский символ веры (вариант: «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад послан Аллаха»). От круговой легенды сохранилась часть имени халифа Насира и часть благопожелания ему¹.

Отсутствие выпускных сведений чрезвычайно затрудняет датировку, тем более что монета анонимная. Имя же халифа Насира (1180—1225 гг.), сохранявшееся в надписях многих типов среднеазиатских монет и после его смерти (на протяжении всего XIII в.), не может быть поэтому самостоятельным критерием при хронологическом определении монет. В данном случае отправным моментом является палеографический анализ.

Почерк легенд разбираемой золотой монеты совершенно подобен почерку на джатагаидских (особенно мелких серебряных) монетах последней четверти XIII — начала XIV вв. Он характеризуется рядом устойчивых признаков: сочетанием ровных, подчеркнута широких линий с отдельными тонко прочерченными элементами букв; совершенно определенной формой лигатуры «лям-алиф» с двумя точками вместо треугольника в нижней части; своеобразным, но устойчивым обликом отдельных букв и т. д.

¹ А. К. Марков, цит. соч., стр. 859, № 57-а) публикует также анонимную золотую монету Ходженда в разделе Чингизидов, но тип его монеты другой.

Совпадение почерка подкрепляется также анализом типов. И для упомянутых серебряных джагатаидских монеток и для разбираемой золотой характерна анонимность, ибо имя халифа Насира, прочтенное на золотой монете и находящееся на многих типах упомянутых серебряных монет, сохранилось уже просто как традиционная и нейтральная формула, вроде благочестивого восклицания. Суннитский символ веры в том же самом варианте, что на нашей золотой монете, встречается на некоторых типах серебряных (например, выпуска Самарканда и Термеза); даже взаиморасположение отдельных частей легенды на некоторых типах серебряных монет совершенно аналогично таковому на золотой. По существу единственным серьезным отличием является отсутствие на золотой монете тамги, столь типичной для серебра и частично даже для меди.

Такое значительное совпадение основного состава легенд и палеографических особенностей дает основание отнести разбираемую золотую монету скорее всего именно к джагатаидскому чекану, а хронологически, пока без дальнейшего уточнения, — ко второй половине XIII или началу XIV вв.

№ 5. В 1948 г. при прокладке железной дороги на ст. Чирчик Горняк был обнаружен клад из 36 крупных медных монет, доставленный научным сотрудником Института Л. И. Альбаумом в Институт истории, археологии и этнографии АН УзССР. Переданные нам на определение монеты были обработаны и опубликованы¹. Они принадлежат так называемому анонимному джагатаидскому чекану XIII в. Круговые легенды с выпускными сведениями сохранили наименование города, — «Отрар» и даты — 655/1257 и 656/1258 гг. Легенды поля содержат на одной стороне суннитский символ веры и имя давно умершего халифа Насира, а на другой стороне — эпитет «хани» или «менгу-хани» и вторично имя халифа Насира с титулом.

№ 6. В 1951 г., во время археологических работ на медресе Ходжа-Ахрара в Ташкенте. Н. Немцова обнаружила в кирпичной кладке стены медресе четыре монеты. Одна из них — так называемый черный дирхем типа «Мусейяби», чеканена в IX—X вв., а три — в конце XV или начале XVI вв. (скорее — судя по весу, даже с учетом значительной потертости — именно в начале XVI в.). Точная дата и место выпуска из-за крайне плохой сохранности не могут быть определены, однако, некоторые детали легенд и внешнее оформление двух экземпляров намекают на хорасанское происхождение их, причем один, вероятно, чеканен в Мерве. Обнаружение в Ташкенте хорасанских монет не вызывает недоумения, ибо находит себе прекрасную аналогию в составе кладов медных монет этого времени и в свою очередь является дополнительным штрихом для характеристики денежного обращения в Средней Азии XV — XVI вв.

На двух монетах видны надчеканы в четырехлепестковых картушах с легендой *عدل سمرقند* («Адль; Самарканд»), что позволяет совершенно точно определить время изъятия монет из обращения. Такого типа надчеканы, как нам удалось установить на основании анализа нескольких неопубликованных кладов медных монет, произведены при втором шейбанидском хакане, Кучкунчи-хане, в конце 918/1512—1513 г. или скорее в 919/1513—1514 г. сразу на нескольких монетных дворах, в том числе и в Самарканде. С начала двадцатых годов десятого века хиджры получили осуществление различные мероприятия Кучкунчи-хана в области чекана и обращения медных и серебряных

¹ Этот клад подробно рассмотрен в работе Е. А. Давидович Клад медных джагатаидских монет XIII в., Доклады АН УзССР, 1949, № 6, стр. 35 и след.

монет¹, после чего медные монеты предшествующего чекана запрещены к дальнейшему обращению и перестали употребляться. Таким образом, время изъятия из обращения двух разбираемых монет падает на начало двадцатых годов десятого века, т. е. на вторую половину второго десятилетия XVI в. Это, конечно, не датирует кладку, в которой монеты были обнаружены, вторым десятилетием XVI в., ибо монеты могли попасть в нее и много позже, но дата изъятия этих монет из обращения показывает нижнюю хронологическую границу для датировки упомянутой, вероятно, ремонтной кладки медресе Ходжа-Ахрара в Ташкенте.

№ 7. 1950 г. при рытье котлована для фундамента здания по ул. Навои в Ташкенте (около Комсомольской площади), студентом восточного факультета САГУ М. З. Мاستовым была обнаружена медная монета, оказавшаяся чеканенным из желтой меди бухарским денежным знаком 1337/1918—1919 г. достоинством в десять тенег.

ФЕРГАНА

В 1949 г. на городище Мунчак-Тепе, Папского района, Наманганской области, колхозником были найдены и присланы в Институт истории, археологии и этнографии АН УзССР две монеты. В следующем году на том же самом городище, а также на городище Ак-Тепе, Папского района, Наманганской области, археологический отряд (начальник — М. Э. Воронец) Памиро-Ферганской комплексной экспедиции обнаружил еще восемь медных окислившихся монет, в основном плохой сохранности. Ниже эти 10 экземпляров описываются под №№ 8—16².

№ 8. Медная монета (цитадель городища Мунчак-Тепе), относящаяся к группе так называемых «черных дирхемов» с высеченным арабскими буквами именем халифа Махди, на лицевой стороне позади изображения головы государя. Аналогичные монеты (определенные М. Е. Массоном как дирхемы типа мусейяби), в IX—X вв. обращались в Средней Азии наряду с монетами аббасидского, тахиридского и саманидского чеканов, свободно обменивались на медные и серебряные монеты общегосударственного образца, а по сообщению письменных источников IX в. именно этими черными дирхемами³ взимались подати с разнх областей Средней Азии.

№ 9. Медная саманидская монета (цитадель городища Мунчак-Тепе), чеканенная в Ахсикете в 284/897—898 г. от имени Исхака бен Ахмеда (брата Исмаила бен Ахмеда). Интересный чекан Исхака бен Ахмеда специально уже рассмотрен А. А. Быковым⁴, однако, экземпляр с городища Мунчак-Тепе представляет известный интерес с точки зрения палеографических особенностей, а также фиксации нового пункта обнаружения этих пока еще редких монет. Последнее обстоятельство существенно для выяснения ареала распространения монет Исхака, т. е. установления территории, на которой они имели реальное обращение.

№ 10. Медная монета (городище Ак-Тепе), судя по ее типу, саманидского чекана, имеет очень плохую сохранность. Слово, обозначающее

¹ Е. А. Давидович, *Две денежные реформы в государстве Шейбанидов*, Труды САГУ, новая серия, вып. XXIII, Гуманитарные науки, 4, Ташкент, 1952.

² Подробный разбор этих интересных монет здесь опускается, так как им посвящена специальная работа автора «Из истории денежного обращения на территории Ферганы», выполненная для Музея истории АН УзССР. Однако монета № 14 здесь определена более подробно и точно на основании обнаруженного аналогичного типа.

³ П. И. Лерх, *Монеты бухар-худатов*, Отд. отт. из трудов РАО, ч. XVIII, СПб., 1909, стр. 92 и след.; В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. II, СПб., 1900, стр. 210—211.

⁴ А. А. Быков, *Новый клад медных куфических монет из Таджикистана*, Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, т. I, Л., 1945 г.

сотни (триста), читаемое в круговой легенде лицевой стороны, позволяет датировать ее X в.

№ 11. Две медные монеты (городище Мунчак-Тепе), исключительно плохой сохранности. Одна к тому же имеет неправильную форму, перебита, изогнута и выщерблена, из-за чего создается предположение, что монета является неудачным экземпляром, возможно даже чеканенным фальшивомонетчиком. По незначительным остаткам легенд, почерку, типу и пр. оба экземпляра следует отнести к IX—X вв.

№ 12. Медная илекская монета с городища Мунчак-Тепе, чеканенная от имени «Ал-хақан ал'-адиль джелаль уа-д-дин Қадыр хақана» с эпитетом «хани» в верхней части поля лицевой стороны. На обратной стороне в квадратном двухлинейном картуше — суннитский символ веры (вариант: «Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад посол Аллаха»). Круговые легенды обеих сторон целиком не уместились на монетном кружке, так что наименование города и точная дата неизвестны. Верхнюю хронологическую границу времени выпуска этого типа монет дает аналогичный экземпляр в составе проработанного нами неопубликованного илекского клада Музея истории АН УзССР. Этот экземпляр собственной даты также не сохранил, но зато он перебит штампом другого типа монет Кадыр-хақана, причем этот второй тип датирован 594/1197—1198 г. Следовательно, монета с городища Мунчак-Тепе чеканена до этого 594/1197—1198 г.

В опубликованной литературе точно датированные монеты Кадыр-хақана известны только для XIII в., однако, проработка значительного количества илекских монет разных музейных собраний позволила установить, что Кадыр-хақан с 579/1183—1184 г. владел Уздендом и все его монеты за разные годы (нами прочтены 579, 582, 584, 594, 596, 603, 607, 608 гг. х) выпущены именно в Узденде. Это дает основание относить монету с городища Мунчак-Тепе также именно к Уздендскому чекану, между 579 — 594 гг. х.

№ 13. Медная илекская монета (городище Мунчак-Тепе), чеканенная от имени того же Кадыр-хақана, но с несколько другим титулом в легенде лицевой стороны: Ас-султан ал'-адиль ал'-азам джелаль ад-донья уа-д-дин улуг султан Кадыр. Почетный эпитет в верхней части поля также другой — «султани». В целом монета совсем отлична от предшествующей типом, (на обратной стороне картуш в виде шестнадцатилепестковой розетки), весом и размером. Круговые легенды частью стерты, частью расположены вообще вне монетного кружка, поэтому без дальнейшего уточнения эту монету можно отнести к уздендскому чекану конца XII или начала XIII вв.

№ 14. Медная монета (цитадель городища Мунчак-Тепе) очень плоской сохранности, но чрезвычайно редкая. Ее определение стало возможным только благодаря наличию аналогичного экземпляра среди неопубликованных монет Государственного Эрмитажа¹. Последняя чеканена в 574/1178—1179 г. от имени «Ал-малик ал-музаффар джелаль ад-донья уа-д-дин Мухаммад Тоғрул-хана» с почетным эпитетом «қадыри». Для этого типа монет характерны квадратный витой двухлинейный картуш обратной стороны, в которой заключен суннитский символ веры (вариант: «Нет божества кроме Аллаха единого и нет у него со-товарища»), а в верхнем и нижнем сегментах — имя халифа Насира.

№ 15. Разломанная на две части, почти совершенно потерявшая медная монета (раскол № 1 в жилых кварталах городища Мунчак-Тепе).

¹ Государственный Эрмитаж, Отдел нумизматики, колл. 44/261, № 584-а. Монета имеет краткое определение Р. Р. Фасмера. «Мухаммад-Тоғрул-хан. Город стерт, 574».

Наличие термина «дирхем» в круговой легенде этой медной монеты, ее вес, размеры и фактура позволяют причислить ее к чекану Илеков второй половины XII или начала XIII в.

№ 16. Очень плохо сохранившаяся медная монета (раскоп № 2 в жилых кварталах городища Мунчак-Тепе), определяемая теми же самыми признаками, что и предыдущая. Начало наименования города в круговой легенде позволяет уточнить это определение, с некоторой долей вероятия отнести данный экземпляр к самаркандскому чекану Илеков XII—XIII вв.

№ 17. В 1952 г. при земляных работах на тепе Суфан в колхозе им. М. Горького, Куvasайского района, Ферганской области, была обнаружена крупная монета, доставленная заместителем директора Ферганского областного краеведческого музея Н. Г. Горбуновой. Монета оказалась серебряным джагатайским динаром XIV в., чеканенным от имени Буян-Кули-хана (1348—1358).

№ 18. В 1947 г. на территории Фархадской ГЭС, близ Беговата, рабочий Девятков обнаружил клад из 17 серебряных аштарханидских монет. От этого клада сохранились только три экземпляра, доставленные научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии АН УзССР С. К. Кабановым в Институт. Все три монеты очень потертые, однако, на двух (№№ 1, 2), в картушах лицевой стороны четко читается имя аштарханидского государя Абд ал-Азиз бахадур-хана (1545—1680). На их обратной стороне в картушах — суннитский символ веры, а по сторонам — следы от надписей с именами первых четырех халифов. Третья монета сохранилась особенно плохо, так что даже от легенды картуша осталась только часть титула. Однако обращает внимание, что картуши лицевой (двухлинейная розетка) и обратной (четырёхугольник) сторон весьма похожи на картуши второй монеты. Возможно, и этот третий экземпляр чеканен также от имени Абд ал-Азиза. Место чекана, как будто, Бухара.

САМАРКАНД

№ 19. В 1950 г. С. К. Кабанову была передана медная монета, найденная самаркандским жителем Д. И. Кравцовым и принадлежащая чекану так называемого «безымянного царя» (I в. н. э.). Тип монеты следующий:

А. — Бюст государя в диадеме вправо, с дротиком в поднятой руке; в поле слева — тамга.

Р. — Всадник на коне вправо, в диадеме; в поле справа — тамга как на А. Круговая греческая легенда показывает полный вариант титула в четыре слова, только последнее целиком не уместилось.

Монеты «безымянного царя», по определению М. Е. Массона, принадлежат основателю Кушанского государства Катфизу. Наш экземпляр демонстрирует самый распространенный тип монет Катфиза I (группа I, класс I по классификации М. Е. Массона), который выпущался на последнем, третьем, этапе его правления.

Касаясь ареала распространения находок монет «безымянного царя», М. Е. Массон отмечает, что наибольшее количество таких «...приходится на Пенджаб, Кабулистан, правобережный и левобережный Тохаристан, до долины Кашка-Дарьи, т. е. на коренные земли государства Кушанов I — III вв. н. э.», вне пределов которых рассматриваемые

и посадили в Самарканде и Бухаре своих наместников.¹ Во время одного из этих походов ферганская монета 996 г. и была случайно занесена в Самарканд.

№ 22. В 1951 г. В. А. Левина обнаружила в шурфе около входного портала дворика комплекса Гури-мир крупную медную монету плохой сохранности. Остатки легенд позволяют определить ее как джагатаидскую XIII в. Экземпляр относится к очень интересной группе монет с так называемыми «угрожающими надписями» на таджикском языке. Такого рода монеты уже давно привлекли внимание исследователей и неоднократно рассматривались в нумизматической литературе, причем правильное чтение и расшифровку легенд обеих сторон монетного кружка дал В. В. Бартольд. Наша же монета по типу совпадает с экземпляром, опубликованным В. Г. Тизенгаузен², что позволяет полностью восстановить ее полуостертую легенду и переводить ее в соответствии с толкованием В. В. Бартольда следующим образом: «В Самарканде и окрестностях этого города всякий, кто (эту монету) не возьмет — будет виновен».

Внешне наша монета выглядит, как медная. Однако Э. А. Альхамова установила что самаркандские тюркоязычные монеты 663/1264—1265 г. с «угрожающими надписями», именуемые в легендах дирхемами, покрывались сверху тонким слоем серебра, т. е., будучи государственными фальсификатами, внешне выглядели, как настоящие серебряные монеты. То же самое установлено нами для позднейлекского и хорезмшахского чеканов последней четверти XII — начала XIII в. Это заставляет думать, что и разбираемые таджикоязычные крупные медные дирхеми в свое время также серебрились и обращались по курсам, определяемым этим внешне серебряным обликом.

Судя по всем доступным нам примерам, такие медные посеребренные таджикоязычные дирхеми с «угрожающими надписями» чеканились в Самарканде и обращались в Самаркандском округе в хронологических пределах второй и третьей четвертей XIII в.

№ 23. В 1950 г., во время проведения археолого-архитектурной практики в Самарканде, студентами САГУ найдена недалеко от базара по дороге на Шахрисабз медная монета, принадлежащая тимуридскому чекану Бухары XV в.

А.—В орнаментальном картуше — наименование города. Кругом стерто.

Р.—Дата арабскими словами — 832 г. х.

№ 24. Аналогичная монета еще худшей сохранности (дата стерта) была найдена В. А. Левиной в 1951 г. в раскопе на площади медресе Мухаммад-Султана (комплекс Гури-Мира), однако, и на этом экземпляре наименование города — «Бухара» — в орнаментальном картуше сохранилось.

Бухарские монеты описанного типа выпускались долго и в обильном количестве, почему преобладают в составе кладов наряду с самаркандскими выпусками, и очень часто встречаются разрозненными экземплярами. Обращались они не только в Бухаре, но и по всей Средней Азии, о чем свидетельствует состав кладов, найденных в разных пунктах. Поэтому обнаружение их в Самарканде также вполне закономерно.

№ 25. В 1951 г. В. А. Левина во время археологических работ в Самарканде на Гури-Мире обнаружила в раскопе медную монету очень плохой сохранности с незначительными остатками на одной стороне ле-

¹ В. В. Бартольд, Туркестан..., цит. соч., стр. 276—281.

² В. Г. Тизенгаузен, Нумизматические новинки, ЗВО, VI, стр. 253.

генды с наименованием города Самарканда и совершенно стертой обратной стороной. Однако остатки картуша позволяют более точно определить и даже реконструировать этот экземпляр.

А. — В трехлепестковом картуше, обрамленном орнаментом, — наименование города: ضرب سمرقند Ободок линейный и точечный.

Р. — В поле — дата арабскими словами, иногда дополнительно также цифрами. Ободок, как на А.

Монеты описанного типа (как нам удалось установить в результате проработки нескольких кладов и большого количества разрозненных медных монет разных музеев) чеканились в самом начале XVI в. в Самарканде (с 907/1501—1502 г. по 910/1504—1505 г.) и в Бухаре (в 907/1501—1502 г.). Это не кажется случайным совпадением, поскольку Самарканд и Бухара, чеканившие до 907/1501—1502 г. совершенно разнотипные монеты, перешли с этого времени на однотипный выпуск. В конце XV в. Средняя Азия, а особенно центральная часть Мавераннахра с Самаркандом и Бухарой, стали ареной ожесточенной междоусобной борьбы различных представителей дома Тимуридов, в которой деятельное участие принял Шейбани-хан, перешедший затем к систематическому завоеванию Мавераннахра. Бабур — участник всех этих событий — неоднократно свидетельствовал о том, какие губительные и разорительные последствия несли они населению. На торговле и денежном обращении (особенно на международной денежной торговле) это должно было сказаться весьма отрицательно, тем более что крупные города Мавераннахра в этот период жили обособленной жизнью, их правители враждовали между собой, часто менялись и при этом все старались извлечь определенные доходы из чекана и обращения монет. После окончательного завоевания центральной части Средней Азии Шейбани-ханом внутриполитическая обстановка создала все предпосылки для нормального денежного обращения. Однако к тому времени рынок был насыщен столь разнообразной, разнотипной и разнокурсной монетой, что необходимы были специальные мероприятия по упорядочению денежного обращения, в котором одинаково были заинтересованы и казна Шейбани-хана и торгово-феодалы среднеазиатского общества. Не касаясь здесь всех мероприятий Шейбани-хана, следует сказать, что первым из них было запрещение в 907/1501—1502 г. дальнейшего обращения всей тимуридской меди и обмен ее на язвую монету, особого нового типа, узаконенную для беспрепятственного общегосударственного обращения, вне зависимости от места выпуска каждого экземпляра. Анализ кладов и других медных монет показывает, что это мероприятие получило осуществление именно в 907/1501—1502 г., почему именно с этого года и Самарканд и Бухара начинают выпускать совершенно однотипную медную монету, по внешнему виду легко отличимую от всех предшествующих тимуридских типов меди. Разбираемая самаркандская монета из раскопок на Гури-мире как раз и демонстрирует этот новый медный чекан Шейбани-хана, связанный с его первой попыткой упорядочить чекан и обращение на территории завоеванного им Мавераннахра.

На лицевой стороне разбираемой монеты виден надчекан в четырехлепестковом картуше. Хотя от легенды этого надчекана сохранилось только слово «адль», он может быть точно датирован. Анализ состава упомянутых кладов показал, что такие надчеканы были произведены одновременно на нескольких монетных дворах, в том числе и в Самарканде, в самом конце 918/1512—1513 г. или скорее в 919/1513—1514 г., т. е. уже после победы Шейбанидов над Бабуром, в начале ханствования шейбанидского государя Кучкунчи-хана. Следовательно, сам рас-

смагриваемый монетный кружок в середине второго десятилетия XVI в. еще обращался на рынке.

№ 26. В 1951 г. пионеры — члены самаркандского краеведческого кружка Детской технической станции обратили на территории Самарканда 17 монет и передали их на Центральную детскую техническую станцию в Ташкенте, откуда они через Музей истории АН УзССР поступили к нам на определение. Так как точные условия и пункт обнаружения каждого отдельного монетного кружка на территории Самарканда неизвестны, описание их даем под одним номером:

а) Аббасидский медный фельс VIII в. (может быть 162 г. х., хотя дата не совсем четкая), чеканенный в Самарканде.

б) Медный фельс, чеканенный в 244/858—859 г. в Самарканде от имени саманида Ахмеда бен Асада, с упоминанием также имени его сына Насра бен Ахмеда. Аналогичная монета, но выпуска 245/859—160 г. была в 1950 г. обнаружена в Шахрисябзе (подробнее см. № 27).

в) Саманидский медный фельс, чеканенный в Самарканде от имени Насра бен Ахмеда в 271/884—885 г.

г) Два саманидских медных фельса, чеканенных в Самарканде в 280/893—894 г. от имени Исмаила бен Ахмеда.

д) Две крупные медные монеты плохой сохранности, чеканенные от имени хорезмшаха Мухаммед бен Текеша. Взаиморасположение отдельных частей легенды и форма картуша позволяют заключить, что обе монеты чеканены в Самарканде в 616/1219—1220 г. и относятся в группе медных посеребренных дирхемов Мухаммеда.

е) Две мелкие медные монеты Тимура, чеканенные в Самарканде, вероятно, в 805/1402—1403 г. (От даты сохранилось слово единиц и конец слова сотен).

ж) Медная анонимная тимуридская монета самаркандского чекана первой четверти XV в. На лицевой стороне легенда с наименованием города и датой, а на обратной—орнамент.

з) Медная анонимная тимуридская монета другого типа, но также первой четверти XV в. Легенда лицевой стороны из-за плохой сохранности не читается, на обратной же стороне—частично сохранившаяся дата.

и) Серебряная тимуридская теньга плохой сохранности (до очистки была покрыта окисью меди), чеканенная от имени Абу-Саида 855/1452—873/1469.

к) Медная анонимная тимуридская монета, чеканенная в Хутталыне. Наименование города на лицевой стороне заключено в фигурный четырехлепестковый картуш, на обратной же стороне—орнамент.

л) Медная анонимная тимуридская монета со следами как первоначального чекана, так и более позднего перечекана с наименованием Самарканда. По типу удалось определить, что первоначальный чекан имеет место в Самарканде в пределах 897/1491-1492—899/1493-1494 гг., а перечекан—в Самарканде же, в пределах 901/1495-1496—907/1501-1502 гг., но до окончательного в 907/1501 г. завоевания Самарканда Шейбани-ханом, когда был выпущен другой тип медных монет (об этом см. № 25).

м) Две серебряные мангытские монеты XIX в., чеканенные в Бухаре от имени «покойного эмира Хайдара».

н) Совершенно стертая мелкая медная мангытская монета XIX в.

ШАХРИСЯБЗ

№ 27. В 1950 г. при раскопках, проведенных в Шахрисябзе археологическим отрядом Управления по делам архитектуры (руководитель В. А. Левина), В. Сарниди обнаружил в восточном дворике около

мавзолея Хазрет-и Имам в строительном завале, в полуметре над полом, медную монету. Монета должна быть отнесена к тахиридскому чекану саманидских эмиров. Выпущена она в Самарканде в 245/859—860 г. от имени Ахмеда бен Асада, но с упоминанием также имени Насра бен Ахмеда.

А. — В поле — суннитский символ веры (вариант: «Нет божества, кроме Аллаха единого, нет у него сотоварища»). Кругом, между двумя линейными ободками — легенда с выпускными сведениями:

Р. — В поле легенда с именем Насра, сына Ахмеда бен Асада, الله محمد رسول الله / نصر

Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками — имя самого Ахмеда бен Асада с титулом и благопожеланием.

مهازم به الامير احمد بن اسد ابنا الله

Ахмед бен Асад первоначально владел при Тахиридах Ферганой. После смерти в 227/841 г. Нуха бен Асада Самарканд был пожалован Тахиридами двум его братьям — Ахмеду бен Асаду и Яхье бен Асаду. Вероятно, еще до смерти последнего — в 241/855—856 г. Ахмед добился передачи Самарканда своему сыну Насру. Но до смерти Яхьи монеты с именем Ахмеда бен Асада в Самарканде все же не чеканились. Если верить Наршахи, будто бы Ахмед бен Асад после смерти Нуха переехал в Самарканд, придется признать, что он мог там жить или до назначения своего сына Насра или в крайнем случае до смерти своего брата и номинального соправителя Яхьи, ибо позже фактическое управление городом и областью находилось в руках Насра, а не самого Ахмеда. Вероятно, Ахмед бен Асад вернулся в Фергану, а его сын непосредственно управлял Самаркандом, о чем свидетельствует монетный чекан, а в частности и публикуемая нами монета. Ахмед бен Асад оставался номинальным владельцем Самарканда, почему медные монеты чеканились от его имени (круговая легенда обратной стороны с соответствующей вводной формулой), однако, наличие имени Насра в поле той же стороны без всякой вводной формулы говорит о том, что непосредственное управление городом и областью от имени отца осуществлял именно он¹.

№ 28. Во время тех же раскопок, но в другом пункте так называемого «восточного дворика» при мавзолее Хазрет-и имам, В. Сариниди обнаружил еще две медные монетки, правда, очень плохой сохранности. Остатки легенд, почерк, вес и фактура позволяют определить их как мелкие кратные медного динара, чеканенные в самом конце XV в. или в начале XVI в. На одной монете читается место ее выпуска — Самарканд.

¹ На этот счет существуют различные точки зрения. В. В. Бартольд считал, что после смерти Нуха Ахмед вообще остался в Фергане, а в Самарканд послал своего сына Насра (цит. раб. стр. 216). В. Г. Тизенгаузен также подчеркнул, что после смерти Нуха Самарканд сначала перешел к братьям Ахмеду и Яхье, а потом непосредственно к Насру (см. «О саманидских монетах», ТВО РАО, ч. I, СПб., 1855, стр. 20). А. Ю. Якубовский, специально рассматривая этот вопрос и привлекая для его решения нумизматические данные, наоборот, считает, что Ахмед не только переехал в Самарканд, но оставался там и сам до своей смерти выпускал монеты со своим именем. (см. «Об одном раннесаманидском фельсе, КСИИМК, XII, стр. 110). Однако нам представляется, что наличие имени Насра на монетах его отца Ахмеда (вероятно, не учтенное А. Ю. Якубовским), не опровергая вероятности временного переезда Ахмеда в Самарканд, неоспоримо все же свидетельствует, что ко времени начала чекана в Самарканде медных фельсов с его именем самого Ахмеда в городе уже не было и практически это осуществлял его сын Наср.

РАЙОН БУХАРЫ

В 1934 — 1935 гг. во время археологических работ по изучению мечети Магоки-Аттари в Бухаре и за несколько полевых сезонов с 1937 по 1950 г. на городище Варахша близ Бухары экспедициями под руководством В. А. Шишкина были обнаружены многочисленные медные и серебряные монеты, включая целые клады. Обе группы сборов были систематизированы и определены В. А. Шишкиным, который любезно позволил использовать составленную им краткую опись монет из Магоки-Аттари и с городища Варахша; ниже она приводится полностью.

№ 29. Монеты из раскопок в мечети Магоки-Аттари:

а) Три медных фельса плохой сохранности, вероятно саманидского времени.

б) Медный илекский фельс, чеканенный в 404/1013—1014 г. с наименованием монетного двора «Согд».

в) Медная анонимная джагатаидская монета, чеканенная в Бухаре, 667/1268 — 1269 г.

г) Клад монет XV в., включающий 2 серебряных экземпляра, чеканенных в Самарканде с именем Шахруха, и 859 медных бухарских и самаркандских монет. На последних встречаются надчеканы Бухары, Самарканда и Шахрухин.

д) Медная монета с датой цифрами — 876/1471 — 1472 г.

е) Клад медных монет в количестве 402 экземпляров, чеканенных в Самарканде и Бухаре в XV в.

ж) Маленький клад (4 экземпляра) спекшихся в столбик медных монет XVI в.

з) 5 копеек Екатерины II, выпущенные в 1783 г. на Екатеринбургском монетном дворе.

№ 30. Монеты с городища Варахша:

а) Серебряная тетрадрахма Евтидема, найденная в окрестностях городища.

б) Медная монета, битая в подражание монетам Евтидема.

в) Шесть серебряных монет Гиркода (на лицевой стороне — стоящая фигура с копьем) и подражаний монетам Гиркода.

г) Две медные монеты плохой сохранности, вероятно, кушанские.

д) 36 медных скифатных монет с изображением на лицевой стороне головы государя, а на обратной — схематического жертвенника и легенды.

е) 41 медная монета с изображением на лицевой стороне животного, а на обратной — жертвенника.

ж) Медные согдийские монеты, с квадратным отверстием, выпущенные от имени Гурека и Туграга (6 экз.).

з) Две медные хорезмийские монеты.

и) Две серебряные монеты типа бухар-худатских.

к) 45 низкопробных дирхемов типа «гитрифис».

л) 17 медных китайских монет династии Тан, VIII в.

м) Медные монеты Восточного халифата (69 экз.), причем сохранившиеся выпускные сведения чеканены в Бухаре в 133, 143, 146, 148, 151, 160, 173, 185 гг. х.

н) Медные тахиридские монеты (26 экз.), часть которых чеканена в 201, 209, 256, 258 гг. х. Из городов на монетах читается Балх.

о) Медные саманидские монеты (269 экз.), исключительно бухарского чекана за разные годы и соответственно от имени разных саманидских эмиров, начиная с Исмаила. На многих монетах даты читаются точно: 301 — 306, 308, 309, 316, 332, 333, 336, 339, 340, 343, 344,

347—351, 353, 355, 356, 358, 362—365, 374, 376, 379, 381, 386, 387 г. х.

п) Медные илекские монеты (35 экз.), среди которых одна чеканена с именем Арслан-хана, а на двух читается наименование монетного двора — «Соғд». Даты, сохранившиеся на этих илекских монетах, показывают 399, 400, 404, 405 гг. х.

р) Медная монета XV в.

с) Медная монета XVI в.

т) 2 медных бухарских пула XIX в.

№ 31. В 1950 г. на территории комплекса Чар-Бакар близ Бухары, в одном из дворишков с надмогильниками архитектор А. Берштейн обнаружил три медные монеты, которые через В. А. Левину были переданы нам на определение. По литературе нам известна только одна аналогичная монета, опубликованная Х. М. Френом, которую знаменитый нумизмат считал чрезвычайно редкой и относил к чекану Хорезмшахов, хотя дата на его экземпляре не была видна¹. Наши три монеты с Чар-Бакара частично пополняют, частично исправляют чтение Х. М. Френа. Ниже приводимое описание мы даем не по отдельным экземплярам, а на основании всех четырех монет, с максимально возможной сейчас реконструкцией их типа.

А — В поле — прозвище и титул государя *والدين / علا الدنيا / سنجر* / *سلطان* Кругом, между двумя линейными ободками, выпускные сведения с наименованием города („Бухара“) и датой (608 г. х.)

Р В поле трехстрочный суинитский символ веры (вариант: „Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад посл Аллаха“). По сторонам, образуя квадрат, сокращенно повторяется легенда с выпускными сведениями, причем собственно дата отсутствует:
بسم الله / ضرب هذا الفلوس ببلاده / بخارا سنة ثمان و ستماية

Ободок линейный.

Итак, разбираемые монеты чеканены в Бухаре в 608/1211 — 1212 г. Еще раньше, в 1207 г., Бухару завоевал Мухаммед Хорезмшах, который даже восстановил читальню и стены города². Поэтому дата чекана монет, полностью прочтенная на двух экземплярах с Чар-Бакара, подтверждает правильность определения Х. М. Френом его монеты как хорезмшахской, хотя в легендах приведен только титул государя без его собственного имени.

Титул «Ала-ад-донья уа-д-дин султан», использованный на разбираемых монетах, очень часто встречается в монетных легендах Мухаммада бен Текеша, хотя сам по себе он не был достаточным основанием для определения монет, так как прилагался и к другим государям. Но в совокупности с датой он только подтверждает определение. Этот же титул был принят на бухарской монете 610/1213 — 1214 г., хотя позже на монетах Бухары (например, на монетах 612/1215 — 1216 г.), использовался более простой титул...³.

¹ На лицевой стороне первое слово — прозвище Х. М. Френ читает неверно. В круговой легенде А на его монете дата не сохранилась, а выпускные сведения Р вовсе не приведены.

² В. В. Бартольд, Туркестан, цит. раб., стр. 386—387.

³ См. письмо Ф. Соре к Х. М. Френу, СПб., 1851, р. 40. Две монеты без точной даты опубликовал Х. М. Френ (Монеты ханов улуса Джучиева... пер. Волкова, СПб, 1832, стр. 58, № 437 и табл. XV; *Tracenn, Recensio...*, стр. 146, № 11). Одну монету вообще без даты см. Erdmann, *Numi Asiatici*, стр. 301—302. Точную дату — 612 г. х. — дают две неопубликованные закартированные автором бухарские монеты Республиканского музея культуры узбекского народа (Самарканд) и кафедры археологии Средней Азии САГУ, (инв. № не имеют).

Обращает внимание слово «Синджар» в легенде лицевой стороны. Несомненно, это то самое почетное прозвище, которое Мухаммад бен Текеш предпочитал всем другим, даже прозвищу «Вторым Александром». На более поздних бухарских монетах 612/1215—1216 г. это же прозвище поставлено в форме прилагательного, с буквой «яй» на конце «Синджари». Такая форма в виде прилагательного — эпитета вообще была более принята в чекане Мухаммада бен Текеша, на монетах которого в разных городах и за разные годы можно встретить целый ряд разнообразных почетных прозвищ.

Но особенно интересно в легендах разбираемых монет их наименование — «ал-фельс»; дважды повторенное на обеих сторонах монетного кружка. Во всех других случаях на медных (или бронзовых) монетах Мухаммада бен Текеша, когда наименование монеты проставлялось в ее легенде, это было совсем другое слово — «ад-дирхем», что характерно также для позднелекского и раннеджагатаидского чеканов. На этом основании даже делался вывод о том, что в XII — XIII вв. термин «дирхем» изменил свое первоначальное значение и служил наименованием уже не серебряной, а именно медной монеты, почему выпуск «фельсов» практически должен был прекратиться. Не останавливаясь специально на этом вопросе, с необходимой полнотой рассматриваемом нами в другой работе, мы все же считаем необходимым отметить основные положения, по-новому оттеняемые разбираемыми бухарскими монетами. Как уже говорилось выше, впервые З. А. Альхамова, правда для значительно более позднего времени (третья четверть XIII в.) и для джагатаидского чекана, установила факт государственного серебрения медных монет¹. Этот одиночный факт получил серьезное подкрепление, когда нам по многочисленным примерам, включающим целые клады, удалось отметить аналогичное явление для позднелекских и хорезмшахских монет. Отсюда следует, что во второй половине XII и на протяжении трех четвертей XIII в. термин «дирхем» прилагался вовсе не к медным монетам, а к государственным фальсификатам под серебро, т. е. к монетам, внешний вид которых не отличался от серебряных. Этот существенный для истории самого термина и для характеристики денежного обращения вывод позволяет сделать еще одно заключение о принципиально возможном в разбираемое время выпуске настоящих «фельсов», т. е. простых медных монет, не подвергавшихся серебрению. При этом внешняя серебряная оболочка «дирхемов», скрывая их сущность, практически была достаточным критерием для отличия от обыкновенных медных «фельсов» и оправдывала их разный курс. Разбираемые бухарские монеты 608/1211 — 1212 г., в самих легендах поименованные «фельсами», являются великолепным подтверждением этому. Они прямо говорят о осуществлении в это время «фельсов» и «дирхемов» и тем косвенно подтверждают необходимость серебрения последних, как практического критерия их различия и оправдания их разнотурсности. Поэтому многие типы медных монет Мухаммада бен Текеша, вовсе не имеющие в своих легендах соответствующего наименования, должны теперь рассматриваться особенно тщательно и осторожно на предмет их определения как «фельсов» или как «дирхемов». Только при наличии каких-либо дополнительных косвенных данных они в каждом случае отдельно могут быть уверенно помещены в одну из двух групп (простых медных монет или медных посеребренных фальсификатов).

№ 32. В 1950 г., во время работ археологического отряда Управления по делам архитектуры в Бухаре, В. Сариниди обнаружил клад

¹ З. А. Альхамова, Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. х., Труды САГУ, новая серия, вып. XI, Гуманитарные науки, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 69 и след.

медных монет, когда-то завернутых в ткань и спекшихся в столбик. Рассмотрение показало, что этот столбик заключает 24—25 экземпляров, которые по размеру и фактуре следует считать шейбанидскими. Очистка нескольких экземпляров, несмотря на их плохую сохранность, способствовала более точному определению. Четыре из шести монет, сохранивших остатки надписей, чеканены в Бухаре, в 930/1523—1524 г.

А. — В продолговатом фигурном картуше — наименование города:

ضرب بخارا Кругом стилизованно-растительный орнамент.

Р. — В поле — дата: في التاريخ سنة ثلاثين و تسعمائة.

Две другие монеты чеканены в Самарканде (наименование города помещено в круглом картуше, обрамленном орнаментом), возможно, в 923/1517 г.

ТЕРМЕЗ

№ 33. На городище древнего Термеза, в 300—400 м от цитадели, найден клад из 78 медных (или бронзовых) монет, хранящийся ныне в Сурхан-Дарьинском областном краеведческом музее. Монеты клада делятся на два типа, различающиеся диаметром, весом, составом легенд и оформлением, т. е. представляют два номинала с кратным отношением между ними.

Оба типа чеканены в Термезе в 617/1220 г. от имени Мухаммада бен Текеша (1200—1220 гг.). Это очень интересно и для истории средневекового Термеза и для общей характеристики чекана Мухаммада, ибо в опубликованной литературе среди его монетных дворов Термез еще не упоминался.

Тип первый на лицевой стороне содержит начало титулатуры султана в фигурном картуше *السلطان محمد بن عبد الله*, а на обратной стороне — остальную часть титулатуры Мухаммада, его имя и упоминание его отца в таком же фигурном картуше. *والدين محمد بن / السلطان*. Круговые легенды обеих сторон включают выпускные сведения.

Тип второй на лицевой стороне в центре поля имеет изображение лука со стрелой, по четырем сторонам которого, в виде квадрата, расположена легенда с началом титулатуры Мухаммада *السلطان الاظم*, *علاء الدين* а сверху эпитет «кэрар» *فرارى*, также впервые отмечаемый в его чекане. На обратной стороне монет второго типа — остальная часть титулатуры Мухаммада, его имя и упоминание его отца *ابوالفتح محمد بن السلطان*. В круговых надписях обеих сторон — выпускные сведения.

Обращает внимание отсутствие в легендах обоих типов монет имени халифа Насира, какое часто проставлялось в чекане Мухаммада бен Текеша. Тот факт, что даже в последний год правления Мухаммада 617/1220 г. — имя халифа исключалось из чекана и, следовательно, из хутбы — служит очень любопытным и новым штрихом для характеристики взаимоотношений султана и халифа.

В научной литературе крупные монеты Мухаммада считались до сих пор медными, а иногда ошибочно даже назывались фельсами, хотя в сохранившихся круговых легендах читается термин «дирхем». На нескольких монетах термезского клада удалось наблюдать совершенно четкие следы поверхностного серебрения, откуда следует, что крупные медные монеты Мухаммада в момент выпуска имели вид настоящих серебряных монет. Как выше уже говорилось (см. № 31), такое серебрение не является частной характеристикой только хорезмшахских монет, так как аналогичное явление зафиксировано для поздневлекского

и джагатаидского чеканов. Эти наблюдения позволяют не только пересмотреть установившиеся взгляды на историю термина «дирхем», но по-новому представить чекан и денежное обращение времени выхода Средней Азии из серебряного кризиса.

№ 34. В 1949 г. в г. Термезе, при рытье земли на одном из участков Советской улицы, на глубине полутора метров от поверхности, найден был клад серебряных монет, собранный и переданный в Сурхандарьинский областной краеведческий музей военнослужащим В. К. Наумовым. Все 354 монеты клада принадлежат анонимному джагатаидскому чекану конца XIII в. выпуска двух городов: Самарканда (341 экземпляр) и Термеза (13 экземпляров). Устойчивыми признаками самаркандских монет являются: наличие на лицевой стороне тамги, наименования города и титула الامام الاعظم «ал-имам ал-а'зам» (последний несомненно от опущенного здесь имени давно умершего халифа Насира), а на обратной стороне — суннитского символа веры (вариант: «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад посол Аллаха») всегда в одинаковом двухлинейном фигурно пересеченном ободке с точечным кругом посередине. Палеографические детали и некоторые другие особенности позволили разбить этот самаркандский тип на три варианта, которые сменялись в хронологическом порядке. На лицевой стороне монет первого варианта наличествует уже почти нечитаемая круговая легенда с выпускными сведениями, позволившая установить только один год—681/1282—1283 г. Со следующего 682/1283—1284 г. и до 685/1286—1287 г. дата на монетах первого варианта дополнительно представлена цифрами в верхней части поля лицевой стороны. Во втором варианте с цифровыми датами в пределах 685—688 гг. х. (1286—1287—1289 гг. н. э.) упомянутая круговая легенда совершенно исчезает и заменяется двухлинейным фигурно пересеченным ободком. Третий вариант, выпускавшийся по данным клада в 689—693 гг. х. (1290—1293-1294 гг. н. э.), очень близок второму и, кроме палеографических вариантов, отличается только появлением на лицевой стороне слова اختيار.

Монеты термезского чекана несколько отличаются от самаркандских: у них другая тамга на лицевой стороне, а легенда поля вместо титула содержит наименование города («Термез») с его почетным прозвищем—город мужей «حال ترمنه»¹ Круговая легенда, опирающаяся непосредственно на внутренний ободок, совершенно нечитаема. Обратная сторона термезских монет, подобно самаркандским, содержит символ веры.

УКАЗАТЕЛЬ МОНЕТНЫХ ДВОРОВ

1. Ахсикет	№ 9
2. Балх	№ 30-п
3. Бинакет	№ 2, 3
4. Бухара	№ 7, 18, 23, 24, 29-в, 29-г, 29-е, 30-м, 30-о, 31, 32
5. Мерв	№ 6
6. Отрар	№ 5
7. Самарканд	№ 6, 16, 22, 25, 26 а, 26-б, 26 в, 26-г, 26-д, 26 е, 26-ж, 26-л, 27, 28, 29-г, 29-е, 32, 34
8. Согд	№ 29-б 30-п
9. Термез	№ 33 34
10. Узденд	№ 1, 12, 13
11. Фергана	№ 21
12. Хутгалай	№ 26-к
13. Шахрухия	№ 29-г

УКАЗАТЕЛЬ ДИНАСТИЧЕСКИЙ

Монеты греко-бактрийские	№ 30-а, 30-б
• согдийские разные	№ 30-в, 30-д, 30-е, 30-ж
• кушанские	№ 19, 30-г
• хорезмийские	№ 30-з
• китайские VIII в.	№ 30-л
• бухар-худатские серебряные	№ 30-и
• т. н. «черные дирхемы»	№ 6, 8, 20, 30 к
Монеты аббасидские	№ 26 а, 30 м
• тахиридские	№ 26-б, 27, 30-н
• саманидские	№ 9, 10, 11, 26 в, 26-г, 29-л 30-о
• илекские	№ 1, 2, 3, 12, 14, 15, 16, 21, 29-б, 30-п
• ануштегинидские	№ 26-д, 31, 33
• джагатаидские	№ 4, 5, 17, 22, 29-в, 34
• Тимура и тимуридские	№ 23, 24, 26-е, 26-ж, 26-з, 26-и, 26-к, 26-л, 29-г, 29-д, 29-е, 30-р
• тимуридские или шейбанидские	№ 6, 28
• шейбанидские	№ 6, 25, 29-ж, 30-с, 32
• аштарханидские	№ 18
• мангытские	№ 26-м, 26-н, 30-т
Бухарский денежный знак	№ 7
Монета Екатерины II	№ 29-з

М. Е. МАССОН

К ВОПРОСУ О „ЧЕРНЫХ ДИРХЕМАХ“ МУСЕЙЯБИ

و كذلك المسيبية و المحمدية
من ضرب الاسلام
Истахри, X в.

Введение

Как и во многих других случаях, относящихся к разработке проблем из области так называемой „мусульманской нумизматики“, корни вопроса о раннесредневековых среднеазиатских „черных дирхемах“ заложены в трудах русского академика, „князя восточной нумизматики“ Х. М. Френа. Он первым из специалистов еще в 1819 г. описал экземпляр дирхема типа бухар-худатских монет с титулом „хакан“ из собрания Неелова в Казани, допуская, что объект принадлежит хазарскому чекану¹. В 1832 г. им же были опубликованы еще два экземпляра таких монет с арабской легендой, упоминающей халифа ал-Махди. Отметив, что значительное число ставших к этому времени известными ему подобных монет поступило из „Великой Бухарии“, каковое название прилагалось тогда к Западному Туркестану, Х. М. Френ предложил относить выпуск их к тюркским правителям Мавераннахра². Монетами этой категории позднее занимались И. Штиккель, Э. Томас, Ф. Соре и др.³ Но правильная разгадка природы монет относится лишь к 1875 г. и связана с именем другого крупного русского ориенталиста и нумизмата П. И. Лерха. Ему самому удалось собрать подобные монеты различных типов в 1858 г. в Бухаре, а в 1867 г. купить еще несколько экземпляров в Ташкенте у русского купца, привезшего их якобы опять-таки из Бухары. П. И. Лерх доказал, что древнейшие типы монет принадлежат чекану бухар-худатов, а все более поздние, в том числе и низкопробные монеты с именем ал-Махди, определил

¹ С. М. Fraehn, *Novae Symbolae ad rem numariam muhammedanorum ex Museis Pflugiano atque Mantufeliano Petropoli nec non Nejelowiano Casani, Petropoli et Halis Saxonom*, 1819, S. 47—46.

² С. М. Fraehn, *Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschis oder von der Goldenen Horde, nebst denen verschiedener anderen Dynastien im Anhang*, St. Petersburg und Leipzig, 1832, S 53—55. Ср. русский перевод этого труда, сделанный М. Волковым под заглавием „Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении“, СПб., 1832. Более точный перевод с немецкого подлинника части текста, относящейся к описанию монет типа бухар-худатского чекана, дан П. И. Лерхом в его труде „Монеты бухар-худатов“. Труды РАО, ч. XVIII, СПб., 1875. Есть отд. от., СПб., 1909, стр. 9—14.

³ J. G. Stickel, *Das Grossherzogliche Orientalische Münzcabinet zu Jena*, 2 Heft, Leipzig, 1870, S. 119—123; B. Thomas, *Essays on Indian Antiquities*, t. II, p. 117 и след.

как „гитрифки“, выпускавшиеся в Бухаре в подражание первым после 175 г. х. и остававшиеся там в обращении до начала XII в. включительно¹.

После того эти монеты штудировали В. В. Тизенгаузен, снова Э. Томас, Э. Друэн, Ж. де Морган, О. Доннер², но особенно глубоко и успешно А. К. Марков, выделивший среди них одну группу дирхемов м^х а м меди.³ В. В. Бартольд в одном из своих капитальных трудов посвятил вопросу о низкопробных дирхемах несколько страниц, не входя при этом в рассмотрение самих нумизматических объектов.⁴ Опуская перечень различных высказываний и публикаций отдельных монет этого класса, отметим, что работой, наиболее подробно трактующей этот вопрос, была статья А. де ла Фюй, вышедшая в Лондоне в 1907 г. Французский нумизмат предложил в ней читать на наиболее древних из известных ему монетах согдийскую легенду не просто в виде титула „бухар-худат“, как это расшифровал П. И. Лерх, а „бухар-худ-Кана“, при котором, мол, по Наршахи, начат был чекан в Бухаре первых сасанидоподобных серебряных дирхемов. Все бухар-худатские монеты и подражающие им дирхемы А. де ла Фюй разбивает на восемь хронологических групп, причем кружки из относительно высокопробного серебра с обозначением имени ал-Махди относит к правлению этого халифа, а всю массу низкопробных считает, как и П. И. Лерх, известными „гитрифками“, чеканенными в Бухаре с 176 г. х.⁵

¹ П. И. Лерх. Sur les monnaies de Boukhar Khoudats... Travaux de la troisième session du Congrès international des Orientalistes. II. St. Pétersbourg, 1880, p. 419—429. Краткое сообщение об этом в Bulletin du Congrès international des orientalistes à St. Pétersbourg.—p. 112—113; его же. Монеты бухар-худатов, цит. соч.

² W. Tiesenhause n. Notice sur une collection de monnaies orientales de m. le comte S. Stroganoff. St. Pétersbourg, 1880, p. 11; его же. Нумизматические новинки, ЗВО РАО. т. VI. СПб., 1892, стр. 230—231; E. Thomas. Bilingual coins of Bukhara, Numismatic Chronicle, 3e série, v. I, 1881, p. 116—128; E. L. Drouin, Revue archéologique, 1885; его же. Les monnaies touraniennes, Revue Numismatique, 1891, p. 215—215; J. de Morgan. Manuel de numismatique orientale, t. I. Paris, 1923—1926, p. 495. Автор оговаривается, что касается только чекана бухар худатов до арабского завоевания в 709 г. х., датирует его выпуск VI—VII вв. и в примерах легенд домусульманского чекана приводит на втором месте надпись, в которой ясно читается написанное по-арабски слово *المجدى* (p. 460 fig. 609, №2); O. Donner. Sur l'origine de l'alphabet turc du nord de l'Asie. Journal de la Société Finno Ougrienne, XIV, 1, p. 33—38.

³ A. Markoff. Registre général des monnaies orientales. Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères, VII. St. Pétersbourg, 1891, p. 13—22.

⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 208—213. „Мы не имеем возможности входить в рассмотрение нумизматического вопроса, к какому из трех видов должны быть отнесены различные типы найденных до сих пор в Средней Азии низкопробных дирхемов, чеканенных по образцу местных серебряных дирхемов домусульманского происхождения“. В работе указывается, что в Согдиане в V и в VI вв. чеканились дирхемы в подражание сасанидским. Как теперь выясняется, в эту пору в Средней Азии в изобилии была в обращении и подлинная сасанидская монета, а на месте в подражание ей даже изготовлялись низкопробные литые кружки нелегальной фальсификации.

⁵ Allotte de la Fuée, Imitations de la drachme de Varahran V, frappé à Merv, Numismatic Chronicle, 1927, p. 156—186.

Много лет спустя М. М. Явич, которой осталась неизвестной упомянутая статья французского нумизмата, самостоятельно дошла до аналогичного чтения имени „Кана“ на монетах двух разных групп, М. М. Явич. Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите, Государственный Эрмитаж, Труды отдела Востока, т. IV, Л., 1947, стр. 211—213. Последняя по времени попытка разбора этой согдийско-бухарской легенды принадлежит коллективу авторов, состоящему из В. А. Лившица, К. В. Кауфман и И. М. Дьяконова, и заключена в их статье „О древней согдийской письменности Бухары“, ВЛИ, 1954, 1, стр. 10—163. Ими предложены следующие возможные варианты расшифровки: „Царь Бухары Кан(а) [стр. 154,], „государь Бухары (из рода) Кан(а)* [стр. 157] и „государь царь Бухары“ [стр. 157, прим. 1].

Эта работа показывает, что заключительное слово в данном вопросе не может быть сделано без привлечения накопленных в самой Средней Азии материалов, и в частности по одним только, как правило, не документированным или недостаточно точно документированным объектам из музейных собраний без учета топографического распределения монетных находок разных групп. Рассматривая полную сводную работу о монетах бухар-худатов и подражающих им чеканов как одну из очередных и своевременных тем, мы в этой статье ставим перед собой лишь скромную задачу поделиться некоторыми изображениями историко-нумизматического порядка в части расшифровки одной группы монет, именно дирхемов мусейяби, беря их на общем историческом фоне эпохи, помогающем восстановить наилучшую перспективу для отыскания более надёжного решения вопроса¹.

ДИРХЕМЫ МУСЕЙЯБИ

Вопросом о дирхемах мусейяби до сих пор никто специально не занимался, в отношении их имеется меньше всего высказываний, а попыток отождествления их с какой-либо группой нумизматических объектов не было совершенно. Средневековые арабские авторы приводят их наименования в различных начертаниях: *المسبيّة* (Истахри, Ибн Хаукаль, Самани), *آلرَاهَمَ مَسْبِيّة* (Макдиси, Ибн Хордадбех) и *درم مسبي* (Гардизи). Происхождение названия устанавливается соответствующим текстом автора XI в. Гардизи: *بدرم مسبي بدوباز خوانند چنانکه غطريفى بغطريف بن عطا الكندى و محمدى بمحمد بن دهده*. Дирхем 'мусейяби' объясняют также тем, как и 'гитрифи' от (имени) Гитрифа, сына Ата ал-Кунди и 'мухаммеди' от (имени) Мухаммеда, сына Дехде².

Мусейяб бен Зухейр аз-Забби, имя которого перешло, как предполагают, на название одной из групп упомянутых монет, оставил по себе печальную память как администратор, в целях личного обогащения произвольно увеличивший подати после своего назначения на должность наместника Хорасана. Это произошло при халифе ал-Махди (775—785), причем вновь назначенный наместник прибыл в Мерв в самом начале 780 г. и оставался на этом посту до 783 г. включительно.³ Макдиси приводит слышанную им в конце X в. легенду, по

¹ Последний общий обзор "черных дирхемов" Мавераннахра имеется у Р. Н. Фрайя в его работе *Notes on the early Coinage of Transoxiana, Numismatic Notes and Monographs, № 113, New-York, 1949, p. 24—31*, но этот автор не делает попытки распределить выявленный нумизматический материал по трем известным по письменным источникам локальным типам.

² Гардизи, л. 95; по тексту, приведенному В. В. Бартольдом, цит. соч., стр. 210, прим. 6.

³ Согласно Наршахи, Мусейяб прибыл в Хорасан в джумади I 163 г. х., т. е. в январе 780 г., а по Хамза Исфahanскому — в джумади II того же года, т. е. в феврале. Последний автор по ошибке называет вступившего тогда в должность хорасанского наместника эмиром Зухейром, сыном ал-Мусейяба (изд. Готвальда, 222 и 172 — 173; П. И. Лерх, *Монеты бухар-худатов*, цит. соч., стр. 101). Тот же год приведен из Ибн ал-Асира (*Ibn al-Athiri Chronicon, v. VI, стр. 91*). Гардизи указывает как дату прибытия Мусейяба в Хорасан джумади I 166 г. х., т. е. декабрь 782 — январь 783 г. и считает, что он был наместником всего восемь месяцев. цит. соч., стр. 95; В. В. Бартольд, *Туркестан...*, цит. соч., стр. 204, прим. 4. Бухару Мусейяб посетил, по Наршахи, впервые в год вступления в должность хорасанского наместника в месяце раджабе (март-апрель 780 г.)

которой Мусейяб, Гитриф и Мухаммед были братьями¹. Это едва ли верно, поскольку Гитриф был родом из Йемена, а Мусейяб, судя по его нисбету, приводимому Якуби и Наршахи, происходил из Хеджаса, на что обратил внимание уже П. И. Лерх.²

Краткие упоминания дирхемов мусейяби встречаются преимущественно лишь у авторов, писавших почти сто и более лет спустя после того, как могли быть выпущены первые „мусейябки“. Из текста росписи доходов владений Абдаллаха бен Тахира, приводимого Ибн Хордадбехом, явствует, что термин этот, однако, был в широком употреблении уже в первой четверти IX в.³ В X в. „мусейябки“ своим несколько странным обликом требовали комментария в смысле принадлежности их к „мусульманскому чекану“. Истахри, описывая штампы с изображением для дирхемов гитрифи и отмечая, что они принадлежат все же к монетам, выпущенным после введения в стране ислама, дальше добавляет „также 'мусейябия' и 'мухаммадия' из исламского чекана⁴“. Это же подтверждено и в тексте Ибн Хаукаля⁵. В конце X в. мусейяби, мухаммеди и гитрифи именовались Макдиси „черными дирхемами“ (سود), напоминающими медные фулу-сы, но имеющими, однако, курс выше белых (البیضی), т. е. серебряных дирхемов общегосударственного саманидского чекана, причем ходили они якобы только в областях Хайтала, т. е. как бы бывшего государства эфталитов⁶. По ряду других письменных свидетельств, все перечисленные дирхемы имели обращение лишь в некоторых областях к северу от Аму-Дарьи, включая Мавераннахр, Фергану и области по нижнему течению Сыр-Дарьи, и никогда не обращались в странах левобережного Тохаристана, входящих в состав коренных земель государства эфталитов. Объясняется же приводимое Макдиси известие тем, что арабские географы X в. считали и называли хайтальской стороной области к северу от Аму-Дарьи, а области левобережья — хорасанской стороной, хотя именно здесь находилась столица среднеазиатского государства эфталитов. Наконец, Гардизи (XI в.) сообщает, что все три типа перечисленных дирхемов были (очевидно, надо понимать — в его время) из сплава меди со свинцом⁷.

По внешности все эти дирхемы являлись примерно однотипными, т. е. у них, как у описывавшихся Ибн Хаукалем в X в. гитрифи, чекан

¹ Макдиси, كتاب احسن التقاسيم في معرفة الاقاليم, BGA, Lugduni Batavorum, 1906, ۳۹۰. Эта же легенда об овладении Мавераннахром тремя братьями и о выпуске монет, получивших название по их именам, предана Самани. Арабский текст приведен В. В. Бартольдом. цит. соч., ч. 1, Тексты, СПб., 1893 стр. ۵۸

² П. И. Лерх, цит. соч., стр. 101, со ссылкой только на Якуби.

³ Ибн Хордабех, كتاب المسالك و الممالك, BGA, t. VII, Lugduni Batavorum, 1839, арабск. текст, ۳۸—۳۹; перев. 27—28.

⁴ Истахри, كتاب مسالك الممالك, BGA, t. I, Lugduni Batavorum, 1870, ۳۱۴

⁵ Ибн Хаукаль, كتاب المسالك و الممالك, BGA, t. I, Lugduni Batavorum, 1873, ۳۶۳.

⁶ وهی سود علی عمل الفلوس لاتنق الابیطل ولها فضل علی البیضی Макдиси, цит. соч. ۳۴۰; А. К. Марков ошибочно отнес этот текст к одним дирхемам 'мухаммадия'. А. Магkoff, цит. соч., p. 20.

⁷ و این درمجا باروی و ارزیز آمیخته (Гардизи, цит. соч.)

был „с изображением и буквами неразборчивыми“, но каждая группа имела определенный ареал распространения.

Наиболее узколокальными были гитрифи, ходившие лишь в Бухарской округе.¹ Шире были распространены мухаммеди, которыми, по данным росписи доходов государства Абдаллаха бен Тахира в 826—828 г., вносили подати округа по Кашка Дарье (Несеф и Кеш), Согд, Фергана и большая часть Осрушаны. Наконец, в дирхемах мусейяби поступал харадж Шаша, его месторождений серебра (т. е. Чирчик-Ангренская область вместе с Илакскими или Кара-Мазарскими горами), плавившими 607100 дирхемов; Ходженда — 100000 дирхемов; небольшая часть — в 2000 дирхемов — с Осрушаны и кое-каких городов тюрок по среднему и нижнему течению Сыр-Дарьи, находившихся в некоторой зависимости от Нуха бен Асада. Эти города вносили деньгами всего 16400 дирхемов, частью мусейяби, а частью хорезми.² В дирхемах мусейяби указывается харадж Шаша и Ходженда (но без упоминания Осрушаны) в конце X в.³ Таким образом, ареал „мусейябок“, определяется довольно отчетливо как Ходжендский округ, северные округа Джизака и Ура-Тюбе, долины Чирчика и Ангрена, прилежащие с юго-востока Карамазарские горы и ближайшие к Ташкенту с севера города по Сыр-Дарье.

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ НА ТЕРРИТОРИИ НУМИЗМАТИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ „МУСЕЙЯБОК“

В пределах этой нумизматической провинции монеты типа бухар-худатского чекана встречаются очень часто на руках у населения и зарегистрированы нами по местным находкам и в виде отдельных экземпляров и в виде целых кладов, иногда в количестве нескольких сот монет (табл. 1).

Таблица 1

Перечень зарегистрированных находок монет типа бухар-худатского чекана на территории нумизматической провинции „мусейябок“

Место находки	Количество монет	Год находки	Библиографические данные
Район Ходженда 1. Окрестности города Ходженда	клад	1866	В. В. Григорьев, Восточный или Китайский Туркестан, в. II, СПб., 1873, стр. 158, прим. 52.

¹ في عمل بخارا وحده Истахри, цит. соч., 3140. По Ибн Хаукалю, гитрифи не имели обращения нигде, кроме „Бухары или особых мауза за рекой“ (т. е. Аму-Дарьей) هذا الدراهم الا بخارا او مواضع مختصه خلف النهر Ибн Хаукаль, цит. соч., 373. Это же подтверждается списками государственных податей IX и X вв. Бухарские мауза были окружены районной стеной протяжением, по примерным подсчетам, свыше 200 км. См. Массон М. Е., Некоторые результаты разбора археологических материалов, добытых при работах гидрогеологической партии М. М. Решеткина, в Бухарском оазисе в 1930 г., Материалы по гидрогеологии Узбекистана, вып. 15, Ташкент, 1935, стр. 189.

² Ибн Хордадбех, цит. соч., 38 — 39, пер. стр., 27—28.

³ Макдиси, цит. соч., 339—34.

Место находки	Количество монет	Год находки	Библиографические данные
2. Кирпичный завод к востоку от г. Ходженда	клад	1929	М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг., „Научная мысль“, 1930, Самарканд—Ташкент, стр. 83, № 5.
3. Развалины замка Мунчак-Теле на Фархадстрое Горы Кара-Мазар или Ижака	3 экз	1943	Не опубликованы
4. Дрешсай, против Тары-экана	1	1929	М. Е. Массон, цит. соч., стр. 83, № 4.
5. Тарыэкан, вблизи древних рудников	клад	1931	М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг., Материалы Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933, стр. 10, № 10.
6. Кан-и-Мансур (рудник Кухи-Сим), у восточного края щели древнего серебряного рудника	1 экз.	1931	М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг., Материалы Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933, стр. 10, № 11.
7. Табашар, вблизи древнего рудника	1 экз.	1929	М. Е. Массон, К истории горной промышленности Карамазара, Труды Таджикостанской базы Академии Наук СССР, вып., IV, Л., 1935, стр. 128.
8. Терекликан, на дне древней шестиметровой глубины щелеобразной горной выработки.	1 экз.	1933	Из письма А. Н. Зографа к М. Е. Массону от 30/1 1935 г.
Долина Ангрена (Илак или Ахангеран).			
9. Городище Улькан Тойтубе (Нукет) ¹	2 экз.	1928	М. Е. Массон, Монетные находки. . . 1928—1929 гг. ук. соч., стр. 90, № 32.

¹ Как сообщил нам покойный Т. Миргиязов, два бронзовые дирхема с именем **المجلى** были встречены при проведении Ташкентского канала в 1940 г. вблизи Пскента, на городище рядом с курганным могильником.

Место находки	Количество монет	Год находки	Библиографические данные
10. Восточнее городища Имлак (столица Илака, Тункет) против Суюр-Тепе, в пойме Ангрена	клад	до 1917	Находка установлена во время работ возглавлявшегося М. Е. Массоном 29 отряда Таджикско-Памирской экспедиции 1934 г. В. Д. Жукову удалось получить оставшиеся от клада 247 монет. Монеты хранятся в археологическом кабинете САГУ.
Долина Чирчика (Шаш)			
11. Чорлок-Тепе, близ Намданека	1 экз.	1884	Отчет археологической комиссии за 1882—1883 гг. СПб., 1897, стр. 15; см. также Н. И. Веселовский, Заметка о курганах Туркестанского края, ЗВО РАО, т. II, в. III—IV, СПб., 1888, стр. 223.
12. Территория старой части г. Ташкента ¹	клад	до 1917	Не опубликован. 39 монет из клада хранились в 1928 г. в фондах Главного Среднеазиатского музея.

В числе точно зарегистрированных находок на территории, где в средние века обращались дирхемы мусейяби, известны монетные кружки: низкопробные серебряные, из высококачественных и малоценных сплавов, а также почти медные. Все они принадлежат к одной группе и представлены двумя типами.

I тип, к которому относится подавляющее большинство монет:

А.—подражающий изображению на монетах бухар-худатов мужской бюст вправо, в короне из двух ступенчатых зубцов, с навершием в виде шара, который поддерживает над ней полумесяц с точкой. В ухе крупная круглая серьга. Волосы ниспадают на затылке в виде тяжелой букли. Сзади поднимается конец повязки. Плечо очерчено линией из слившихся точек. Ниже три круглые „бляшки“. Перед лицом справа—известная нумизматам согдийская легенда. Позади—имя халифа Махди — المهدى. Начертание последнего знака имеет несколько вариантов и на некоторых экземплярах представлено в виде двух параллельных черточек—дефиса; иногда конечное ζ показано слитно с δ . Ободок точечный.

Р.—В центре колонный алтарь огня (атешгох) на ступенчатом основании со спускающимися концами перевязи. Над ним мужской бюст (фервер) в короне вправо. По сторонам фигуры двух стоящих стражей, обращенных лицом к алтарю, с приподнятыми копьями, у одного—в правой, у другого—в левой руке. Ободок точечный.²

¹ На территории Ташкента было несколько случаев обнаружения монет этой группы, но без точной фиксации мест находок.

² Е. А. Пахомов считал, что стражи на монетах типа бухар-худатского чекана с именем المهدى стоят с поднятыми мечами. (См. Е. А. Пахомов, Монетная коллекция Азгосмузея Материалы Азгосмузея, т. I, вып. 8, Баку, 1928, стр. 45). Между тем на этих монетах, имеющих на себе изображение в подражание драхам Варахрана V, так же как и на последних, различаются длинные древки копий, лишь слегка приподнятых от пола.

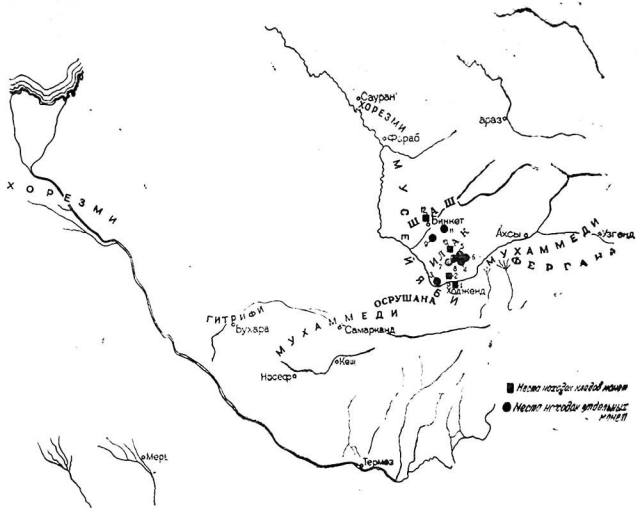

Рис. 1. Схематическая картограмма распространения „черных дирхемов“ IX—X вв.

II тип, к которому принадлежат редкие для района „музейябок“, единичные экземпляры. Лишь в одном они оказались „подмешанными“ к кладу монет из окрестностей Тункета в 247 экземпляров, среди которых на их долю приходится 9 кружков, т.е. около 3,5%. А и R те же, что и на первом, но над короной, вместо полумесяца—кольцеобразный круг, а на плече, вместо „бляшек“,—два не разгаданных окончательного знака . Их сближают со встречающимися на аббасидском чекане иногда одиночно, иногда спаренными знаками, которые

выглядят как . Последние впервые отмечаются на аббасидских монетах со 150 до 183 г. х. (767—804 г. н. э.), затем выходят из употребления и вновь появляются на фельсах Бинкета (Ташкента) и дирхемах Шаша саманидского чекана конца IX—начала X вв. По мнению некоторых нумизматов (начиная со Штиккеля), соответствует словам „хорошо“, „прекрасно“ и означают на монетах свидетельство их доброкачественности, „бахия“¹. В. Г. Тизенгаузен, первым описавший экземпляры второго типа, полагал, однако, что, судя по месту, которое занимают эти два слова, они „скорее всего служат пожеланием государю блага и добра“. Автору казалось, что —сокращение слова „счастье“ и являлось синонимом слова , которое встречается на некоторых объектах мусульманской нумизматики². Между тем, поскольку изображения бюста на наших монетах просто повторяют тип домусульманского чекана, а не являются портретом реально существовавшего тогда государя, высказанное В. Г. Тизенгаузенем предположение в части истолкования пресловутых знаков, появившихся в период господства ислама, является дискуссионным.

В приведенных данных заслуживает особенного внимания то обстоятельство, что сделанные на территории, определенной границами распространения дирхемов музейяби, все точно зарегистрированные монетные находки и подавляющее большинство встречающихся у населения на руках монет типа бухар-худатского чекана приходятся на монеты первого типа, т.е. на группу, которая, начиная с П. И. Лерха и кончая А. де ла Фюй, признается нашими предшественниками исключительно за дирхемы гитрифи, обращавшиеся, по свидетельству арабских авторов, только в г. Бухаре и его округе.

Одиночные монетные кружки этого типа попадают и в других районах Средней Азии, например, в Фергане, где мной зарегистрированы находки: в 1924 г.—трех таких низкопробных дирхемов на склоне горы Тахти Сулейман близ Оша; в 1934 г.—одного подобного же дирхема, в 60 м от главного входа в знаменитую пещеру Кан-и гут, и в 1939 г.—несколько их экземпляров на городище близ Лугумбека при земляных работах на втором строительном участке Большого Ферганского канала. Встречаются они и в долине Зерафшана от Са-

¹ Подробный экскурс о толковании упомянутых знаков на арабских монетах см. В. Г. Тизенгаузен, Монеты восточного халифата, СПб., 1873, стр. 77—80.

² В. Г. Тизенгаузен, Нумизматические новинки, цит. соч., стр. 230—231; там же рисунки А монет.

³ Находка такого дирхема второго типа была сделана телеграфистом ст. ж. д. Каракуль, И. Н. Одиновым. См. протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, т. XVIII (ошибочно напечатано XVII), Ташкент, 1913, стр. 88. Рисунок монет помещен на таблице после стр. 89 под № 6. Один экземпляр монет первого типа был встречен при археологическом вскрытии у мавзолея Гури-Мир в Самарканде в 1943 г.

марканда до Пайкенда включительно³ Однако для этих районов имеются свои, более характерные и специфические типы⁴.

Так, в Ферганской области попадаются высокопробные и низкопробные монеты типа бухар-худатского чекана с написанным куфлическим почерком словом محمد слева, в котором А. де ла Фюй хочет видеть или имя пророка Мухаммеда (что нам кажется мало вероятным) или имя халифа Махди. Преобладающими для Самарканда и для всех районов, в которых некогда обращались дирхемы мухаммеда, являются относительно высокопробные серебряные, бронзовые и отчасти медные монеты, на которых вокруг бюста в короне без полумесяца и без кольца разнесены легенда, упоминающая эмира Али: بسم الله محمد [sic!] $\text{رسول الله محمديه ميامر به الامير على سليمان لله}$. В свое время П. И. Лерх приписывал их чекан Али-тегину, которого Илекхан назначил наместником в Бухару⁵ Позднее А. К. Марков впервые правильно истолковал слово محمديه как название монеты „мухаммедийка“ или „дирхем мухаммеда“⁶ и предположил их чекан в Самарканде или в Фергане⁴. Топография монетных находок и установленный теперь нами по ним ареал распространения вполне совпадают с нумизматической провинцией дирхемов мухаммеда⁵.

Вместе с тем, в Бухарском и отчасти в Самаркандском районах встречаются в значительно меньшем числе известные в литературе по экземплярам Британского музея монеты, где позади бюста в короне расположена легенда $\text{محمديه الخليفة هرون}$. Первое слово уже в 192 г. А. де ла Фюй правильно истолковал как название монеты „махдийка“ или (дирхем) „махлия“, а все вместе переводил как „махдийка халифа Харун“. Французский нумизмат сближает с этой же группой монету из коллекции С. Строганова, для легенды которой предлагает чтение „махдийка халифа“ и ошибочно относит ее к чекану халифа Махди. В данном случае он был введен в заблуждение неточным чтением В. Г. Тизенгаузена⁶, т. к. в действительности такой монеты не существует, а на упомянутом экземпляре, хранящемся ныне в Эрмитаже, не только стоит محمديه الخيفه , но при внимательном рассмотрении можно разобрать и плохо вышедшее или сохранившееся слово هرون .

Кроме приведенных почти медных монетных кружков, нам известны по коллекции покойного самаркандского нумизмата Б. Н. Кастальского еще два типа пока неопубликованных монет с именем Харун ар-Рашида. Первый из типов представлен высокопробным серебряным кружком, на котором слева от бюста размещена легенда الخليفة هرون а внизу, вместо трех бляшек, в опрокинутом виде جعفر لله Второй тип представлен кружком из бронзового высококачественного сплава,

¹ Большое число „черных дирхемов“ описываемых тип в было найдено также на городище Варахша и в его окрестностях (см. ст. Е. А. Давидович в этом же сборнике). (Ред.)

² П. И. Лерх, Монеты бухар-худатов..., цит., соч., стр. 131.

³ В форме محمديه дирхемы эти фигурируют у Ибн Хордадбега и Макдиси; Истахри и Ибн Хавкаль употребляют этот термин с членом: المحمديه

⁴ А., Mark ff, Registre générale... цит. соч., стр. 22.

⁵ Между прочим, как говорил мне покойный землемер В. В. Григорьев, клад именно таких низкопробных монет с круговой мусульманской легендой был найден на городище (по Зерафшану) бли Пенджикента в начале этого столетия. В составленной в Самарканде коллекции Б. Н. Кастальского из 36 монет с именем али приходится 16 экземпляров (частично в кусках) с именем Махди.

⁶ W. Tiesenhause, Notice..., цит. соч., р. II, изображение pl. I, fig. 6.

причем позади бюста выбиты слова مهديه الخليفه هرون, а внизу обозначения те же, что и на первом.

Все эти монеты с именем Харун ар-Рашида особенно важны в том отношении, что содержат в себе термин „махдия“ для обозначения определенного типа денежных знаков и при этом не приводимый у позднейших авторов X—XI вв., но явно бытовавший до того в Мавераннахре в VIII и в начале IX в., так как в противном случае он не попал бы в легенду монет.

Кроме двух вышеприведенных типов, среди монет типа бухархудатского чекана с именем Халифа Махди, в нумизматической литературе известен впервые опубликованный в 1880 г. В. Г. Тизенгаузен третий тип, у которого, наряду с согдийской легендой справа, слева от бюста с короной, увенчанной кружком (как на описанных дирхемах „бахия“) вычеканена легенда الميدي الفضل الله¹. В коллекции Музея истории АН УзССР имеется вариант подобного дирхема с такой легендой, причем на короне помещен полумесяц (в. = 3,05 г; д. = 24,5 мм). В натуре существует еще нигде не опубликованный четвертый тип, представленный прекрасным экземпляром упомянутого музея. На нем корона дана с кружком, а слева позади бюста размещена легенда الميدي موسى الله (в. = 2,82 г; д. = 24,4 мм). В отличие от двух первых монеты третьего и четвертого типов встречаются исключительно в виде высокопробных серебряных монетных кружков и попадаются очень редко, что свидетельствует, во-первых—о более раннем их появлении по сравнению с низкопробными, во-вторых—о кратковременности эмиссии. Судя по типу корон, монеты были выпущены на разных, по крайней мере, на двух монетных дворах. Местá находок дирхемов третьего и четвертого типов точно не зафиксированы, и пока известно лишь, что они отсутствуют среди самаркандских сборов.

МОНЕТНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ПОСЛЕ АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Чтобы правильнее освоить выявившиеся новые нумизматические факты в свете отрывочных данных о дирхемах мусейяби в относительно поздних письменных источниках, полезно попытаться восстановить в хронологической последовательности правильную перспективу, что же собственно представляло собой в общих чертах монетное хозяйство Средней Азии после завоевания ее арабами на протяжении всего периода обращения рассматриваемых „черных дирхемов“.

В эпоху, когда проходил самый процесс завоевания, растянувшийся на десятки лет, в Средней Азии попрежнему, вероятно, обращалось некоторое количество подлинной сасанидской серебряной монеты и местные ее фальсификаты, выявившиеся только за последние годы². Наряду с ними имелись разнородные местные чеканы, преимущественно из

¹ В. Г. Тизенгаузен, цит. соч. р. II. изображение pl. 1, fig. 5.

² Последний случай обнаружения таких определенных нами как медные подражания сасанидским драхам монет имел место в 1941 г. при раскопках А. И. Тереножкиным руин замка Ак-Теле под Ташкентом. Там было найдено несколько низкопробных серебряных монет, переданных нам на определение и оказавшихся подражаниями различным драхам Фируза (459—434), заниженного веса (от 3,4 до 3,6 г) и невысокого художественного исполнения. В металл добавлено большое количество свинца. Техника изготовления этих фальсификатов — литье. Все показанные нам экземпляры вышли из разных форм. Подлинные драхмы Фируза и их фальсификаты являлись наиболее распространенными в Средней Азии монетами среди местных находок сасанидского чекана. Монеты Фируза в долине Зерафшана находились крупными кладами по несколько сот экземпляров в каждом. О наиболее распространенных сасанидских монетах в Средней Азии см. М. Е. Массон, Монетные находки в Средней Азии 1917—1927 гг., Известия Среднеазиатского музея, вып. III., Ташкент, стр. 285, прим. 19.

неценных металлов. Как исключение, в Хорезме существовал серебряный чекан хорезмшахов. В Термезе (как установлено работами Термезской археологической комплексной экспедиции 1938 г.), имелись низкопробные дирхемы, подражавшие позднему сасанидскому чекану. Как будто в южных районах Узбекистана и одновременно в Согде обращались медные чеканенные монеты с изображениями на А одного или двух бюстов—правителя и его супруги (как нам кажется, в подражание современному им византийскому чекану), а на Р—чаще всего различных тамг в окружении легенд согдийским письмом. В Согде и Кеше в конце VII и в начале VIII в. отливали китаеподобные медные монеты разных размеров с согдийскими легендами¹. Небольшие литые монеты с изображением хищного животного на одной стороне и тамги в окружении согдийского типа легенды—с другой, ходили в Ташкентском районе. В Бухаре, как нами теперь устанавливается на основании изучения раннесогдийского чекана, вновь после длительного перерыва, который произошел в пору кризиса рабовладельческого общества (почему Наршахи казалось, что „впервые“), с 12 г. х., т. е. в 633 г. н. э. бухар-худаты выпускали высокопробные серебряные монеты, прототипом для которых послужили мервские драхмы сасанидского царя Варахрана V (420—439)².

Чекан бухар-худатских дирхемов длился минимум до 89 г. х. (708 г. н. э.), когда Бухара была окончательно завоевана арабами, а может быть, продолжался некоторое время и после того. Во всяком случае, налицо несколько типов ранних бухар-худатских опубликованных в литературе высокопробных серебряных монет, и неопубликованных, не определенных еще точно во времени, но известных нам низкопробных. Исчезновение их из обращения стало остро ощущаться, по Наршахи, лишь к концу VIII в.

Трудно судить теперь, насколько в свое время были распространены в Средней Азии первые серебряные и золотые монеты хорасанского наместничества, выпускавшиеся в Мерве при Абдаллахе бен Хазиме в восьмидесятих годах VII в. по образцу хозроевских с пехлевийской и арабской легендами. Среди местных находок даже в южном Туркменистане (т. е. в северном Хорасане) они представляют большую редкость, что можно объяснить изъятием монеты из обращения после убийства этого наместника, в действиях которого правительство халифата вполне обоснованно усмотрело стремление стать самостоятельным правителем³.

С самого конца VII в. известен довольно регулярный чекан дирхемов в Мерве при нерегулярной работе с начала VIII в. монетных дворов Серахса, Герата, Нишапура, а несколько позднее Бухары. Они, однако, не насыщают среднеазиатского рынка монетой, потребности в которой постепенно возрастают даже в северных областях,

¹ О кешских китаеподобных монетах см. резюме доклада О. И. Смирновой Института востоковедения АН СССР: К истории Согды VII в. Рабочая хроника Института востоковедения за 1943 г., 1. Ташкент, 1944, стр. 37—38 и др. Наиболее подробные данные приведены в ее же работе: Материалы к сводному каталогу согдийских монет, „Эпиграфика Востока“, VI. М.—Л., 1952, стр. 3—45.

² О мервских драхмах Варахрана V см. у В. Г. Тизенгаузена, Восточные монеты Н. Б. Линевича, ЗВО РАО, т. IV, вып. III—IV, СПб., 1890, стр. 291, где попутно отмечается ошибочность мнения Томаса, приписывавшего чекан Варахрана V Бахраму Чубину. Драхмы Варахрана V не редкость среди местных находок, сделанных на территории Средней Азии. Между прочим, в нумизматической коллекции бывшего Главного Среднеазиатского музея хранятся куски нескольких драхм Варахрана V из клада, найденного в Ташкенте в дореволюционное время.

³ Об этом стремлении красноречиво говорит выпуск Абдаллахом бен Хазимом золотых динаров без упоминания халифа, но с проставлением своего имени. Описание такого мервского динара см. В. Г. Тизенгаузен, Нумизматические новинки, цит. соч., стр. 229—230.

где при тюргешах, господство которых продолжалось примерно с 711 до 766 г., стали также отливать свою медную китаеподобную монету¹.

Мало сказавшись на состоянии монетного хозяйства Средней Азии эпизодом явился чекан дирхемов и фельсов в Хорасане в конце сороковых годов VIII в. приверженца аббасидов Абу Муслима, выпускавшего монеты без упоминания имени омейядского халифа.

После утверждения у власти аббасидов число монетных дворов на территории Средней Азии несколько увеличивается, но не сразу, и при этом вначале на них как будто чеканят преимущественно медь. Кроме Мерва, фельсы выпускают Бухара (известны с 133 г. х.), Самарканд (известны с 143 г. х.) и якобы Ахсыкент (известны с 144 г. х.)². Эпизодически в первых двух городах выбиваются и дирхемы, самые ранние из которых известны для Бухары с датой 148 г. х. (765/766 г. н. э.), а для Самарканды—150 г. х. (767/768 г. н. э.), причем чекан обоих пунктов представлен после большого перерыва—с 790 г. для второго и с 803—для первого. Судя по редкости находок на территории советской Средней Азии арабских дирхемов общехалифатского чекана других областей государства, можно полагать, что они до самого конца VIII столетия не вошли здесь в широкий обиход.

В правление наместника Хумейда бен Кахтаба, еще до начала 776 г.³ в Мавераннахре вспыхнуло известное движение Муканны, широко распространившееся среди земледельцев долины Зерафшана⁴ и Кашка-Дарьи. Это движение, носившее в первую очередь анти-арабский характер, было проникнуто маздакитскими идеями и грозило самым основам феодального общества. Своим необычайно быстрым успехом оно вызвало на первых порах растерянность среди арабских властей и дехканской знати. Арабы были вынуждены мобилизовать крупные военные силы. Сам недавно вступивший на престол халиф Махди прибыл из столицы халифата в Нишапур, чтобы находиться поближе к театру военных действий. В 780 г. руководство подавлением восстания перешло в руки вновь назначенного хорасанского наместника, уминавшегося выше Мусейяба. В результате усиления арабских войск повстанцы стали терпеть одну неудачу за другой, и к 783 г. восстание было подавлено. Муканна погиб, его сторонники были разгромлены, а бухар-худат Бунята за оказание поддержки восставшим был обезглавлен в собственном Варахшском дворце в 163 г. х. (782/783 г. н. э.)⁵.

¹ Впервые тюркские монеты определил F. W. Müller (Uigurica, II. APAW, 1910, Berlin, 1911). Новые данные о них см. А. Н. Бернштам, Тюркешские монеты, Государственный Эрмитаж, Труды отдела Востока, Т. П. Л., 1910, стр. 105 и след. Автор ошибочно считает, что тюркешские монеты чеканились (стр. 107), тогда как на самом деле они отливались на подобие китайских. Трудно согласиться также с допущением сочетания в начертании одного слова рунической буквы „ar“ с уйгурскими „kōk“ или „kur“ как это отмечается на стр. 109. Ссылка на стр. 110 на пример илекских монет недостаточно убедительна, т. к. на последних при употреблении в основном арабских легенд по-уйгурски, вставляются отдельные слова, полностью написанные другим шрифтом, но не пополам с арабским.

² Уникальный пока фельс Ахсыкента опубликован по рукописному каталогу А. Г. Гагарина. См. В. Г. Тизенгаузен, Монеты восточного халифата..., цит. соч., стр. 73, № 732. Если легенда прочтена правильно, то упомянутая монета является показателем эпизодической работы ахсыкентского монетного двора.

³ В. В. Бартольд, Туркестан, ч. II, цит. соч. стр. 204.

⁴ Автор придерживается в написании данного слова исторической транскрипции. ⁵ Наршахи..., цит. соч., стр. 17. В. А. Шишкин ошибочно относит убийство Бунята к 778 г. или 160 г. х. (см. его, Резная шгуковая декорация из развалин Варахша близ Бухары, „Искусство“, 1938, № 5, стр. 152). Между тем, 160 г. х. соответствует 776/777 г. н. э., а не 773. Кроме того, из текста Наршахи явствует, что убийство Бунята произошло после того, как халиф Махди „покончил с Муканной и людьми в белых одеждах“.

При изучении объектов среднеазиатской нумизматики этого периода бросается в глаза характерный факт наличия выпущенных в Мавераннахре после разгрома движения Муканны дирхемов общехалифатского образца в Самарканде с наиболее ранней датой—174 г. х. (790/791 г. н. э.), в Ма'ден — аш-Шаше — с 189 г. х. (804/805); в Шаше — с 190 г. х. (805/806); в Бухаре — с 193 г. х. (803/809), т. е. уже в правление Харун ар-Рашида (786—809), когда в стране воцарилось относительное спокойствие и были до некоторой степени изжиты последствия восстания. Вместе с тем, с этой позиции небезинтересен выпуск в Мавераннахре в правление Махди, возможно уже при Мусейябе и несомненно при Фадле, высокопробных серебряных дирхемов по типу домусульманского чекана. Тотчас вслед за этим на хорезмийских дирхемах типа домусульманского хорезмшахского чекана достаточно высокопробных, но уже уменьшенного веса (от 0,05 до 1,32 г), впервые появляются имена арабских правителей Фадла и Джафара, которые правили один за другим тотчас после подавления восстания Муканны. Назначение первого из них, видимо преемника Мусейяба, Абу л-Аббас Фадла, бен Сулейман¹, состоялось в середине 783 г. х. Он прибыл в Мерв в октябре того же года (мухаррам 16/ г. х.)² и оставался наместником Хорасана до 787 г., когда его сменил Джафар бен Мухаммед, правивший с 787 по 789 г.³

После того источники отмечают выпуск в Бухаре низкопробных дирхемов гитрифи, о чем трактуется довольно подробно в специальной главе труда Наршахи. Название их связано с именем Гитрифа бен Ата, приходившегося халифу Харун ар-Рашиду ядлей с материнской стороны и назначенного в рамазан 175 г. х., т. е. в январе 792 г.⁴, наместником Хорасана, каковым он и оставался до 793 г. включительно. По его прибытии к месту службы бухарская знать и старшины сделали ему представление о неблагоприятии в монетном хозяйстве Бухары, где тогда в обращении была хорезмская серебряная монета домусульманского образца, которую жители брали неохотно (вероятно из-за отмечавшейся выше ее неполновесности). Полновесная же и полноценная монета прежнего бухар-худатского чекана (а, очевидно, и нового чекана при арзбах), еще не насытившая достаточно рынка, пропала постепенно из обращения: частично вывозилась за пределы Бухары, частично припрятывалась самим населением, т. к. то была смутная пора, сопровождающаяся некоторым монетным кризисом, пора, когда, по словам Наршахи, золото и серебро были ценны

¹ С. П. Толстов полагает, что на монетах упомянут другой хорасанский наместник, Фадл бен Яхья. См. С. П. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмский алфавит, ВДИ, 1933, № 4 (5), стр. 131. где даны ошибочные даты годов правления 737—795, тогда как Фадл бен Яхья правил в 791—795 г. Та же ошибка повторена в труде С. П. Толстова «Древний Хорезм» М., 1943, стр. 183. Вряд ли эти годы Хорезм выпускал высокопробную серебряную монету, а не перешел на выпуск черных дирхемов хорезми, как это имело место в областях Мавераннахра.

² Подробно об этом см. В. В. Баргольд, Туркестан, ч. II, стр. 525, поправки к стр. 204 и 207 в III—IV ч. Истории СССР (Л., 1939). Неверное отнесение назначения Фадла наместником Хорасана к 732 г. привело к ошибочному выводу, что им закончено подавление восстания Муканны (стр. 259), тогда как это имело место при Мусейябе, и не «в 783 г.» (ibid), а «к 783 г.».

³ В коллекции Эрмитажа есть экземпляр хорезмийских дирхемов домусульманского типа с подписью на этикетке «Джейш». При ближайшем рассмотрении мы убедились, что несколько искаженное имя этого правителя правильно читать как «Джафар».

⁴ В тексте Наршахи ошибочно указан 185 г. х. П. И. Лерх, не учтя, что назначение последовало в месяце рамазан, начавшемся 1—1—175 г. х., отнес это событие к 791/792 г. См. цит. соч., стр. 64, прим. 9.

и редки. Упомянутые представители бухарского населения просили Гитрифа выбить для них дирхемы типа старинного бухар-худатского серебра, но металл их должен был быть вместе с тем таким, чтобы монеты эти никто не вывозил бы из города и чтобы они не исчезали с рынка, а служили бы расчетными знаками при торговле. После того с общего согласия выпустили в Бухаре монету по образцу старого чекана из сплава шести металлов—золота, серебра, свинца, олова, железа и меди¹.

Так как Гитриф прибыл в Хорасан в январе 792 г., вряд ли выпуск низкопробных дирхемов мог быть налажен раньше середины этого года; вероятнее всего, он приходится уже на начало 176 г. х. Из текста Наршахи явствует, что т. к. монетный сплав гитрифи быстро чернел, жители Бухары не стали их брать, и правительство установило принудительный курс в 6 гитрифи за один весовой дирхем серебра [بيك درم سنك نقره حالص] и по этому расчету принимало уплату хараджа, исчисленного в „гитрифках“. Некоторое время спустя курс заметно поднялся и даже сравнялся с серебряным дирхемом. Между тем, правительство требовало внесения податей дирхемами гитрифи по прежнем расчетам, что ложилось тяжелым бременем на население. Эта спекуляция на курсе черных дирхемов продолжалась долгое время, до XII в. включительно, и приводила порой к неожиданным последствиям, когда гитрифи стоили даже дороже серебра. Не входя в подробное рассмотрение обращения „гитрифок, нельзя не отметить, что в них, по словам Наршахи, серебра было больше (очевидно в первое время), чем лигатуры.

Как мы видели, при Тахиридах (821—873) письменные источники упоминают обращение трех видов низкопробных дирхемов: мусейяби, мухаммеди и гитрифи, причем в 835 г. [220 г. х.] в Бухаре сто серебряных дирхемов стоили 85 гитрифи. Серебряные дирхемы арабско-мусульманского чекана выбивались до Абдаллаха бен Тахира (828—944), кроме хорасанских монетных дворов, в Самарканде и Бухаре, а после 823 г. еще и в Шаше, Ма'ден аш-Шаше и Хорезме. Судя по продукции, наиболее интенсивно работали монетные дворы Шаша и Самарканда. В Бухаре же из общегосударственного чекана выпускались тогда лишь фельсы.

Изучение монетного хозяйства в его совокупности на территории саманидского государства наглядно показало нам, что в нем не было той стройности, впечатление о которой складывается при просмотре в нумизматических коллекциях одних только „саманидских монет“, т. е. дирхемов, фельсов и отчасти динаров общегосударственного чекана. Они не исчерпывают собой, повидимому, даже половины того количества разнообразной монеты, которое, не считая некоторого притока иностранной валюты, обращалось в саманидских владениях и выбивалось одновременно с общегосударственными стандартными сериями.

Даже общегосударственного образца монеты не всегда имели нормальное рыночное обращение. Редкие саманидские динары были больше парадной монетой и на рынок, собственно, не поступали. Если, по свидетельству Истахри, денежные расчеты при торговых операциях в Самарканде производились посредством золота, то расшифровку, что под этим следует понимать, мы находим у Якута. В тексте о

¹ تاريخ نرسخی. Литографированный текст, Бухара, 1322, стр. 23 и след. В переводе Н. С. Лыкошина вместо свинца указана „кожа“, цит. соч., стр. 49.

Бухаре он сообщает, что во время Саманидов жители не употребляли там динаров, золото у них шло как товар и движимое имущество, т. е. может быть, было при совершении торговых сделок не только в чеканной монете, но и в слитках и принималось по весу¹. Из слов Ибн Хаукаля явствует, что в его время у жителей Бухары не только динары, но и дирхемы общегосударственного образца ходили как товар, т. е. опять таки на вес.² Такое положение находится в полном соответствии с показанием Истахри о Самарканде, где, по его словам, в начале X в. в торговых сделках были в ходу разломанные на части

дирхемы мукассара (المكسّر) или дирхемы шикеста (درم شكسته) иранской версии текста,³ что подтверждается и монетными находками. Так, в 1928 г. в Самарканде на территории средневековой мечети Намазгах при сооружении краевой больницы был обнаружен хранящийся ныне в Самаркандском музее клад весом свыше 2,5 кг, состоявший из 300 целых и ломанных саманидских дирхемов. Таким образом, несмотря на выступления мусульманских законовладельцев против порчи дирхемов и ссылки на якобы высказанный Мухаммедом запрет резки и разлома монеты, дирхемы калечились не только малокультурными волжскими болгарами. Дирхемы шикеста, находимые в кладах Восточной Европы, в таком „готовом виде“ могли проникать туда из самых владений Саманидов. При всем том в Средней Азии очень не часто встречаются клады обыкновенных саманидских дирхемов, столь обычных среди монетных находок Восточной Европы, куда они оказались мало-помалу вывезенными в результате оживленных сношений Мавераннахра с Поволжьем и некоторыми другими странами.

Как показывают многочисленные монетные находки в Средней Азии саманидских фельсов, именно они были в употреблении больше других категорий монет общегосударственного чекана и именно их подразумевал Ибн Хаукаль, когда сообщал, что бухарцы торгуют на фельсы.

Наряду с ними в разных местах были в употреблении монеты местных чеканов. Уже Якуби засвидетельствовал для конца IX в., что бухарские дирхемы похожи на медные. Это, повидимому, были не одни гитрифи. Так, Ибн Фадлан в бытность свою в 921 г. в Мавераннахре видел в Бухаре дирхемы нескольких типов. Кроме гитрифи, выбитых, по его словам, из сплава бравшихся без веса трех сортов меди и бронзы (نحاس و سبه و صفر) и ходивших по курсу 100 штук за один дирхем из серебра, Ибн Фадлан отмечает наличие там еще дирхемов из одной желтой меди, сорок штук которых

¹ Якут, *كتاب معجم البلدان*, В. I, Leipzig, 1924, * 1A и след. Саманидские динары встречаются в Средней Азии исключительно редко, и в этом отношении особенно интересна находка осенью 1941 г. на территории старой части Самарканда, по Дагбидской улице, на территории Автодорожного техникума, клада из 63 золотых монет. Из них на саманидский чекан приходится 59 монет, обнимающих время с 289 г. х. по 316 г. и являющихся продукцией Шаша, Самарканда, Бухары и, преимущественно, Нишапура. В кладе представлены также два динара династии Тулунидов (Хумаравейх б. Ахмед, Миср, 273 г. х. и Харун, б. Хумаравейх, Миср, 289 г. х.) и два динара династии Саджидов (Юсуф б. Дивдад, Мухаммадия, 311 г. х. и Мухаммадия (?), 312 г. х.). О находке саманидских динаров с именем Нуха II, сына Мансура, сделанной в 1929 г. под Ашхабадом на строительстве конюшен государственного конезаводства близ Махтум-Калы, см. М. Е. М а с с о н, Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 г., Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 140.

² Ибн Хаукаль, цит. соч., 323

³ Истахри, цит. соч., 323

равны одному дирхему, и других, называвшихся „самаркандскими“, тоже из желтой меди, но ходивших по курсу шесть монет на данак¹. Может быть, эти самаркандские дирхемы могут быть отождествлены с теми „дирхемами исмаилия“ (الاسماعيليه), о которых пишет Истахри и Ибн Хаукаль, отличавшие их от ходивших тогда одновременно в Самарканде чёрных дирхемов мухаммеда². О дирхемах мусейяби в государстве Саманидов говорилось выше.

Еще более сложным было монетное обращение в это время в Хорезме. Монет общегосударственного саманидского чекана с обозначением „Хорезм“ нет. Известны фельсы, чеканенные в 366 г. х. (976-977 г. н. э.) хорезмшахом правобережного Хорезма, Ахмедом бен Мухаммед. Прочий монетный чекан пока мало выявлен, но он был видимо, весьма разнообразен и количественно едва ли уж так мал, если учесть роль Хорезма при торговых сношениях Средней Азии с Восточной Европой. Тот же Ибн Фадлач сам видел там хорезмийские дирхемы четырех

категорий: مزيفة³, свинцовые, زيوف⁴ и медные. И они называют дирхем тазиджа (طازجه), когда вес его четыре данака с половиной.

Менялы из них продают الدوامات الكعاب [или اللوامات] и дирхемы⁵. А. П. Ковалевский слово الكعاب перевел как „кости для игры“, а второе непонятное слово—как „чернильницы“, оговорив, что полной уверенности в точной передаче самого смысла при этом нет⁶. Средневековые менялы саррафы на Востоке являли собой ростовщиков, маклеров, часто откупщиков по взиманию налогов. Исполняя функции банков и регулируя рыночные цены, они представляли влиятельную корпорацию. Трудно представить их в качестве торгашей чернильницами и игорными костями. В Средней Азии до самой Великой Октябрьской революции, ко времени которой роль саррафов уже значительно деградировала и сами они в значительной мере измельчали, их товаром служили исключительно денежные знаки разных номиналов, видов и стран. Вот почему допустимо считать, что оба не совсем понятные еще слова являются терминами именно для каких-то обращающихся в Хорезме денежных знаков.

Уже сказанного достаточно, чтобы в общих чертах представить картину монетного хозяйства в Мавераннахре при Саманидах, когда наряду с общегосударственным чеканом и иностранной валютой на

¹ А. П. Ковалевский, Путешествие Ибн Фадлана на Волгу, М.—Л. 1939, перевод, стр. 57, текст—197 б и 198 а.

² Истахри, цит. соч., ۲۲۳, Ибн Хаукаль, цит. соч. ۳۸۳

³ Термин مزيفة обычно переводится как „обрезанный“. См. В. Р. Розен, Прологомена к новому изданию Ибн Фадлана, ЗВО РАО, т. XV, вып. II—III, стр. 56; А. П. Ковалевский, цит. соч., стр. 58 и прим. 92. Нам кажется, что под „дирхемами مزيفة“ можно подразумевать дирхемы „убавленного веса“ которые в виде монет домусульманского типа начали чеканиться в Хорезме еще с конца VII в.

⁴ Транскрибируя данный термин, как زيوف В. Р. Розен переводил его словом „неполновесный“ (цит. соч., ibia), что принято и А. П. Ковалевским который дал в примечании 93 интересный анализ, разъясняющий, что под этим словом может быть, подразумевались изношенные от употребления и потому непригодные для дальнейшего хождения монетные кружки, равно как и монеты продукции нелегальной фальсификации, сделанные с примесью серы и руты. Последнее толкование арабских филологов кажется нам особенно приемлемым, поскольку оно намекает на состав металла монеты и стоит между дирхемами, сделанными из свинца, и дирхемами, изготовленными из меди.

⁵ А. П. Ковалевский, цит. соч., стр. 58, текст, стр. 198а.

⁶ Там же, стр. 93, прим. 98—99.

рынках обращалось обилие монетных кружков разных локальных эмиссий с различными и несомненно постоянно колебавшимися курсами. Все это создавало благоприятную почву для расцвета нелегальной фальсификации, от которой страдали широкие круги населения, а трудности расчета, очевидно, делали в те времена профессию сарфов особенно выгодной.

Наличие встречающихся в Самарканде бронзовых монет типа бухар-худатского чекана с арабской легендой вокруг мужского бюста в короне без полумесяца и кольца *بسم الله محمدا رسول الله الخاقان* наглядно свидетельствует, что эти черные дирхемы были в употреблении и при Караханидах, правители которых носили титул „хакан“. По типу короны и расположению легенды эти бронзовые монеты копируют низкопробные дирхемы мухаммеда с именем Али. Заслуживает внимания также добавление переводчика текста Наршахи, Ахмеда бен Наср ал-Кубави, указывающее на то, что когда он в 522 г. х. (1128 г. н. э.) перевел эту книгу, сто дирхемов из чистого серебра (*درم نقره خالص*) стоили 80 (а по другим рукописям—70) дирхемов гитрифи. Никто из исследователей, пользовавшихся этим текстом, не обратил внимания на заключающееся в нем противоречие с тем положением, какое могло быть в действительности тогда, в эпоху серебряного монетного кризиса, на всем мусульманском Востоке. К 1128 г. уже прошло свыше ста лет, как в Средней Азии не было в ходу никаких монет из чистого серебра и около полустолетия, как вышли из употребления лигатурные полусвинцовые дирхемы, а обращались медные денежные знаки, условно именовавшиеся дирхедами. Очевидно, по отношению к этим дирхедам илекского чекана и наличествовал в то время установленный правительством официальный курс как 100 к 80 (или 70) гитрифи. Это вполне естественно, поскольку сплав „гитрифок“ был более высококачественным по сравнению с металлом общегосударственных медных дирхемов. Дошедшая же редакция текста обязана своим происхождением, очевидно, позднему искажению со стороны переписчиков, почему и получилось несоответствие с действительностью.

Прямых указаний на обращение в государстве Караханидов „мусейябок“ и „мухаммедиек“ в письменных источниках как будто нет. Но из приведенных нумизматических фактов и сообщения ал-Кубави следует, что в Бухарском районе еще ходили гитрифи, а в Самаркандском близкие им „мухаммедийки“ претерпели некоторую трансформацию в смысле изменения давно устаревшей по содержанию легенды.

ВЫВОДЫ

Переходя к частным выводам, некоторым обобщениям и установлению хронологической последовательности событий на основе выявленных нумизматических данных, прежде всего следует отметить, что внедрение чисто арабско-мусульманского чекана в Средней Азии проходило, видимо, очень вяло и значительно медленнее, чем в остальных частях халифата. Это, несомненно, обусловлено было не только наличием ряда монетных чеканов различных систем, но и упорным сопротивлением местного населения завоевателям. При Омейядах в конце VII в. в Мерве, как и в некоторых других областях, прибегли к выпуску предназначавшихся для хорасанской провинции серебряных и золотых монет по образцу хозроевских драхм

отчасти с пехлевийской, отчасти с арабской легендой. Даже в первые годы прихода к власти Аббасидов мы имеем встречающиеся на территории Согда медные монеты, на одной стороне которых читается написанный куфическим почерком символ $\text{الله محمد رسول الله}$, а на другой помещен тамгообразный знак как бы в виде стилизованной фигурки человека¹. Несомненно, что эти монетные кружки выпущены в подражание той группе старотюркских монет, которые ходили в Мавераннахре перед арабским завоеванием. Из них прототипом для арабского чекана послужили известные монетные кружки со стилизованным не то мужским не то женским лицом en face на А и чело-векоподобной тамгой на R².

Но особенно показательны для конца VIII в. на ряде мавераннахрских монетных дворов массовые эмиссии дирхемов типа бухархудатского и хорезмшахского чеканов. Отмечавшееся выше хронологическое совпадение этого мероприятия с годами подавления одного из самых бурных антиарабских движений едва ли только случайно. Думается, что прекращение на некоторое время чекана общегосударственной арабско-мусульманской монеты и одновременный выпуск монет домусульманского типа вызваны были соображениями политического порядка и явились известной уступкой исповедывавшей зороастризм основной массе местного населения, в среде которого лишь некоторые лица из зажиточной и знатной верхушки нашли общий язык с завоевателями и сочли выгодным принять ислам. Попытки арабских властей пойти на разного рода компромиссы имели место и в последующие ближайшие годы. Полагаем, что, вероятно, в этом был смысл отданного в правление Харун ар-Рашида наместником Хорасана Фадл бен Яхъя Бармаки (794—795) распоряжения о возжигании светильников в мусульманских мечетях в месяце рамазан на подобие возжигания священного огня в зороастрийских храмах.

Когда Мусейяб бен Зухейр ар-Забби, выполнявший возложенное на него халифом Махди поручение по усмирению восстания Муканы, или Абу л-Аббас Фадл должны были выпустить серебряные монеты в более или менее близком и привычном стиле для населения Мавераннахра, они, естественно, взяли за образец наиболее поздние дирхемы бухархудатов, уже как-то трансформировавшие в местном вкусе изображения сасанидского прототипа. Собственно выбора большого и не было, так как, за исключением несколько изолированно стоявшего в стороне Хорезма, из всех местных чеканов в областях Мавераннахра лишь в Ухаре имелась тогда серебряная монета. Вначале все новые дирхемы домусульманского типа были полноценными высокопробными серебряными монетами, несшими позади бюста в короне то с полумесяцем, то с кольцом прозвище правившего тогда халифа Махди (775—785), иногда с дополнительными словами الله и موسى الله . Судя по наличию нескольких типов, они чеканились на разных дворах, в том числе на шашском и самаркандском, и в течение некоторого времени известны были под названием

¹ Изображение подобной монеты см. В. Г. Тизенгаузен, Нумизматические новинки, цит. соч., таб. 1, № 4. В описании автор истолковывает изображение как жертвенник или тамгу. Там же, стр. 234.

² Экземпляр такой монеты из собранной Петровым - Борзой в Самарканде коллекции опубликован В. Г. Тизенгаузеном. См. его Notice..., Цит. соч., стр. 5, № 5.

„махдия“¹. В эту же пору в легенду дирхемов, выпущенных в Хорезме по образцу хорезмшахского домусульманского чекана, стали помещать имя тогдашнего хорасанского наместника Фадла (783—787).

Одна серия монет, выпущенная, может быть, одновременно на ферганском и на самаркандском монетных дворах, в арабской легенде упоминала не прозвище халифа, а его имя „Мухаммед“, встречающееся уже на монетах его отца, халифа Мансура (764—775). Случайно тезкой халифа оказался тогдашний правитель Самарканда, Мухаммед бен Дехде. Новые дирхемы с именем Мухаммеда получили потом название „мухаммедиек“, которое настолько упрочилось, что когда при одном из новых правителей Самарканда, Али, выпустили такие же дирхемы, но с более расширенной и уже типично мусульманской легендой за счет упразднения согдийской, то в первую включили и название монеты محليه. Приводимый в этой легенде Али Сулейман, по предположению А. К. Маркова², может быть отождествлен с упоминаемым у Якуби Али сыном Сулеймана³, который был вали халифа Махди и современником Гитрифа. Отвод этого предположения А. де ла Фюй на основании отсутствия в легенде слова „бен“ может быть оспариваем, т. к. родственные отношения в некоторых случаях в Иране и в Средней Азии выражаются иногда изафетом [как например, رستم زال — Рустем, сын Зала]. Но вопрос о точном хронологическом определении времени правления Али Сулеймана и выпуске новой серии монет с его именем должен стать предметом специального рассмотрения.

Так как основная масса первых дирхемов домусульманского типа получила название „махдия“, то когда в начале правления сына Мехди, халифа Харун ар-Рашида, приступили к выпуску серии полноценных серебряных дирхемов, в арабской легенде появились слова „махдийка халифа Харуна“. Правильно расшифровавший эту легенду А. де ла Фюй, прошел мимо ее осмысления и в своем хронологическом разборе опустил всю группу монет. Нами предположено посвятить этим монетам специальное исследование в работе о гитрифии.

Названия „гитрифи“ и „мусейяби“ следует рассматривать как позднейшие народные, поскольку население связывало выпуск монет с более близкими и живыми для него персонами наместников, нежели с далекими и малореальными фигурами халифов. Даже наименование „мухаммедиек“ воспринято было, как мы попытались показать, через имя провинциального правителя, а не „повелителя правоверных“. Во всяком случае, среди массы весьма разнообразных черных дирхемов типа бухар-худатских монет нет ни одной, где бы были проставлены имена Мусейяба или Гитрифа. Возражая против мнения Н. И. Веселовского,⁴ В. В. Бартольд на основании слов Наршахи и Самани полагал, что „имена всех трех наместников были чеканены на монетах, может быть, не арабскими, а арамейскими буквами“⁵. Между тем, Наршахи писал свой труд в середине X в., т. е. полтора столетия спустя после того, как в Бухаре стали выпускать гитрифи.

¹ Имя Махди проставлялось уже задолго до того на бухарских фельсах общегосударственного образца, выбивавшихся при разных наместниках со 143 г. х. (760/1 г. н. э.), т. е. еще в бытность Махди наместником престола, причем иногда в легендах, например на фельсах 151 г. х., он носит титул „имам“.

² А. Markoff, *Registre* ... лит. соч., p. 22.

³ Ibn Wadhīd al Jaqūbī hist. Ed. Houtstma, t. II, p. 481.

⁴ Н. И. Веселовский, Рецензия на книгу Мухаммеда Наршахи „История Бухары“, Перев. с персидского Н. Лыкошина под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, Журнал Министерства народного просвещения, 1897, декабрь, отд. 2, стр. 466—468.

⁵ В. В. Бартольд, Туркестан. . . ч. II, цит. соч., стр. 212.

К тому времени отдельные детали о появлении черных дирхемов стали забываться. В народе складывалась приводившаяся выше легенда о трех братьях, которой люди стремились осмыслить прочно вошедшие в обиход термины. Наршахи частично отдал дань представлениям своего времени и записал в своем рассказе, будто чекан дирхемов в Бухаре в 792 г. произвели прежним штампом, но с именем Гитрифа, отчего, мол, и произошло самое название „серебро гитрифа“, Нумизматическими объектами это никак не подтверждается, а Наршахи мог привести упомянутое сведение на основании аналогии, исходя из факта проставления в VIII в. имен хорасанских наместников арабских халифов на местном чекане из неценных металлов.

Опыт с введением в эту пору низкопробных дирхемов не прошел бесследно для соседних областей Мавераннахра, и на его монетных дворах вскоре стали выпускать подобную же продукцию сперва из высококачественных сплавов шести металлов, а затем постепенно перешли на выпуск низкокачественных, почти медных „черных дирхемов“, столетия сохранявших свой бухар-худатский тип. Такую эволюцию можно проследить и по монетам с именем Харуна, и по „мухаммедийкам“, и по „махдийкам“. При этом, судя по типу короны с кольцом, на том же монетном дворе, где раньше выпущены „махдийки“ со словами *موسى لله* и именем Харун ар-Рашида, одно время чеканили тип последних с проставлением упоминавшихся выше спаренных знаков *بخ بخ* в удостоверение „доброкачественности“ дирхемов нового выпуска. Подобная апробация черных дирхемов не может быть признанной неуместной и вполне объяснима как официальная пропаганда в пользу заведомо неполноценных монетных кружков, к тому же вышедших с измененным против прежнего видом. После того, как эти дирхемы получили широкое обращение, апробация стала излишней, и в последующих выпусках знаки *بخ بخ* снова заменяются „бляшками“. Возможно, что на монетах, вычеканенных после смерти халифа Махди, позади бюста помещено не его прозвище *المهدي* как принято читать по традиции эту надпись с весьма условным окончанием в виде двух коротеньких дефисов-, а *المهديه* т. е. упрочившееся название „махдийка“.

При всем сказанном наличный нумизматический материал убеждает в том, что первыми дирхемами типа бухар-худатского чекана, которые могли быть выпущены при не упомянутом на монетах Мусейябе, или выдускались при его преемниках, и которые более всего имели право называться „мусейябками“, были „махдийки“ из высокопробного серебра.

Удачно найденная спекулятивная форма извлечения дополнительных доходов от населения путем одновременного сосуществования двух категорий монет с установлением принудительного курса на неполноценные дирхемы обеспечила длительное бытование черных дирхемов типа бухар-худатского чекана. В государстве Саманидов их могли выпускать не только Самарканд, Бухара и Шаш—Бинкет, но также временами функционировавшие монетные дворы Тункет—Илака, Ахсыкета, Ферганы, Насрабада, Осрушаны и др. Уже одно это обстоятельство могло повлиять на появление некоторых новых ва-

¹ Соответствующее место текста имеется в двух вариантах. Первый, наиболее

распространенный, вошедший в бухарское литографированное издание *و بان سكه* и второй — в рукописях: *وسكه پيشين راکه کند شته* *بنام غطريف زندي* *بنام غطريف مسكوك کردانيدند*

риантов в классе монет черных дирхемов. С другой стороны, с течением времени могла несколько нарушиться строгая локальность в распространении определенных типов. Будучи все более или менее схожи по внешности, а главное, по стандарту, являясь к тому же по существу условными кредитными денежными знаками, черные дирхемы легко могли оказаться за пределами ранее узаконенного ареала распространения. Вероятно, процесс смешения состава местных запасов разменной монеты проходил стихийно и этим объясняется нахождение разных типов за пределами их прежних нумизматических провинций. Некоторые добавки посторонних монет в X в. видимо еще не влияли на преобладание локального типа в том или ином районе, иначе была бы непонятна роспись хераджа с подразделением, какого вида дирхемами должны поступать с районов податные суммы. А priori можно допустить, что в государстве Караханидов в этом отношении былой четкости уже не было.

Среди многих вариантов черных дирхемов типа бухар-худатского чекана некоторые оказались очень стойкими. К таковым относятся в первую очередь монеты одной из групп ранних „махдиек“, известные в особенно большом количестве. В северных областях Средней Азии за ними упрочилось локальное наименование „мусейбок“ по имени Мусейяба, о котором в народе осталось дурная память. Он вспоминался как жестокий усмиритель народного восстания и любостыжательный наместник, а потом на него перенесли представление и как на виновника введения черных дирхемов, которые принесли немало злоплатному населению. Вместе с „мусейябками“ пережили крушение саманидского государства и „мухаммедийки“ с именем Али Сулеймана. С них, как нами отмечалось выше, скопирован при Илеках тот тип черных дирхемов, которые несут титул „хакана величайшего“ и от датировки которых, считая трудным определить ее, уклонился А. де ла Фюй¹

Унаследование черных дирхемов государством Караханидов явление не случайное. Во-первых, система сосуществования двух категорий монет, обращение которых регулировалось искусственно поддерживавшимся курсом, была очень выгодным финансовым мероприятием и для казны нового тюркского государства. Во-вторых, в наличии имелись огромные массы этих черных дирхемов. В-третьих, они по своему типу были „нейтральными“, так как в их облике ничто не напоминало государственный чекан свергнутой династии Саманидов. Очень вероятно, что в XI в., когда мало-помалу в новом государственном образовании Караханидов окончательно утратился смысл узколокальных выпусков гитрифи, мусейяби и мухаммеди а следовательно и сохранения за ними прежнего индивидуального облика, постепенно перешли к чекану черных дирхемов по единому образцу, оставив выбор на типе наиболее широко распространенных тогда в Мавераннахре бывших „мусейбок“.

Исчезновение же черных дирхемов из употребления, нам кажется, явилось одним из косвенных и отдаленных последствий монетного серебряного кризиса XI—XII вв., в результате которого при постепенной порче серебряной монеты, особенно с переходом на бронзовые и медные дирхемы общегосударственного чекана, спекуляция на разнице курсов их с черными дирхемами бухар-худатского типа становилась все менее и менее выгодной. Это-то обстоятельство в основном и привело к тому, что последние вышли из употребления уже, повидимо-

¹ Безусловно ошибочной является датировка этой группы монет временем халифа Амина (808—813), т. е. началом IX в., о чем см. J. Walker, A Catalogue of the Arab-Sassanian Coins, London, 1941, p. XCIV.

Год	События	Наместники	Монетный чек		
775	Восстание Мукаинн		[Чекан фельсов в Бухаре с именем		
776			Фельсы Бухары		
777					
778					
779					
780					
781					
782			Подавление восстания Мукаинн	Мусейиб [780-783]	Возможный первый выпуск „махдиэ
783					Махдийки“ с <i>مجدى و الفضل لله</i>
784					
785	Ал Хади [785-785]	Абу л-Аббас Фадал [783-787]			
786					
787					
788		Джафарбен Мухаммед [787-789]	„ <i>خلفه هرون جعفرالله</i>		
789			بديه الخليفه هرون جعفرالله		
790			Фельсы Бухары 173 г. х.		
791					
792	Выпуск „гитрифи“	Гитриф [792-793]	Дирхемы „гитрифи“ 176 г. х.		
793					
794	Распоряжение о возжигании светильников в мечетях	Фадал бен Яхья [794-795]			
795					
796					
797					
798					
799					
800					
801					
802					
803					
804			Фельсы Бухары 185 г. х. Æ		
805					
806					
807	Восстание, возглавленное Рафи бен Лайсом				
808					
808					
809					
			Дирхемы Бухары 193 г. х. Æ		
			„Махдийки“ с <i>مهديه الخليفه هرون</i>		

A — серебряные монеты; Æ — медные монеты

Таблица 2

Монетный чекан Мавераннахра	Самарканд
чекан фельсов в Бухаре с именем Махди, наследника престола, со 143 г. х.] A	Дирхемы 150 г. х. A
Фельсы Бухары 160 г. х. [776/7] A	
«возможный первый выпуск „махдийск“ A	
Махдийки* с $\text{المجدي و الفضل لله}$ A	Дирхемы „хорезмшахские“ с الفضل A
„ $\text{الحليفه هرون جعفرالله}$ A	„ „ „ جعفر A
„ $\text{مجديه الخليفه هرون جعفرالله}$ B	„Мухаммедийки* с علي سليمان A
Фельсы Бухары 173 г. х. A	Дирхемы Самарканды 174 г. х. A
Дирхемы „гитрифи“ 176 г. х. B	„Махдийки* с المجدي и ههه B
Фельсы Бухары 185 г. х. A	
	Дирхемы معادن الشاش 189 г. х. A
	الشاش 190 г. х. A
Дирхемы Бухары 193 г. х. A	
Махдийки* с $\text{مجديه الخليفه هرون}$ A „махдийки* с المجدي и هههه A	„Мухаммедийки* с علي سليمان A

монеты: A — медные монеты B — монеты из сплава

Составил М. Е. Массон

Таблица 2

Год	События	Наместники	Монетный чекан Мавераннахра	Самарканд
775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809	<p>Восстание Мукадды</p> <p>Подавление восстания Мукадды</p> <p>Ал Хадид [785-786]</p> <p>Выпуск „гитриф“</p> <p>Распоряжение о возжигании светильников в мечетях</p> <p>Восстание, возглавленное Рафи бен Лайсон</p>	<p>Ал Махди [775-785]</p> <p>Абу л-Аббас Фадл [783-787]</p> <p>Джафар бен Мухаммед [787-789]</p> <p>Гитриф [792-793]</p> <p>Фадл бен Яхья [794-795]</p>	<p>[Чекан фельсон в Бухаре с именем Махди, наследника престола, со 143 г. х.] Æ</p> <p>Фельсы Бухары 160 г. х. [776/7] Æ</p> <p>Возможный первый выпуск „махдийки“ A</p> <p>Махдийки* с الفضل بن المهدي A</p> <p>Махдийки* с $\text{الحالفه مروان جعفر بن محمد بن الخليفة مروان جعفر بن جعفر}$ A</p> <p>Фельсы Бухары 173 г. х. Æ</p> <p>Дирхемы „гитрифи“ 176 г. х. B</p> <p>Фельсы Бухары 185 г. х. Æ</p> <p>Дирхемы Бухары 193 г. х. Æ</p> <p>„Махдийки“ с $\text{محمد بن الخليفة مروان جعفر بن جعفر}$ Æ</p> <p>„махдийки“ с الفضل بن المهدي Æ</p>	<p>Дирхемы 150 г. х. A</p> <p>Дирхемы „хорезмшахские“ с الفضل A</p> <p>„Мухаммедийки“ с علي سليمان A</p> <p>Дирхемы Самарканда 174 г. х. A</p> <p>„Мухаммедийки“ с علي سليمان B</p> <p>Дирхемы الشاش 189 г. х. A</p> <p>الشاش 190 г. х. A</p> <p>„Мухаммедийки“ с علي سليمان Æ</p>

A — серебряные монеты; Æ — медные монеты B — монеты из сплава

му, к середине XII в. Обычность же их среди местных находок, на руках у населения и в нумизматических собраниях объясняется тем, что в свое время насыщенность ими рынков была исключительной, поскольку они чеканились и были в обращении в течение нескольких столетий.

Просмотр по натуре дирхемов мусейяби и мухаммеда, составляющих наиболее многочисленные группы среди черных дирхемов бухар-худатского типа, позволяет наметить в их чекане три основных этапа. На первом, самом коротком из них, после подавления движения, возглавленного Муканной,—это достаточно высокопробные серебряные дирхемы. В Хорезме параллельно чеканятся домусульманские хорезмшахского типа монеты с именами наместников Фадла и Джафара. На втором этапе, уже по введению в 792 г. „гитрифок“, черные дирхемы в Мавераннахре делаются из сплава нескольких металлов, но в них, как и в первых гитрифи, серебра больше, чем лигатуры, и даже имеется некоторое количество золота. В связи с прекращением выпуска полноценных дирхемов типа бухар-худатского чекана и переходом на чекан низкопробных на монетных дворах Шаша, Самарканда и Бухары постепенно возобновляется изготовление серебряных дирхемов общегосударственного типа. На третьем, самом длительном этапе, металл черных дирхемов настолько ухудшается, что к ним вполне применимы слова Якуби, сказанные им в отношении „гитр-фок“ Бухары второй половины IX в.: „Дирхемы тамошние похожи на медные“. Что касается Хорезма, то с переходом на низкопробные „черные дирхемы“ на монетах прекращается проставление имен арабских правителей.¹

Таковы некоторые новые факты и соображения в части дирхемов мусейяби, как они проектируются на общий фон современных знаний по среднеазиатской нумизматике. Предлагая данный этюд в порядке предварительного сообщения, нам хотелось подчеркнуть им в первую очередь значимость установления топографического распределения мест находок тех или иных изучаемых монет. Совершенно очевидно, что дальнейшее выяснение ареалов распространения монетных находок и установление по ним нумизматических провинций намного подвигнут изучение среднеазиатской нумизматики вообще, и в частности, будут способствовать уточнению локального приурочивания различных групп черных дирхемов бухар-худатского типа. Уточнению датировок этих монет, не несущих обозначения года и оставшихся в малоизмененном виде на продолжительных отрезках времени, должны помочь находки кладов смешанного состава с добавкой к черным дирхемам монет иных чеканов, чего до сих пор нам наблюдать не приходилось. Разумеется, в будущем крупную роль при этом сыграют столь настоятельно необходимые анализы химического состава металла этих монет, что в свое время так убежденно и с большим предвидением пропагандировал талантливый русский ученый П. И. Лерх.²

¹ О том, что следует подразумевать под черными дирхемами хорезми первых веков ислама см. Е. Массон, К проблеме открытия алфавита древнего Хорезма СОНАТ, 1938, 6, стр. 64—65.

² См., например, его несправедливо забытые заметки *Применение химии к археологии*, Известия РАО, т. VI, СПб., 1868, стр. 103—112, 134—135, 171—182. Сделанного Э. Э. Працем, по просьбе самого П. И. Лерха, качественного анализа трех экземпляров монет бухар-худатского типа теперь недостаточно. Число подвергаемых анализу экземпляров от разных групп монет должно быть значительно увеличено, а, главное, по ним должны быть сделаны количественные анализы, которые своими результатами дадут более полноценные для суждения данные.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Юрьевич Якубовский (некролог)	5
Д. Н. Лев—Новые данные по палеолиту Узбекистана	9
В. А. Шишкин—Археологические работы в мечети Магоки-Аттари в Бухаре	29
В. А. Нильсен—Мечеть Диггарон в сел. Хазара	61
С. К. Кабанов—Археологические разведки в верхней части долины Кашка-Дарья	77
Л. И. Альбаум—Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников	115
В. Л. Воронина—Элементы архитектуры замка Ак-Тепе близ Ташкента по данным археологических работ 1941 г.	139
Е. А. Давидович—Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана	155
М. Е. Массон—К вопросу о черных дирхемах Мусейяби	175

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
22	8 сверху	на камне	на конце
36	10 снизу	благоденствие) ¹	благоденствие) ² .
48	после 17 строки снизу	пропущена строка	соч. стр. 39, 41—42) Из памятников, находящихся за пределами Средней Азии,
48	8 снизу	IX—X вв.	X—XI вв.
59	3 снизу	Mañ Tempel	Mañ Tempel
66	26 сверху	поля	поля
66	9 снизу	Верхний	Нижний
74	4 снизу	стр. 1207	стр. 120
117	1 сверху	И. Минаева	И. Минаева ³
119	1 сверху	(рис. 2, 7, 8, 9, 10)	(рис. 2, 7, 8, 9, 10)
125	6 сверху	Capra Sibirica	Capra Sibirica
149	11 снизу	1 2 (т. е. A:h=2)	$\sqrt{2}$ (т. е. A:h=2)
157	23 снизу	(д.—38—40 мм; в.—6—10 г.)	(д. 38—40 мм; в. 6, 10 г.)
158	18 сверху	в слове „ймад“	в слове „ймад“
160	31 сверху	Немцова	Немцева
164	28 снизу	الحليل	الجليل
173	4 снизу	الرجال	الرجال
175	3 сверху	المسيبه	المسيبيه
178	19 сверху	(البيصنى)	(الببضى)
183	24 сверху	192	1927

Ответственный редактор *В. А. Шашкин*
Редактор Издательства *М. В. Скрипник*
Технический редактор *З. П. Горьковая*
Корректоры *Л. В. Степанова* и *З. В. Федорова*

P01977. Подписано к печати 20/X-55 г. Бумага $70 \times 103^{1/16} = 6,25$ бум. л. — 16,44
печ. л. Изд. л. 15,5 Тираж 100. Цена 13 р. Переплет 1 р.

Типография Издательства АН УзССР. Заказ. 690.
Ташкент, Хорезмская, 9.—1955 г.